Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 20 31 ОКТЯБРЯ № 20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Главлит № А—45352 Тираж 106,000 экз.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

О подготовке новых специалистов.

Гигантский размах и превышающий планы исключительно быстрый темп социалистического строительства отчетливо показали, что одним из наиболее узких мест является вопрос о кадрах специалистов в промышленности и сельском хозяйстве.

Еще в прошлом году июльский пленум ЦК ВКП(б) со всей решительностью указал на необходимость радикального разрешения вопроса об улучшении подготовки кадров специалистов, подчеркнув, что «подготовка новых специалистов превращается в важнейшую задачу всей партии».

Истекший год целиком и полностью подтвердил правильность указаний и решений июльского пленума ЦК. В настоящий период стремительного роста нашего хозяйства особенно остро ощущается потребность в новых квалифицированных специалистах. Буквально все участки нашего строительства резко испытывают эту нужду.

Перед нами во весь рост встала проблема кадров в реконструктивный период развития народного хозяйства. Этот период со всей остротой и решительностью ставит вопрос как о количестве новых специалистов, так и об их качестве.

Необходимость развертывания нашей промышленности и сельского хозяйства на основе широкого использования новейших достижений мировой науки и техники, коренная перестройка всего производственного аппарата, сложная обстановка обостренной классовой борьбы,—все это пред'являет совершенно особые требования к кадрам технических руководителей и организаторов строящегося социалистического хозяйства. Нам нужны специалисты, которые сочетали бы глубокую техническую подготовку с широким общественно-политическим кругозором и умением организовать творческую активность миллионных масс трудящихся.

Наличные кадры специалистов недостаточны не только количественно. Они и по своим качествам далеко не всегда способны удовлетворить новым требованиям.

В обстановке обостряющейся классовой борьбы в рядах технических специалистов происходит политическая дифференциация.

По мере успешного развертывания социалистической реконструкции хозяйства СССР, ликвидирующего всякие надежды на восстановление капитализма, контрреволюционная часть специалистов

все активнее переходит на путь скрытой и открытой борьбы против Советской власти. Шахтинское дело было первым сигналом, свидетельствовавшим о наличии прямых попыток классового врага подорвать социалистическое строительство путем вредительской деятельности.

Шахтинское дело отнюдь не было случайным, единичным явлением. За последний период был раскрыт еще длинный ряд вредительских дел, достаточно наглядно показывающих, что «реакционеры не краснобаи, а люди дела», что попытки контрнаступления со стороны капиталистических элементов идут и по линии активного вредительства в области хозяйства. Только правые и примиренческие к ним элементы, упрямо не желающие видеть обострения классовой борьбы, могут пытаться замазывать этот процесс дифференциации среди специалистов и активизации их антисоветской части.

Беспощадно борясь с вредителями и попрежнему используя работающих честно и добросовестно советских специалистов, усиливая работу по их вовлечению в дело социалистического строительства, мы в то же время должны решительно форсировать подготовку новых пролетарских специалистов, на которых мы могли бы всецело опереться в великом деле социалистической перестройки хозяйства и которыми могли бы заменить враждебные нам элементы старых специалистов. Без разрешения этой задачи мы не сможем осуществить пятилетку.

Однако, темп подготовки новых кадров совершенно ничтожен. Его нельзя даже сравнивать с огромными темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства.

Нам необходимо как можно скорее ликвидировать эти «ножницы», добившись решительного и радикального количественного и качественного перелома в деле подготовки новых специалистов.

Июльский пленум ЦК признал состояние дела подготовки специалистов неблагополучным. Система подготовки специалистов не связана с промышленностью и не приспособлена к ее требованиям, не обеспечивает молодым специалистам усвоение новейших достижений мировой науки и техники. Техническое образование оторвано от производства. Пребывание студентов во ВТУЗ'ах чрезмерно продолжительно (6—8 лет), выпуски крайне малочисленны. Общественно-политическое воспитание студенчества совершенно неудовлетворительно. Наличный кадр преподавателей и профессоров совершенно недостаточен и далеко не стоит на уровне современных требований. Материальное положение ВТУЗ'ов очень тяжелое. Констатировав эти основные недостатки, еще острее проявляющиеся в деле подготовки техников, июльский пленум ЦК наметил пути коренной реорганизации дела подготовки новых специалистов.

Истекший год показал, что,—несмотря на кое-какие достижения в деле улучшения подготовки специалистов: некоторое приближение

ВТУЗ'ов к производству, улучшение социального состава студенчества, улучшение материального положения и т. д.,—решения июльского пленума выполняются совершенно неудовлетворительно. Не только органы Наркомпроса и ВСНХ, но и партийные и, в особенности, профессиональные организации, не осознали всей актуальности и остроты проблемы подготовки новых кадров и не сумели добиться необходимого перелома. Достаточно сказать о том, что все наши органы до сих пор не сумели поставить учет потребности в новых специалистах. Составленные крохоборческие планы подготовки специалистов попросту смехотворны.

Связь ВТУЗ'ов с промышленностью остается формальной. Непрерывная производственная практика лишь с этого года начинает серьезно внедряться в жизнь ВТУЗ'ов. Эффективность ВТУЗ'ов все еще ничтожна — кончают в год 6% состава студентов. Учебная жизнь попрежнему беспорядочна и хаотична, исключительно высок процент второгодничества и т. д., и т. п.

Со стороны парторганизаций и профсоюзов не заметно того усиленного внимания ко ВТУЗ'ам, к руководству работой студенческих организаций, которые особенно необходимы в столь ответственный период коренной ломки старого уклада.

А между тем, во ВТУЗ'ах—в соответствии с общим обострением классовой борьбы в советской стране—также разгорается ожесточенная классовая борьба.

Реакционные элементы профессуры нередко открыто используют вузовскую кафедру для антисоветской пропаганды.

В I Московском Ун-те — профессор доказывает студентам, что «Коммунисты в мировом организме являются тем же, чем в обыкновенном человеческом организме являются некоторые кишечные бактерии: играют ту же отрицательную роль, также размножаются и также вырабатывают продукты вредные для организма». А на Украине профессор математики, об'ясняя решение математической задачи, заявляет: «Скобки—это большевики, нарушившие общий порядок, если бы не было этих скобок - большевиков — задача была бы разрешена». Профессор Казанского Университета глубокомысленно рассуждает о «неспособности рабочих и крестьян заниматься умственным трудом, руководить культурным и хозяйственным развитием страны, т.-к. у них десятками лет воспитывался рефлекс на физический труд и к иному они неспособны.». Тоже доказывает и томский профессор: «Люди пришедшие в ВУЗ от станка и плуга не могут быть научными работниками, их организм к этому не приспособлен и не выдерживает».

Реакционная профессура открыто выступает против нашей политики. Примером могут служить хотя бы характерные выступления профессора Сибирского с.-х. института Стальгани: «Из организации совхозов и коммун вряд ли что получится». Он заявляет, что у нас под'ема с.-х. придется ждать 50 и больше лет, т. - к. «нет у крестьянства заинтересованности». В этом же

институте проф. Соколов доказывает, что «под'ем хозяйства зависит от богатого хозяина», что «у нас неправильно взят курс на бедняка», что «необходимо дать больше льгот зажиточным и тогда в деревне появится стимул», что «индустрия скачет, а сельское хозяйство плетется».

Еще шире распространены в ВУЗ'ах выступления против марксизма, проповедь идеализма и даже прямая религиозная пропаганда, вроде выступлений профессора Иоганзен (Томск), о том, что «естественник начинает возвращаться обратно в церковь, ибо приходит к выводу, что теория естественных наук не имеет под собой достоверной почвы и зависит всецело от высших божественных начал». Или выступление иркутского профессора Спасского о том, что бог «при сотворении мира вынужден был прибегнуть к коллоидным соединениям, как наиболее удобным носителям жизненного процесса».

Реакционная профессура упорно и активно сопротивляется реформе ВТУЗ'ов, сокращению сроков обучения, введению непрерывной производственной практики, разгрузке программ от излишнего и устарелого материала и т. д.

В то же время старые профессорско-преподавательские кадры в значительной своей части отнюдь не обеспечивают приобщения студенчества к новейшим достижениям мировой науки и техники. Новые специалисты готовятся на устарелом материале. Имеется ряд фактов из этой области.

В одном из основных, широко распространенных во ВТУЗ'ах учебников — Фармаковский. — Машиноведение, перепечатанном в 1927 году с дореволюционного издания, говорится: «Дизель может быть пущен в ход сжатым кислородом в случае отсутствия сжатого воздуха»... А вот, что пишет старший следователь Харьк. Окр. прокуратуры Янковская (см. «Вестник Инженеров» № 5/6 за 1929 г., стр. 235) о взрыве на трикотажной ф-ке в Харькове: «...взрыв произошел вследствие того, что главный техник разрешил пустить дизель сжатым кислородом...» Последствия: «...смерть электромонтера, тяжелые ожоги и переломы костей у ст. машиниста, легкая контузия и ожоги у другого машиниста,... убытки 6.000 руб.»... Главный техник в оправдание заявил, что из книги Фармаковского «Машиноведение» ему известно, что дизель может быть пущен в ход сжатым кислородом...» Там же следователь указывает, что «взрывы от кислорода имели место и в других городах Союза («Вест. Инж.» №№ 11 за 1926 г., стр. 493), при чем в одном из случаев указано, что инженер, давая разрешение на пуск дизеля кислородом — сылался также на учебник Фармаковского».

В то же время работа по освежению кадров реакционной и неудовлетворительной профессуры встречает с ее стороны ожесточенное сопротивление—вплоть до фактов об'явления под бойкотом кафедр, намеченных к замене. В ВУЗ'ах развертывается жестокая классовая борьба; и ее проведение ложится преимущественно на плечи

студенческих ячеек без достаточного руководства со стороны партийных организаций.

Решительная реорганизация дела подготовки новых специалистов может быть осуществлена только при том условии, если эта задача будет поставлена в центр внимания партийных, профессиональных и хозяйственных организаций, как задача первостепенной важности.

Пятилетка не может быть выполнена, если она не будет обеспечена кадрами новых пролетарских специалистов. Так стоит вопрос. Совнаркомом принято уже решение о строительстве в течение пятилетия 47 новых ВТУЗ'ов и 172 индустриальных техникумов. Эта огромная сама по себе программа не может удовлетворить полностью потребностей пятилетки.

Необходимо решительно и немедленно на деле перестроить работу всех наших ВТУЗ'ов в соответствии с потребностями и темпами развития промышленности. Нужно широко развернуть сеть ВТУЗ'ов нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности. Сроки обучения во ВТУЗ'ах и с.-х. ВУЗ'ах вообще не должны превышать 4-х лет.

Непрерывная производственная практика должна действительно стать важнейшей органической частью подготовки студентов, планомерно чередуясь с теоретическим обучением и занимая до 40—50% времени. Должна быть проведна всесторонняя рационализация внутренней жизни ВТУЗ'ов с переводом их на непрерывную учебную неделю и непрерывный год.

Вместе с тем необходимо решительное укрепление трудовой дисциплины во ВТУЗ'ах. Это требует установления твердой внутренней организации в ВУЗ'ах, в частности, ликвидации изжившей себя системы выборности правлений.

Студенческие организации должны, как отметил еще прошлогодний июльский пленум ЦК, сосредоточить свое внимание на задачах идеологической борьбы, на общественно-политическом воспитании студенческих масс, на создании условий для повышения специальной подготовки студенчества. Их задачей должна быть работа по развертыванию социалистического соревнования между вузами, по вовлечению в это соревнование широких студенческих масс.

Разрешение задачи реорганизации подготовки новых специалистов возможно только при том важнейшем условии, если это дело будет теснейшим образом связано с хозяйственными органами. Промышленность должна рассматривать все дело подготовки новых кадров, как органическую свою задачу. Все планы строительства промышленности должны включать и планы подготовки новых специалистов. С этой точки зрения необходимо подчеркнуть, что проведенный решением июльского пленума ЦК опыт передачи нескольких ВТУЗ'ов в ведение ВСНХ и НКПС полностью и целиком себя оправдал, несмотря на совершенно неудов-

летворительную работу Главтуз'а. Здесь достигается главнейшее — установление более тесной, непосредственной связи ВТУЗ'ов с промышленностью.

Поэтому, учитывая важность и остроту проблемы кадров, необходимо в ближайшее время значительно расширить круг ВТУЗ'ов и техникумов, непосредственно руководимых ВСНХ, возложив на него и ответственность за строительство новых ВТУЗ'ов.

Новые специалисты должны быть в основной массе пролетарскими специалистами. Поэтому дело дальнейшей пролетаризации ВТУЗ'ов и техникумов остается боевой задачей. Но уже в текущем году мы столкнулись с недостатком подготовленных для ВТУЗ'ов рабочих кадров. Необходимо обеспечить массовую подготовку рабочих, работниц и их детей во ВТУЗ'ы, как путем расширения и радикального улучшения работы рабфаков и школ II-й ступени в пролетарских районах, так и путем отбора и подготовки рабочих непосредственно с производства.

Опыт направления во ВТУЗ'ы «1.000» коммунистов с серьезным стажем руководящей работы вполне себя оправдал. «Тысячники» не только весьма успешно учатся, но и играют большую роль в деле осуществления реформы ВТУЗ'ов. Это дело должно быть продолжено, расширено и (по линии профсоюзов) распространено на широкие массы квалифицированных рабочих.

Само собою разумеется, что дело решительного улучшения подготовки новых специалистов требует расширения материальной базы этой работы.

Проблема кадров — одна из острейших и важнейших проблем реконструктивного периода. Правые и примиренцы к ним не понимают всей остроты и важности этой проблемы. Они не понимают необходимости решительного форсирования подготовки новых пролетарских специалистов, что непосредственно связано с общим курсом правых на свертывание темпов индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. Не желая видеть обострения классовой борьбы, правые смазывают значение той борьбы, которую ведет против нас классовый враг через группы вредителей. Они неспособны понять, что задачу подготовки новых кадров специалистов перед нами ставит с исключительной остротой не только непосредственная хозяйственная необходимость, но и процесс политической дифференциации специалистов в обстановке обострения классовой борьбы. Установки правых решительно противоречат всей линии партии.

Партия должна сосредоточить все свои силы на разрешение важнейшей для социалистического строительства задачи подготовки новых кадров пролетарских специалистов.

Ем. Ярославский.

Предварительные итоги чистки рядов партии.

Приступая к генеральной чистке и проверке своих рядов партия ставила перед собою ряд важнейших задач.

Основная и главная задача была—проверить свои ряды в момент перехода к реконструктивному периоду; проверить каждого члена и кандидата партии; проверить всю партию сверху донизу, невзирая на лица; проверить работу каждой ячейки, каждой партийной организации; проверить, как они подготовлены к тому, чтобы выполнить гигантские задачи, поставленные перед партией, перед рабочим классом, перед всей страной. Насколько они усвоили линию партии, ее решения; насколько они проводят эти решения в жизнь; ударить крепко, беспощадно по извращениям классовой линии партии; выкорчевать, вычистить из рядов партии всех шкурников, примазавшихся, обюрократившихся, разложившихся, все чуждые элементы, накопившиеся в партии со времени генеральной чистки 1921 года и со времени тех проверок, которые мы проводили по отдельным категориям ячеек; беспощадно вскрыть болезни и недочеты в работе; втянуть широкие беспартийные массы в эту проверку и чистку партийных рядов; развернуть широчайшую самокритику; показать, что партия беспощадно выбрасывает из своих рядов всех, кто только по партбилету является коммунистом; привлечь в ряды партии из накопившегося пролетарского и батрацко-бедняцкого актива новые, свежие пополнения, вместо исключаемых из партии негодных, некоммунистических, разложившихся, обюрократившихся, чуждых элементов.

Эти гигантские задачи требовали к себе серьезнейшего внимания всей партии. Мы уже отмечали в «Большевике», в чем была коренная ошибка, допущенная многими организациями в этой проверке и чистке рядов партии. Эта коренная ошибка заключается в недостаточном внимании всей партийной организации к поставленной партией задаче. Все дело чистки возложили на проверочные комиссии. Эти проверочные комиссии подбирались далеко не везде достаточно тщательно, подготовительную работу проводили недостаточно, беспартийные массы втянули далеко не в такой мере, как это было нужно.

Принципиальную установку в чистке партии—выявить классовое лицо каждого партийца—сплошь и рядом заменили другими задачами, опошляя чистку партии, принижая ее принципиальное значение до уровня мелкообывательского копания в личной жизни. Конечно, мы говорим здесь об исключительных явлениях. Но порой эти явления слишком уж многочисленны и накладывают свой отпечаток на результаты проверки в целом ряде районов.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на некоторых итогах проверки рядов партии, требующих самого внимательного изучения со стороны всей партии.

Однако, мы с самого начала должны сказать, что, несмотря на ряд серьезных недочетов в проверке партии, эта проверка опровергает предсказания классовых врагов и враждебных партии оппозиционных группировок о перерождении партии и т. д. Мы не имеем еще точных данных проверки. Полученные пока нами сводки касаются только меньшей части проверенных членов партии, но даже самые общие цифры говорят об улучшении социального состава нашей партии. В самом деле,

Состояло членов и кандидатов ВКП(б):

Дата	Всего коммунист. (членов и кандидат.)	Из них по роду занятий Рабочих	%	Крестьян	%	Служ. и пр.	%
На I/I—28 г. . .	1.020.836	497.283	40,7	130.088	12,3	573,465	47,0
На I/VII—29 г. .	1.554.015	724.646	46,6	200.936	12,9	628,433	40,5
Кроме того в Кр. армии . . .	110.793						
Всего на I/VII—29 г.	1.664.808						

О чем свидетельствует эта табличка? Правда, мы еще не имеем точного выполнения решения партии о том, чтобы число рабочих, занятых в производстве, было не менее 50%, но мы неуклонно приближаемся к этому моменту. Мы имеем совершенно определенный рост рабочих в партии, занятых в производстве, и соответствующее падение служащих и проч. Это особенно видно по таблице приема в кандидаты. С 1/I-28 г. по 1/VII-29 г. принято 427.752 кандидата, т.-е. за полтора года около полмиллиона новых кандидатов в члены партии, из них по роду занятий:

Рабочих	318.528	(74,5%)
Крестьян	65.060	(15,2%)
Служащих и проч. .	44.164	(всего 10,3%).

Если принять в расчет, что у нас имеются районы с необычайно бедным составом рабочих, занятых в производстве, то надо признать, что значительно улучшается социальный состав партии. Обычная работа контрольных комиссий также содействовала улучшению социального состава. Всего было исключено из партии за это время (с 1/I-28 г. по 1/VIII-29 г.) 52.719 ч., при чем среди исключенных рабочие составляли 29,3%, крестьяне—21,2%, а служащие—49,5%. Другими словами, и при исключении проводился принцип отсева социально-чуждых. Партия исключала из среды рабочих только явно негодных членов партии.

Партия обратила особенное внимание на проверку руководящих кадров. Для проверки руководящих кадров были выделены члены ЦК и ЦКК. Это имело очень большое значение и в том смысле, — что члены ЦК и ЦКК лицом к лицу столкнулись с тем, как подбираются у нас руководящие кадры.

Проверка руководящего состава в самом начале чистки партии имела большое воспитательное значение. Исключение из состава руководящих кадров явно негодных членов партии показало широким массам, что проверка ведется невзирая на лица. А с другой стороны, перед широкой массой, заинтересованной в проверке руководящих кадров прошли лучшие партийцы, которых партия выдвинула на руководящие посты. Следует отметить, что массы, проявившие величайшую активность во время проверки руководящих кадров, в общем правильно усвоили линию партии в отношении проверки. Петроградский райком партии произвел разработку вопросов, заданных на 112 собраниях проверяемым, при чем разработано было около 6.000 устных и письменных вопросов. Вот каковы результаты этой разработки:

1.	Участие в революционной работе до 1917 г. и пребывание в других партиях	18,7%
2.	Отношение к троцкизму и правому уклону	10,1%
3.	Участие в гражданской войне и служба в Кр. армии . . .	16,8%
4.	Отношение к партобязанностям и службе	20,1%
5.	Бытовые вопросы: пьянство, многоженство, религиозность .	18,2%
6.	Связь с деревней	6,6%
7.	Судимость и партвзыскания	7,7%
8.	Политобразование	2,4%

Таким образом, подавляющая масса участников по проверке интересовалась тем, что собой представляют руководящие кадры, как участники борьбы партии за пролетарскую диктатуру, как они отстаивают ленинскую линию, и меньше всего, в общем, обращали внимания на бытовые вопросы. Рабочих интересовало, как партиец, поставленный на руководящий пост, выполняет партийные обязанности, как он вел себя в прошлом, как он относится к различным идеологическим уклонам, участвовал ли он в гражданской войне, в подпольной работе, как он проводит трудовую дисциплину.

Само собой разумеется, что вопросы бытовые — как ведет себя партиец в личной жизни, интересовали и интересуют массы. Примерно ⅕ часть вопросов посвящена именно этой бытовой стороне. Как общее правило, следует отметить, что беспартийные рабочие гораздо сильнее и более принципиально критиковали недостатки партийного состава, чем партийцы и проявили бо́льшую активность, нежели партийцы. Беспартийных рабочих интересовало, какое участие принимают руководящие товарищи в руководстве производством, в выполнении планов социалистического соревнования, как они борятся с бюрократизмом, как орабачивают аппарат. Именно с помощью беспартийной массы удалось вскрыть истинную физиономию многих партийцев, которые в течение ряда лет были на лучшем счету. Это была не анкетная проверка, не по бумажкам. Партийцы отчитывались перед массами.

Конечно, неправильно, когда некоторые товарищи из этого делали такой вывод, что «класс чистит партию». Такой хвостизм имел, к сожалению, место, когда партийные организации самоустранялись, когда были допущены такого рода искривления, как устройство отдельных собраний беспартийных, где предварительно проверялись коммунисты, без участия самих коммунистов. Такой хвостизм, к счастью, имел место только в отдельных случаях.

Проверка руководящего состава показала, что подавляющее большинство выдвинутых к руководству является и в самом деле лучшей частью ленинской партии. Однако, вместе с тем, нельзя не отметить того, что даже из этой лучшей части пришлось исключить в каждой организации ряд товарищей. Из членов бюро обл., краевых, республиканских парткомитетов и президиумов К. К. исключено 0,4% общего состава проверенных. Из числа членов губ., парт. комитетов и К. К. исключено 0,9% общего состава, а из числа членов окр. парт. ком. и К. К.—1%. Об'ясняется это, главным образом, тем, что слишком уж поверхностно относится партийная организация к подбору руководящих кадров. Проверка обнаружила, например, такие факты, что членом Таласского канткома (Киргизия) был введен беспартийный; что мандат члена ЦКК Азербайджана получает товарищ, который даже не был выбран. Отмечен ряд случаев, когда после партийной конференции долго и безуспешно ищут владельца фамилии, значащейся в списке членов руководящих партийных органов и никто не может дать о нем сколько-нибудь серьезных сведений. В ЦЧО члена ОблКК нашли только во время самой проверки. Оказалось, что его выдвинула ячейка, но потом, когда секре-

тарь этой ячейки узнал, что этот товарищ недостоин того, чтобы быть выдвинутым, ему стало стыдно за это выдвижение и он прятал выдвиженца. Такие случаи имели место и Московской и в других организациях. Вот что сообщает, например, член ЦКК тов. Швейцер по Вологодской организации:

«Рядовые члены губкома и губКК с предприятий и из деревни были подобраны небрежно, не из лучших партийцев; многие из них безграмотны политически, у большинства низкая производственная квалификация; многие, уже будучи в партии, венчались в церкви и крестили своих детей; получали ряд выговоров; из-за семейных обстоятельств покушались на самоубийство; подавали заявления о выходе из партии, состоя членами губкомов; работы с ними губкомом не ведется; никаких заданий от губкома у них нет; связь с бюро губкома у них слабая, чисто формальная (к пленуму). Они не являются проводниками работы губкома в массы; на предприятиях иногда даже не знают, что они входят в руководящую верхушку организации; узнавали об этом только во время чистки, при чем они были настолько слабы, что беспартийные заявляли: «Какая же это руководящая верхушка, они могут годиться лишь для посрамления верхушки организации».

Член ЦКК по Сибири тов. Ляксукин сообщает:

«Механическое, казенное отношение к подбору руководящего состава со стороны окружного комитета. Товарищи, которые были выбраны — рабочие от станка, машинисты и проч. Их выдвигали для того, чтобы познакомить их с работой и через них влиять на работу, воспитать их в руководящих вопросах. Оказалось так, что их выдвинули и забыли про них, что с ними надо вести работу.

Эти товарищи оказались неграмотными, решения XV партийного с'езда не читали. Отсидят конференцию или пленум, ничего не поймут, так как работа с ними не велась. Никто не считает их за членов окружкомов, у них ничтожный авторитет».

Что же удивительного при этом, что в Иркутске обнаруживается в руководящем составе бывш. стражник с уголовным прошлым, а в составе ярославского губкома — бывш. член союза русского народа.

«Заря Востока» от 2/VI-29 г. ставит вопрос:

«Чем об'яснить то обстоятельство, что в период самокритики в руководящие органы партии были выдвинуты те, которые достойны исключения из партии, которые сегодня выводятся из состава руководящих кадров и т. д. Почему только комиссия по чистке могла обнаружить это обстоятельство? Разве в наших организациях и в первую очередь, напр., в Бакинской организации мало прекрасных рабочих-большевиков, которых можно было выдвинуть в руководящие органы партии».

Конечно, это в первую очередь об'ясняется тем, что нередко выборы производятся не по принципу «отбора,—отбора лучших из лучших», а по принципу представительства той или иной ячейки, того или иного учреждения, той или иной организации. Нередко секретари ячеек или организаций выдвигают единолично и делегаты на конференции буквально дерутся за то, чтобы хоть кого-нибудь да провести «своих ребят»,—и в партийный комитет и в контрольную комиссию. А ячейка, имеющая в своих рядах такого выдвиженца—неудачника ничего не предпринимает, чтобы активизировать его, как члена руководящего партийного органа, или отозвать его, если он безнадежен в этом отношении или дискредитирует партию». (Из сводки ЦКК ИО).

Какой же практический вывод следует сделать из проверки руководящего состава?

Необходимо гораздо более тщательно проверять выдвигаемые кандидатуры при подборе состава руководящих органов. Каждый выдвинутый к руководству товарищ должен быть проверен на работе. Бюро партийного комитета или контрольный орган, в состав которого входит товарищ, должен внимательно отнестись к тому, что собой представляет выбранный для руководства товарищ, поставить его в условия, когда бы он это руководство мог осуществлять, когда бы он мог помогать руководству; подымать его политический уровень, воспитывать его, проверять его, требовать от него отчета в его деятельности, как выдвинутого к руководству, иначе не укрепляется связь с массами через таких руководящих товарищей.

* * *

Что показала проверка деревенских ячеек? Мы имеем пока далеко не полные данные по 6.646 ячейкам, в которых проверено 108.000 коммунистов, из них 11% женщин и 10,5% комсомольцев. Следует отметить, что добровольно и механически выбыло во время чистки гораздо меньше, чем во все прошлые проверки—всего 1,4%. Исключено в результате чистки около 14%, при чем,—мы считаем это неправильным,—процент исключенных женщин выше, чем мужчин. Следовало бы добиться как раз обратных результатов. Самое бережное отношение к каждой женщине-батрачке, крестьянке, входящей в состав коммунистической партии,—вот чем должны были руководствоваться проверочные комиссии.

Если мы обратимся к цифрам состава исключенных коммунистов, занятых в индивидуальном сельском хозяйстве, мы увидим, что наименьший процент исключенных составляют бедняки, освобожденные от сельхозналога, или обложенные налогом до 25 руб. Большая часть исключенных падает на зажиточных членов партии. Следовательно, подход к проверке был, в общем, безусловно правильный, классовый подход. Об этом же свидетельствует и состав исключенных из партии по проступкам, за которые они были исключены. Если выделить такие графы, как «чуждый элемент» и исключенные «за связь с чуждым элементом», то эти две категории составляют одну пятую исключенных. За искривление классовой линии, за хозяйственное обрастание, за скрытие прошлого, за отказ от вхождения в сельскохозяйственные коллективы, за выполнение религиозных обрядов, за антисемитизм исключено, примерно, столько же. Таким образом около половины исключенных в деревенских ячейках составляют чуждые социально или чуждые идеологически элементы.

Проверка партии в деревне привела к улучшению социального состава. Это первый и важнейший итог. Нет никакого сомнения в том, что партия будет в деревне расти теперь более усиленно за счет батрацких элементов, хотя следует отметить здесь же, что этой стороне дела,—вербовке рабочих и батраков в партию,—было уделено недостаточное внимание, а местами на это совершенно не обращалось внимания.

Проверка партии в деревне ставила себе задачей выявить, насколько коммунисты принимают участие в проведении партийных директив по коллективизации, по кооперированию населения. Сплошь и рядом коммунисты не только не являются застрельщиками этого движения, но противятся организации коллективов. Поэтому, резкая, четкая постановка этих вопросов во время проверки помогла партии выправить линию партийной организации в деревне в направлении более активного проведения в жизнь пятилетнего плана социалистического переустройства деревни.

Проверка выявила целый ряд недостатков в работе наших организаций в деревне. В самом деле, возьмем хотя бы такой момент, как исключение

из рядов партии в деревне нескольких тысяч членов партии, а среди исключенных— исключенные за выполнение религиозных обрядов составляют 4,3% к общему числу исключенных. О чем это свидетельствует? Не только о том, что недостаточно разборчиво принимают в партию, принимают не порвавших с религией, но и о том, что партийные организации на местах до сих пор не обращают серьезного внимания на постановку антирелигиозной пропаганды. Впрочем, это относится не только к деревне, это относится и к рабочим. И среди рабочих процент исключенных за связь с религиозным культом, за выполнение религиозных обрядов довольно еще значительный —4,4%. по учрежденским ячейкам — 1,8%, по ячейкам смешанного типа — 4% (по отношению к общему числу исключенных).

Газета «Призыв» (Влад. губ.) сообщает, что при чистке на стеклозаводе «Красный куст» обнаружен большой процент религиозных коммунистов, которые имеют иконы, крестят детей и сами платят попу деньги.

Газета «Красные Озера» (Моск. губ.) сообщает, что во время пожара в общежитии рабочих в квартире одного из коммунистов происходило пьяное празднование религиозного праздника Фрола и Лавра, а в Самаре, в ячейке Союзхлеба оказался даже баптист Кузин, «который и сейчас ходит с евангелием и раз'ясняетс женщинам «полезность» баптистского учения».

В Киргизии председсельсовета села Курмекты одновременно был муллой; другой — кандидат с 1928 г. — также мулла.

Массовая работа в деревне поставлена еще необычайно слабо, — вот вывод почти всех проверочных комиссий. К сожалению, не все проверочные комиссии сделали свои предложения в конкретной форме.

Проверка выявила многочисленые факты правого уклона в деятельности деревенских организаций: неправильное кредитование, неправильное обложение, смычка с кулаком, хозяйственное обрастание, отрицательное отношение к коллективизации и проч.

Так, в Гаринском районе (Урал) в состав райкома входили члены партии, державшие тесную связь с чуждыми элементами. Руководители райисполкомов, председатель и его заместитель, жили в тесной дружбе с кулачеством. Райком на практике проводил явную политику правого уклона, совершенно игнорировал решения партии о коллективизации сельского хозяйства; в кооперативные и общественные организации подбирались чуждые люди. При проверке из партии исключен почти весь руководящий состав района.

Засоренность организации чуждыми элементами наблюдается особенно в национальных окраинах, где классовая борьба осложняется родовыми отношениями. Проверка выявила значительное число чуждых элементов, очистила от них партию, и тем самым, оздоровив ее ряды, дала толчок к вступлению в партию батрацким и бедняцким элементам.

Например, в составе Курахского райкома (Дагестан) из 9 членов райкома 6 ничего общего с партией не имеют. Секретарь райкома Агаев—бывший полицейский, 3 члена райкома, также бывшие полицейские и поддерживают связь с чуждым элементом; остальные двое не порвали связи с религией; один из них состоял даже сельским муллой и, будучи партийцем, продолжал исполнять платные обряды, за 20 коп. читал коран на могилах покойников. Секретарь райисполкома — кулак. Председатель сельхозтоварищества—бывший полицейский, присвоивший партбилет одного умершего коммуниста. Бюро ячейки в селе Курахе состояло из двух бывших полицейских и одного муллы. Контрольная комиссия указывает, что в партию вербовались вместо батраков и бедняков бывшие полицейские, зажиточные кулаки, муллы и т. п.

Следует отметить, что проверка деревенских ячеек явилась одним из моментов, когда выявилась резкая классовая борьба в деревне. Вокруг чистки деревенских ячеек

мобилизовалось, с одной стороны, общественное мнение деревенской бедноты, батрачества, которое отстаивало лучших коммунистов, тех, кто стоял на стороне бедноты, тех, кто за коллективизацию, кто проводит правильную классовую линию. С другой стороны, организовались кулацкие элементы, которые очень активно боролись за исключение коммунистических элементов из партии, за оставление разложившихся, искривляющих классовую линию. Были случаи, когда церковные советы специально у себя на собраниях обсуждали, как организовать исключение того или иного коммуниста из партии.

Нет никакого сомнения в том, что если партия теперь сосредоточит внимание на укреплении партийных ячеек батрацкими элементами, она будет иметь в лице своих партийных организаций прочную опору в деревне. Участие коммунистов в коллективах значительно усилилось, благодаря чистке. Вопрос о коллективизации сельского хозяйства встал перед деревенскими коммунистами более четко, чем он стоял до сих пор. Многие деревенские ячейки впервые поставили у себя этот вопрос. Проверка обнаружила заброшенность многих деревенских ячеек. Райкомы иногда по-бюрократически, чисто формально руководят деревенской организацией. Ячейка числится на бумаге, а ее давным давно нет. Ячейка считается образцовой, а она давным-давно разложилась. Таких фактов проверка обнаружила не мало. Живого руководства партийной работой в деревне слишком мало.

Необходимо тщательно изучить выводы проверочных комиссий. К сожалению, некоторые проверочные комиссии стояли далеко не на высоте положения. Проверка прошла чересчур поспешно, поверхностно; далеко не всюду были выявлены имевшие место факты разложения, далеко не везде было прорвано кольцо круговой поруки и взаимной амнистии разложившихся членов партии. Несмотря на огромный, проявленный беспартийной крестьянской массой интерес к чистке, самокритика далеко не везде была развернута и раз'яснительная работа о задачах чистки была проведена недостаточно.

* * *

Проверка производственных ячеек в настоящее время в разгаре. ЦК и ЦКК уже обратили внимание на то, что к этой проверке многие партийные организации отнеслись не с тем вниманием, которое необходимо уделить производственным ячейкам. Факт, что процент исключенных в производственных ячейках в начале проверки оказался выше, чем в непроизводственных ячейках (ячейках советских учреждений), до сих пор еще не исправлен, и по имеющимся данным последнего времени, этот процент еще и до сих пор остается несколько выше, чем процент исключенных непроизводственных ячеек. Точно так же сравнительно высок кое-где процент добровольно и механически выбывших (около 2%).

Основные недостатки, которые обнаружила здесь проверка, сводятся к тому, что члены партии, в особенности кандидаты в члены партии, слишком слабо втянуты в партийную работу. Некоторые так и говорят:

«Когда мы вступали в партию, мы рассчитывали, что в партии с нами будут заниматься, дадут нам возможность поднять политический уровень наших знаний; а оказывается, что нами занимаются в партии гораздо меньше, чем тогда, когда мы были беспартийными. Тогда нами хоть интересовались, а теперь партийные организации интересуются нами гораздо меньше».

Это — очень серьезный упрек партийной организации. Не следует забывать, что среди партийцев-рабочих (а рабочих по социальному происхождению в партии уже теперь около миллиона и больше полмиллиона рабочих, занятых в производстве) мы имеем, примерно, *около половины вступивших в последние 3—4 года*. Среди этих рабочих очень большой слой сравнительно недавно пришедших из деревни. Эта прослойка далеко еще не изжила деревенских настроений. Правые колебания в отдельных звеньях нашей партии, вызываемые, главным образом, трудностями социалистического наступления, *могут* найти почву именно в этих, мало еще подготовленных, слабо политически воспитанных, поддающихся «деревенским настроениям», элементах партии. Вербовка новых рабочих кадров в партию обязывает партию вести среди рабочих, членов и кандидатов в партию массовую партийную работу гораздо более настойчивую и систематическую, чем до сих пор. Партийная организация должна знать каждого своего члена, воспитывать его, заботиться о нем, чтобы он рос, чтобы его горизонт расширялся. Ведь факт, что *в целом ряде организаций выдвижение рабочих на руководящие посты идет необычайно медленно*. Это ведет даже к некоторым прорывам на отдельных участках нашей работы. Цифры исключенных в рабочих ячейках заставляют пристальней вглядеться в ряд недостатков работы. Так, очень большое число (около 15%) исключено за «пассивное пребывание в партии», за партневыдержанность, за нарушение партийной дисциплины, за антисемитизм, за выполнение религиозных обрядов. Как «чуждый элемент» и за связь с чуждым элементом исключено, примерно, столько же. Это свидетельствует о том, что прием в партию происходит нередко без достаточной проверки, а принятые в партию остаются без достаточного внимания к ним партийной организации.

Если сравнить с этой проверкой рабочих ячеек проверку непроизводственных ячеек, то мы должны будем, прежде всего, отметить то, что, по-видимому, *самокритика при проверке многих непроизводственных ячеек развернута недостаточно*. Ряд советских ячеек проверяется, так сказать, «в своем кругу». Участие беспартийных там чисто формальное. Попытки привлечь рабочих с производства, связанных с деятельностью данного учреждения, имеют место далеко не везде. Участие беспартийных необычайно слабо, поэтому далеко не во всех учреждениях проверка прошлась железной метлой, которая должна была вымести из партии все разложившиеся, чуждые, примазавшиеся, обюрократившиеся элементы. Правда, впервые при чистке мы имеем довольно значительный процент исключенных за бюрократизм. Это один из положительных результатов проверки. Массы должны видеть, что партия борется с бюрократизмом решительным образом. Тем не менее, от проверки многих непроизводственных ячеек остается впечатление, что проверка там произведена слабо и этим об'ясняется то, что во многих организациях уже после проверки, когда казалось, все в ячейке благополучно, — печать и отдельные члены партии вскрывают ряд недочетов, ряд серьезных прорывов, которые приводят к решению о вторичной проверке и чистке той или иной ячейки. Такими фактами изобилует печать последнего времени. Это, конечно, несколько умаляет авторитет проверки, но, с другой стороны, *нет ничего страшного в том, что тот или иной член партии будет вторично проверен. Лучше еще раз проверить, чем оставить в партии людей, ценность которых для партии весьма сомнительна, или которые уцелели в партии только благодаря тому, что не заметили во-время, что это — люди чужие.*

* * *

Особенно поучительны предварительные итоги проверки коммунистов в Красной армии и флоте. Проверка партийных рядов Красной армии и флота опровергает, прежде всего, клевету оппозиции о руководящем составе Красной армии и о составе Красной армии вообще. *Число исключенных в Красной армии наименьшее.* Процент исключенных самый низкий. Он колеблется от 2,22 (в Каспийском флоте) до 7,59% в СИБВО. Эти колебания находятся в прямой связи с социальным составом партийной организации того или иного округа, об'единения, что видно из следующей таблицы:

	Процент исключенных	Процент рабочих среди проверенных
Каспийский флот	2,22	67,4
Балтийский флот	2,99	68,2
Черноморский флот	3	65,7
УВО	3,94	55,6
ЛВО	3,97	55,3
МВО	4,09	55
ПРИВО	5,8	54
БВО	7,06	48,2
СибВО	7,59	47,7

Не зря исключали в Красной армии из рядов членов партии. Среди исключенных классово и идеологически чуждые составляли 44,3%. Сюда входят кулаки, скрывшие социальное положение и прошлое, скрывшие службу в белых армиях и бандах, поддерживающие связь с чуждыми элементами, участвовавшие во фракционной работе, проявляющие национализм, антисемитизм, партийно-невыдержанные, нарушающие внутрипартийную дисциплину.

Таким образом, проверка партии и здесь, на этом важнейшем участке, очищает партию от чуждых элементов, проникших в нее в прежние годы, скрывших свое лицо. Но особенно мы должны подчеркнуть, что *идеологическое состояние армейской организации является вполне здоровым*. Это, особенно, относится к командному и политическому составу, который является в подавляющей своей массе политически, большевистски выдержанным. Из числа командного состава исключено в среднем 4,7%. 95,3% всех партийных командиров и 97,2% всех политработников армии и флота прошли чистку, показав, что они являются достойными членами партии, заслуживающими того доверия, которое им партия оказывает, поставив их на командные и политические посты. Из 20.000 ответственных партийных работников начсостава только около 200 человек проверочные комиссии предложили снять с ответственной работы. 85% всей партийной организации армии и флота прошли чистку без всяких партийных взысканий.

Перед лицом трудных испытаний, которые еще предстоят Красной армии, мы должны сказать, что проверка партийной организации в Красной армии и флоте показала, что здесь мы имеем ячейки лучшего состава. *Рабочая и партийная прослойка как в командном, так и в составе рядовых бойцов-красноармейцев и краснофлотцев значительно выросла за последние годы.* От троцкистской и сапроновской клеветы на Красную армию давным давно уже ничего не осталось, кроме гнусного воспоминания, точно также, как ничего не осталось от троцкистских настроений, которые в свое время имели место в отдельных частях Красной армии и флота.

Вместе с тем, проверка командного и политического состава Красной армии, которая состоит в большинстве своем из людей, прошедших вместе с рабочими и крестьянами трудный путь гражданской войны, еще больше сплотила командный состав с рядовыми красноармейцами, подняла авторитет командного состава в глазах красноармейцев. Впрочем это не только в Красной армии и флоте. Вся проверка нашего командного состава на фабриках и заводах, в учреждениях и предприятиях, за отдельными исключениями укрепила авторитет командного, руководящего состава партии.

* * *

Эти предварительные итоги проверки рядов партии и чистки ее рядов показывают, что решение партии о генеральной чистке было вполне своевременное и правильное. В остающиеся месяцы нам надо исправить то, что было упущено в первые месяцы этой проверки. Мы ничего еще не можем сказать о том, насколько были правильны исключения из партии, какой процент исключений должен быть отменен. Апелляции пока еще только начали рассматриваться. Несомненно, что ошибки были, как они были и в 1921 году. Они будут исправлены. Необходимо, однако, исправить не только ошибки отдельных проверочных комиссий, а самое важное — необходимо исправить те недочеты, которые обнаружены во время проверки в работе отдельных ячеек, в работе целых организаций. Только тогда, когда эти общие выводы будут учтены, когда главнейшие недостатки в работе партийных организаций будут устранены, когда будет выполнена вторая задача, поставленная партией — вербовка рабочих и батраков в партию, когда закреплены будут результаты проверки соответствующей перестройкой рядов, лучшим подбором руководящих кадров,— только тогда предпринятая партией генеральная чистка ее рядов будет выполнена так, как это нужно партии.

Б. Борилин.

Ленин об „Экономике переходного периода“.

В только что вышедшем XI Ленинском Сборнике опубликованы замечания Ленина на книгу «Экономика переходного периода» тов. Бухарина, представляющие собой огромный интерес для уяснения взглядов Ленина на основные вопросы нашего хозяйства, политики, теории. В них мы имеем целый ряд совершенно новых, исключительных по своему богатству высказываний Ленина. Эти высказывания охватывают целый ряд самых разнообразных проблем, начиная от наиболее общих абстрактных проблем теории ленинизма и кончая конкретными вопросами экономической действительности переходной эпохи.

В настоящее время эти замечания приобретают особенно актуальный интерес, вследствие того, что в них Ленин необычайно ярко вскрывает и прослеживает основные ошибки тов. Бухарина в теории экономики и политики. Теоретические корни ошибок тов. Бухарина можно наиболее полно проследить по этим замечаниям Ленина. Ленину неоднократно приходилось указывать на то, что теоретические корни всех ошибок тов. Бухарина заключаются в его ошибках в области диалектики. Последние не могли не дать себя знать и в целом ряде других областей теории и практики.

Замечания тов. Ленина затрагивают вопросы, касающиеся философии и политической экономии, современного мирового хозяйства и переходной экономики. Мы начнем рассмотрение этих замечаний с основных вопросов марксистской философии, с вопросов диалектики.

I. Материалистическая диалектика или богдановщина.

Корни теоретических и политических ошибок тов. Бухарина нужно искать в нарушении им основных правил марксистской диалектики. Ленин неоднократно говорил о том, что тов. Бухарин не знает диалектики и никогда серьезно диалектике не обучался.

С первых же страниц «Экономики переходного периода» можно увидеть, что эти же серьезнейшие обвинения выставляет тов. Ленин против Бухарина и здесь. Тов. Ленин видит недостаток в самом построении книги тов. Бухарина, считая совершенно неправильным название книги, выраженное в подзаголовке «Общая теория трансформационного процесса».

По этому поводу Ленин считает нужным сделать язвительное замечание на полях книги «Что такое???, «вобче?», á la Spencer??».

Этот же недостаток конкретности в теоретических построениях Ленин констатирует и в общих выводах, которые он делает о книге в целом:

> «Автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно in actu»[1],—говорит тов. Ленин, подражая «академическому» языку тов. Бухарина.

Отсутствие требуемой конкретности в теории теснейшим образом вытекает из того, что абстрактные положения, выставляемые тов. Бухариным, часто не увязаны с достаточным анализом конкретных фактов реаль-

[1] В действии.

ной действительности. Но абстракции, которые не отображают в необходимой мере реальную жизнь, превращаются в абстракции тощие, мертвые, бессодержательные, не только иногда не способствующие усвоению закономерностей действительности, но отрывающие теорию от практики, делающие теорию бесполезной и политически вредной. В этом случае диалектика становится формальной, а оперирование понятиями диалектического отрицания, синтеза и пр. превращается в злоупотребление, так как диалектические переходы не обосновываются на фактах реальной жизни.

«Автор злоупотребляет словом «диалектическое отрицание»: нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами осторожно» (Ленин).

Целый ряд мест в книге представляют собой сугубо абстрактное, схоластическое изложение предмета. Поэтому тов. Ленин пишет:

«Книга была бы совсем превосходной, если бы автор для 2-го издания выкинул подзаголовок (речь идет о подзаголовке «Общая теория трансформационного процесса» Б. Б.), выкинул страниц двадцать—тридцать схоластики и бессознательно идеалистических (в философском смысле) эклектических упражнений в терминологии, заменил их 20—30 страницами фактов (из цитированной им же богатой экономической литературы). Тогда бы распухшее, нездоровое начало книги выздоровело, похудело, окрепло костьми, убавило антимарксистского жира и, таким образом, крепче бы «фундировало» (ха-ха!) превосходный конец книги».

Игнорирование основного правила диалектики, заключающегося в том, что утверждаемая истина должна быть конкретной, ведет к разрыву теории и практики. Отрыв теоретических положений тов. Бухарина от практической действительности не впервые отмечал тов. Ленин в партийных спорах, и на этот раз в ряде замечаний тов. Ленин указывает на то, что автор недостаточно правильно понимает соотношение между теорией и практикой.

«Автор не ставит диалектически отношения теории к практике» (Ленин). Поэтому очень часто логические переходы в теоретических построениях оказываются не обоснованными, и не соответствуют переходам конкретной жизни. При таком положении, логические упражнения угрожают стать упражнениями идеалистического порядка, имеющими мало общего с материалистической диалектикой.

По поводу одного из таких переходов тов. Ленин пишет, опровергая утверждения тов. Бухарина:

«Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий».

Такого рода скачки через ряд конкретных стадий доказывают, что эти ошибки целиком покоятся на неправильном не диалектическом подходе к изучению явлений.

Там, где не хватает диалектики, там, где не хватает конкретных понятий, на смену приходят слова или термины. Поэтому так испещрена книга тов. Бухарина словесными тонкостями, выкрутасами, дефинициями.

Тов. Ленин неустанно указывает на этот «ученый» недостаток книги. «Игра в дефиниции!» — восклицает тов. Ленин.

Серьезное изложение взглядов заменяется игрой в понятия. Отсюда нередко «солидная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора «упражняться в игре понятий, выдавая это за социологию» (Ленин)

Словесные выкрутасы тов. Бухарина вызывают не одно саркастическое замечание тов. Ленина: «Ну и язык! Ну и «социология!» Ну и «организационная наука!»,—восклицает тов. Ленин. Судя по отдельным замечаниям, так и чувствуется, что Ленин почти хохочет по поводу «ученого» языка тов. Бухарина. Приведя одно место, где автор говорит, что налицо имеются «элементы распада социальных связок», которые лимитируются в своих действиях хозяйственной средой» и т. д.—Ленин не может удержаться чтобы не написать на полях:

«Элементы распада лимитируются... Уф! Почему не попроще: «их ограничивает»? О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский!»

Однако, за этим увлечением словесной ученостью тов. Бухарина скрывается глубокий недостаток во всей философии, которую он преподносит читателю в «Экономике переходного периода». Терминологический пафос оказывается маскировкой для нарушения материалистической диалектики, для замены ее эклектическим соединением теории Маркса и социологической схоластики Богданова. Налицо не просто бравирование или кокетничание с богдановской терминологией. Нет. Налицо факт увлечения Богдановым, не критическое восприятие терминов и понятий Богданова.

«Автор дает ценные новые факты, но ухудшает, verballhornt теорию Маркса «социологической» схоластикой». (Ленин). Он соединяет, марксистский «человеческий язык с организационной тарабарщиной Богданова» (Ленин). Такое же соединение не является диалектикой и может быть расценено только, как эклектицизм.

Материалистическая диалектика есть метод наилучшего и полного познания закономерностей действительности. Поэтому понятно, насколько мало нуждается диалектика в «дополнении» ее богдановскими премудростями. Между тем, «автор ставит его (т.-е. диалектический процесс. *Б. Б.)* рядом (и на втором месте) с Begriffsscholastik [1]) Богданова. Но рядом поставить нельзя: или — или» (Ленин).

Во всех явлениях раскрывается «диалектический процесс. Именно! А не схоластика á la Богданов» (Ленин).

Что тов. Бухарин на ряду с точкой зрения диалектического материализма признает правомерными еще и иные «точки зрения», показывают целый ряд мест из «Экономики переходного периода». Так, мы читаем, например: «Совершенно понятно, что диалектическо-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой, прямо геологического типа, сдвиги социальных пластов» (с. 132—133).

Здесь философский эклектицизм тов. Бухарина выпирает наружу даже внешне весьма и весьма выразительно. Диалектическая «точка зрения» помножается на другие «точки зрения», складывается с ними, и все это вместе выдается за истинный марксизм.

«Из этой фразы, — пишет Ленин, — замечательно рельефно видно, что для автора, испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения». Не верно!».

Недостаточное понимание метода диалектического материализма видно и из противопоставления тов. Бухариным диалектической точки зрения точке зрения исторической. Тов. Бухарин пишет: «Диалектическо-исторический метод рассматривает общество в его специфических исторических формах, а общие законы общественного развития в их конкретном проявлении...» и т. д.

Но ведь «диалектика включает историчность» (Ленин), а не просто с ней сопоставляется, как это выходит у тов. Бухарина. Здесь существенное различие.

В то время, как у тов. Бухарина историческая точка зрения стоит рядом с диалектической, по тов. Ленину, диалектика внутренне, органически включает в себя историзм, немыслима без последнего.

Увлечение Богдановым не могло для тов. Бухарина пройти бесследно и в другом отношении. Оно закономерно привело его в сторону фактического признания ряда положений идеалистической философии, ибо филосо-

[1]) Схоластикой понятий.

фия Богданова есть не только вульгарно-механистический отказ от диалектического материализма, но и философия идеализма и агностицизма.

Не случайно тов. Бухарин с первых страниц «Экономики переходного периода» подчеркивает, как самое важное в методе Маркса, его познавательную ценность, а не то, что он есть метод материалистической диалектики. «Излишне распространяться о том, что путеводной нитью автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь встала во весь свой гигантский рост» (с. 6). Против этих слов тов. Бухарина Ленин пишет на полях: «Только «познавательная ценность»??, а не об'ективный мир, отражающая?, «стыдливый»... агностицизм!»

На этом примере, демонстрируемом тов. Бухариным уже в самом начале книги, сразу становится очевидным, что богдановские симпатии явственно приоткрывают дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму. И тов. Ленин не пропускает почти ни одного случая, чтобы не показать, как из-за богдановской терминологии с ее «точками зрения» и пр. выглядывает чуждая марксизму философская установка.

«Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу: суб'ективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания» (Ленин).

А вот еще один «образец» богдановской суб'ективно-идеалистической терминологии тов. Бухарина.

Тов. Бухарин пишет: «Метод приобретает иной логический тон» (с. 131).

Иронизируя, по поводу «тона» тов. Бухарина, Ленин замечает: «Бухарин усвоил дурной тон. Тут не «тон» и не «логика», а материальное».

Таким образом, основной недостаток книги «Экономика переходного периода» Ленин видел в увлечении Бухарина богдановщиной, в отказе в ряде мест от положений диалектического материализма. Этот недостаток книги Ленин считал настолько важным, что ему посвящает, по сути дела, почти весь свой заключительный отзыв о книге.

> «Бухарин»,—пишет в нем Ленин,—«взял «термины» «в том значении», в котором они употребляются у тов. Богданова», (слова тов. Бухарина. Б. Б.) и не подумал, что и термины, и значение их у Богданова «фундированы» (да простит мне академик-автор это смешное гелертерское слово), его философией, философией идеализма и эклектицизма. Поэтому, очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диалектическому материализму, (т.-е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский, по философским основам) в идеализм, («логика», «точка зрения» и т. п.) вне сознания их производности от материи, от об'ективной действительности и т. п.». «На стр. 131 и 133 ясно «выпячивается» марксизм в отличие от «богдановизма».

И в «академической рецензии» — recensio academica — тов. Ленин снова, на этот раз в «ученой» до смешного форме подчеркивает те же основные недостатки.

> «Превосходные качества этой превосходной книги»,—пишет Ленин,—«испытывают некоторую деквалификацию, поскольку они лимитируются тем обстоятельством, primo, что автор недостаточно фундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким, фактическим материалом, (хотя) владея им в совершенстве по литературе. Большая фактическая фундированность избавила бы книгу от дефектов, аспекта «социологического» или вернее—философского. Но это secundo: автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно, in actu, часто впадая в то, что носит название — «terminus technicus» — «Begriffsscholastik»[1], и не давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая

[1]) «Технический термин»—схоластика понятий.

> sub specie «grundgedanken»[1]) под линию idealismi philosophici seu agnosticismi (recht oft unbesehen und unkritisch von anderen übernommen)[2]) отнюдь не materialismi»[3]).

II. Общество и классы у тов. Бухарина.

Посмотрим, как расценивает тов. Ленин проведение тов. Бухариным богдановской «общественно-организационной точки зрения» в роде основных конкретных вопросов общества и экономики. В то время, как марксистский подход к рассмотрению общества, как совокупности общественных, производственных отношений является вполне законной материалистической точкой зрения на общество, тов. Бухарин, находясь под влиянием Богданова, изобретает иной подход к изучению общественных явлений. Для него общество не есть просто совокупность производственных и других общественных отношений, он пробует рассмотреть общество с организационной стороны, с «общественно-организационной точки зрения». Именно поэтому тов. Бухарин допускает у себя такое исключительное по теоретической «ясности» выражение «Общество есть система элементов in natura». «Мы брали общество, — пишет тов. Бухарин, — как систему элементов in natura» (с. 44).

Прочитав эту фразу, Ленин считает нужным на полях написать только одно слово: «Караул!». Очевидно, что такое вульгарно-натуралистическое, сугубо-«материалистическое» определение общества вряд ли показалось Ленину, выражаясь мягко, соответствующим положениям диалектического материализма.

По поводу же «общественно-организационной точки зрения», которую Бухарин, по аналогии с Богдановым, старается провести в анализе общественных явлений, тов. Ленин бросает не менее красноречивое и язвительное замечание: «А может быть «общественная», не организационная точка зрения?».

Особенно заслуживает внимания схоластическая попытка тов. Бухарина анализировать процесс воспроизводства, независимо от социального содержания. Как известно, излюбленным делом сторонников Богданова является брать хозяйственные явления вне определенной социальной формы или содержания и, таким образом, находить основные общественные законы. Этому правилу следует и т. Бухарин. «Задачи, стоящие перед пролетариатом в общем и целом, формально, т.-е. независимо от социального содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве: экономизация всех ресурсов, планомерное их использование, максимум возможной централизации» (с. 59).

Совершенно очевидно, что эта попытка отвлечься от социального содержания (или формы) превращает самый процесс воспроизводства в пустое место. Не даром на полях книги можно прочитать такую оценку приведенного положения: «Моя» богдановская Begriffsscholastik—есть главный враг «мой».

Если марксизм подходит к рассмотрению общества и общественных явлений, выдвигая на первый план социальные, производственные, классовые отношения, то «общественно-организационная точка зрения» Богданова-Бухарина с неизбежностью ведет к игнорированию этого решающего момента. Вряд ли можно признать случайным, что проведение тов. Бухариным «общественно-организационной точки зрения» сопровождается в ряде мест

[1]) Под видом глубокомыслия.
[2]) Философского идеализма или агностицизма (очень часто неосмотрительно и некритически заимствованного у других).
[3]) Материализма.

замазыванием классового момента, классовых отношений. За «социологическими системами», «организационными науками» и другими вещами автор в ряде мест, таким образом, проглядывает не больше и не меньше, как классы и классовые отношения. О «социальной системе», об «общественных формациях» говорится не однажды, но эти понятия, взятые помимо понятия «класс», оказываются мало содержательными. «Социальная система», «общественная формация»,—все это недостаточно конкретно без понятия «класса» и «классового общества» (Ленин).

Опираясь на философскую терминологию Богданова, тов. Бухарин неоднократно говорит о «социально-классовых» отношениях. Интересно то замечание, которое по этому поводу бросает тов. Ленин. Тов. Бухарин пишет:

> «Производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения социально-классовые и технически-трудовые».

Тов. Ленин замечает в этом месте:

> «Как раз терминология и не верна: не бывает классовых не социальных. Надо бы сказать проще и вернее (теоретически): забыл классовую борьбу».

Из «организационно-общественной точки зрения» вытекает и попытка тов. Бухарина изобразить класс, как «суб'ект» или «организованную силу»: «Пролетариат строит фундамент будущего общества и, притом, строит его, как классовый суб'ект, как организованная сила» (с. 5). Ленин подчеркивает слово «суб'ект» и пишет на полях: «?? «Важнее», чем класс!».

Наиболее выпукло богдановское понимание классов у тов. Бухарина выпирает в следующем определении класса, которое он приводит на стр. 42. Он пишет:

> «Классы представляют из себя, прежде всего, «группы лиц», об'единенных общими условиями и общей ролью в производственном процессе со всеми вытекающими отсюда последствиями для процесса распределения».

Здесь мы имеем самое доподлинное богдановское определение класса, выводящее это понятие из расстановки людей в процессе производства, которая определяется технической ролью, выполняемой данной группой людей. Для обнаружения глубокой неправильности этого определения достаточно привести классическое определение класса с точки зрения диалектического материализма, которое на полях дает тов. Ленин:

> «Классы представляют из себя прежде всего, «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы».

При сравнении этого ленинского определения классов с определением тов. Бухарина бросается в глаза, прежде всего, то, что, в противовес тов. Бухарину, Ленин подчеркивает, что речь идет не о производстве вообще и не о производстве, как техническом процессе, а речь идет об общественном строе производства, следовательно, о производственных отношениях, которые складываются между людьми на почве производства. В то время, как определение т. Бухарина пытается, для того, чтобы не нарушить верности материализму, изобразить классы, как группы лиц, наподобие систем «живых машин» в производстве, определение тов. Ленина дает блестящую действительно материалистическую формулировку классов, правда, ничего общего не имеющего с механическим вульгарным материализмом, но зато чрезвычайно ясно указывающую на материальную роль, которую играют классы в общественном строе производства, которая определяется типом связи между рабочей силой и средствами производства и ведет

к тому, что каждый класс присваивает определенную часть совокупного общественного труда.

Учение о классах, сводящее последние к группировке в техническом процессе производства, не может быть иначе охарактеризовано, как шаг назад от диалектического материализма к «богдановской социологии в кавычках». Смазывание самого главного, что есть в классе, именно роль класса в общественном строе производства, попытка подойти к определению класса с точки зрения «организационной» приводит тов. Бухарина к игнорированию существеннейших черт борьбы классов в современном обществе, потому что, взамен простого, ясного материалистического понимания классовой борьбы, выступает на сцену богдановская игра в термины и понятия. Тов. Бухарин дошел в «Экономике переходного периода» до следующего, например, «оригинального» определения понятий классовой и гражданской войны. Тов. Бухарин пишет:

> «Социалистическая война — есть классовая война, которую нужно отличать от просто гражданской войны. Последняя не есть война в собственном смысле этого слова, ибо она не есть война двух государственных организаций». (С. 26).

Ленин и по этому поводу на полях написал: «Уф!, ох!, караул!!».

Попытка дать «оригинальное» разграничение понятий классовой и гражданской войны на основе не материалистической богдановской теории красочно иллюстрируется и в формулировке тов. Бухариным тенденций развития гражданской войны в эпоху революции.

> «При развертывании революционного процесса в мировой революционный процесс, рассуждает т. Бухарин, гражданская война трансформируется в классовую войну, которую со стороны пролетариата ведет регулярная Красная армия».

Квалификация подобного «открытия» тов. Бухарина дана в следующей лапидарной фразе Ленина: «Уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание государственной власти классом».

Таким образом, в вопросах «социологических», по которым тов. Бухарин фигурирует в «Экономике переходного периода» специалистом на каждом шагу, мы имеем, так сказать, материальное доказательство неправильного недиалектического, богдановского подхода тов. Бухарина к рассмотрению общественных явлений.

III. Политическая экономия.

Однако, тов. Бухарин применяет организационную точку зрения и в вопросах экономики. И здесь, вместо ясных положений диалектического материализма, тов. Бухарин часто выставляет не марксистские положения. За многочисленным употреблением терминов и понятий вроде «система», «социология», «организационные формы капитализма» и т. д., у автора исчезает из поля зрения иногда самое существенное, прежде всего, в вопросе марксистской теории обобществления.

Ленин в ряде своих произведений указывал, как на огромную заслугу Маркса, на то, что последний выяснил, как производственные отношения капиталистического общества в своем развитии закономерно приводят к такому росту производительности труда и крупного производства, который означает гигантский процесс обобществления производства в рамках капиталистического общества. Этот процесс обобществления производства и создает внутри капиталистического общества материальные основы для социалистической революции.

В чем заключается этот процесс обобществления в капиталистическом обществе? Он состоит в том, что отдельные производители об'единяются в крупных предприятиях, превращаются в часть огромного общественного механизма. Обобществление заключается и в том,—и это самое главное,—

что отдельные предприятия и отрасли капиталистического производства превращаются с развитием капитализма в гигантский совокупный, связанный во всех своих частях, общественный процесс производства.

Так, например, в одной из своих ранних работ «Что такое «Друзья народа» тов. Ленин следующим образом изображал это развитие тенденций к обобществлению.

> «Обобществление труда капиталистическим производством состоит совсем не в том, что люди работают в одном помещении. (Это — только частичка процесса), а в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности,— в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства». «Все производства сливаются таким образом в один общественный производительный процесс, а между тем, каждое производство ведется отдельным капиталистом, в зависимости от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность». «Форма производства становится в непримиримое противоречие с формой присвоения» (т. I, стр. 102—103).

Если в вышеприведенных словах ясно рисуется процесс обобществления и дается ему основная экономическая характеристика, то тов. Бухарин, подходя с прославленной организационной точки зрения к этому же процессу, неоднократно забывает как раз об этих основных чертах процесса обобществления, замечая в нем только тенденцию к усовершенствованию и развитию организационных форм капитализма. В этом процессе остается только одно—это прогресс или расцвет «организационных форм капитализма».

Но Маркс отнюдь не сводил обобществление только к развитию организационных форм. «Маркс говорил п р о щ е (без выкрутас с «терминами» и «системами» и «социологиями») и говорил в е р н е е об о б о б щ е с т в л е н и и» (Ленин).

Тов. Бухарин, желая изобразить обобществление в сельском хозяйстве, пишет:

> «Здесь мы наблюдаем более отсталый тип развития, начальные стадии о р г а н и з а ц и о н н о г о процесса, который, как и в индустрии, исходной точкой имел именно процесс обращения (корнеры, ринги, синдикаты)». (Стр. 77).

Тов. Ленин на это замечает: «Автор хотел, повидимому, сказать «процесса обобществления», но этой м ы с л и, — а другой нет, — его слово н е выражает».

В одном месте при чтении «Экономики переходного периода», Ленин высказывает, правда, свое искреннее удовольствие по поводу того, что Бухарин, наконец, заговорил правильным языком об обобществлении труда. Там, где Бухарин пишет: «Маркс выдвигает д в а основных момента — ц е н т р а л и з а ц и ю с р е д с т в п р о и з в о д с т в а и о б о б щ е с т в л е н и е т р у д а,—которые расцвели вместе с капиталистическим способом производства и внутри него»,—Ленин, видимо, вздыхает с облегчением. «Ну вот, и слава богу! Наконец, человеческий язык вместо «организационной» тарабарщины! Все хорошо, что хорошо кончается».

Но уже через три страницы, когда снова вытаскивается на свет общественно-организационная точка зрения, Ленин снова восклицает: «Уф! Опять!»

«Организационная точка зрения» и богдановский техницизм, как известно, слишком родственны друг другу для того, чтобы можно было ожидать отсутствия последнего, при наличии первой. Как и следовало ожидать, тов. Бухарин воспринимает в ряде мест и технологическую позицию Богданова.

Ясно, с другой стороны, что Ленин бросает ряд критических замечаний по поводу богдановского техницизма. Тов. Ленин решительно отмечает, например, по вопросу о производительных силах, что производительные силы отнюдь не совпадают с техникой, как это изображал Богданов, и как, вслед за ним, иногда повторяет и тов. Бухарин. Точка зрения, сводящая производительные силы к технике, а последняя изображающаяся в натуралистическом виде, получила развитие не только у Богданова, но и у ряда буржуазных экономистов, в особенности, в настоящее время. Эта точка зрения находится в видимом отдалении от марксизма, ибо производительные силы, во-первых, состоят не только из техники, не только из средств производства, но и из рабочей силы. Уже по одному этому никак нельзя признать производительные силы и технику тождественными понятиями. Но далее. Производительные силы, даже если говорить только о технике, не могут быть сведены лишь к «натуральному». Производительные силы являются общественными производительными силами и, как таковые, представляют собой социальное явление. Поэтому Ленин указывает на то, что неправильно трактовать производительные силы, как «техническое». Так, например, Бухарин пишет: «Тут Маркс под производительными силами разумеет, очевидно, вещественные и л и ч н ы е элементы производства и, с о о б р а з н о с этим, категория производительных сил является категорией н е экономической, а технической» (с. 88); Ленин замечает на полях: «Сообразности» как раз не вышло, ибо «личное» (неточный термин) не есть «техническое».

А по вопросу о натурализации производительных сил чрезвычайно любопытно отметить следующее замечание тов. Ленина. Когда тов. Бухарин приводит цитату из «Нищеты философии» Маркса, в которой говорится: «Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как, например, быка, которого впрягают в плуг,—их следует о т н о с и т ь к п р о и з в о д и т е л ь н ы м с и л а м», то тов. Ленин пишет: «Относить не есть отожествлять». Это замечание тов. Ленина предостерегает от сведения производительных сил к «быку» и, наоборот, от натурализации производительных сил. Производительные силы не являются просто природным явлением. Производительные силы—суть социальное явление, изменяющееся с развитием человечества.

Вот почему, когда Бухарин указывает на пограничность понятия производительных сил, когда он в другом месте говорит, что производительные силы «есть п о г р а н и ч н о е понятие, стоящее на рубеже техники и экономики» (стр. 89), то Ленин, не выражая прямо согласия с таким утверждением, замечает, однако: «Вот это лучше, чем страница 88», где производительные силы отожествлены с техникой.

Те места в книге тов. Бухарина, в которых последний упоминает о рабочем классе, как производительной силе современного общества, вызывают вполне понятное неоднократное одобрение тов. Ленина. Слова Маркса, приведенные Бухариным, говорящие о том, что «из всех орудий производства н а и б о л е е к р у п н о й п р о и з в о д и т е л ь н о й с и л о й я в л я е т с я с а м р е в о л ю ц и о н н н ы й к л а с с», подчеркнуты Лениным и на полях против них поставлена NB и следующее замечание: «Вот это забыто автором на страницах 88—90 и следующих».

Таким образом, положение о том, что рабочий класс является величайшей производительной силой современного общества, положение, которое игнорировалось Богдановым в его экономической теории, Ленин считал чрезвычайно важным.

Вывод, который из этого нужно сделать, заключается, конечно, не в том, что не следует отграничивать экономические отношения, производственные отношения от производительных сил. Это было бы карикатурным изображением позиций марксизма. Что экономические отношения суть

общественные отношения производства, базирующиеся на определенном уровне развития производительных сил, но не совпадающие с производительными силами—это ясно для каждого марксиста. В частности, и в замечаниях Ленина чрезвычайно ярко подчеркнуто, что в экономических категориях, изучаемых политэкономией, речь идет именно об общественных отношениях производства, производственных отношениях между людьми, а не об отношениях общества к природе, хотя само собой разумеется, экономические отношения между людьми базируются на определенном уровне развития производительных сил, на совокупности отношений общества к природе. Ленин считал, определение экономических категорий, как выражение общественных отношений производства, классическим, ясным и точным определением диалектического материализма.

Против фразы из Маркса, приведенной у тов. Бухарина: «Экономические категории представляют собой лишь теоретические, отвлеченные выражения общественных отношений производства» (стр. 133),—тов. Ленин пишет:

«Вот это точная, простая, ясная, без выкрутас, формулировка диалектического материализма. Quantum mutatus ab illo эклектицизм[1]) Бухарина!».

Здесь мы имеем по сути дела решительное повторение тов. Лениным положения о политэкономии, как науке, изучающей «общественные отношения производства», а не «производство материальных ценностей», которое он выдвигал еще в своих ранних произведениях. Совершенно очевидно, что такое понимание политэкономии и экономических категорий, Ленин считал чеканной и ясной формулировкой диалектического материализма, не нуждающейся ни в каких «уточнениях» и «изменениях» в сторону дальнейшей «материализации».

Производственные отношения в капиталистическом обществе, как и во всяком другом обществе, базируясь на определенном уровне развития производительных сил, представляют собой то специфическое явление, которое изучается политэкономией и которое получает свое выражение в системе категорий политэкономии. Производственные отношения не могут быть поняты без понимания движения производительных сил, на базе которых производственные отношения развиваются. Между производственными отношениями и производительными силами существует тесная связь. Носитель самого важного производственного отношения современного капиталистического общества—рабочий класс, является одновременно величайшей производительной силой, а с другой стороны, сами производительные силы постоянно выступают в качестве важнейшего экономического фактора. Так, рост производительности общественного труда, вызываемый изменением материального технического процесса производства, превращается в могучую экономическую силу, действующую внутри производственных отношений, в экономическую категорию. Такова диалектика различия связи производительных сил и производственных отношений.

Естественно предполагать, что тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» пытается применить богдановский постулат равновесия к изучению экономических явлений капитализма и переходной эпохи. Ведь теория равновесия Богданова, воспринятая Бухариным, представляет собой, в определенной степени, краеугольный камень во всей экономической теории тов. Бухарина.

Исходя из положений этой теории равновесия, тов. Бухарин приходит в настоящее время к сомнениям о правильности экономической политики нашей партии, якобы противоречащей закону равновесия, лежащему в основе развития всякой общественно-экономической формации.

[1]) Несколько отличен от этого.

Всякое общество, в том числе и капиталистическое, и переходное общество, должно иметь определенное распределение труда между отдельными отраслями производства, для того, чтобы все потребности общества были бы удовлетворены. Удовлетворение общественных потребностей, которое должно осуществляться всякой производственной системой, так же, как необходимость пропорционального распределения труда между отдельными отраслями, конечно, не могут быть уничтожены никакой общественной формой и, само собой разумеется, не в этом отличие капиталистической системы от системы социалистической. Отличие между различными формами производства нужно искать не в этой естественной необходимости пропорционального распределения труда и не в этой необходимости удовлетворения общественных потребностей при любом общественном строе. Различие надо искать в самой форме общественного производства, в способах удовлетворения общественных потребностей, ибо эти различные формы и способы создают и различные структуры пропорциональности производства и общественного потребления. Поэтому совершенно безнадежным нужно считать стремление понять специфичность данной экономической системы на основе анализа «закона» пропорционального распределения труда или «закона» равновесия, взятых сами по себе. В эту грубейшую ошибку впадает тов. Бухарин.

Тов. Бухарин противопоставляет капиталистическое производство социалистическому в следующих словах:

«Производство при господстве капитала есть производство прибавочной ценности, производство ради прибыли. Производство при господстве пролетариата есть производство для покрытия общественных потребностей» (с. 14).

Неправильность такого противопоставления, в котором исчезает точное различие в общественных структурах обоих обществ, ярко видно из замечания Ленина: «Не вышло. Прибыль тоже удовлетворяет «общественные» потребности. Надо было сказать: где прибавочный продукт идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им» (Ленин).

Момент отличия капиталистической общественной формации от социалистической, который сводится к способу присваивания общественного продукта, а не к тому, удовлетворяются ли в одном случае общественные потребности, а в другом, якобы не удовлетворяются, выпал в определении тов. Бухарина. Всякое общество удовлетворяет общественные потребности, различие заключается в способе удовлетворения общественных потребностей, в форме общественного производства.

Эта ошибка тов. Бухарина весьма родственна с механистическим богдановским пониманием равновесия производства. Тов. Бухарин говорит о постулате равновесия общественного производства.

Если, конечно, не приходится возражать против того, чтобы подходить к изучению экономических явлений и с точки зрения определения того, как возможно равновесие, то следует отметить, что ряд моментов в понимании тов. Бухариным равновесия не может быть признан правильным. Тов. Бухарин абсолютизирует, механически изображает необходимость равновесия.

Так, например, говоря о капиталистическом равновесии, о равновесии стихийного рыночного хозяйства, Бухарин пишет:

«Вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но в общем и целом находится в состоянии равновесия».

Тов. Ленин против этого места поправляет: «(Равновесия) приблизительного, грубого, в больших числах, à la longue»[1]).

[1]) С точки зрения длительного периода или продолжительного периода

В противоположность тов. Бухарину Ленин подчеркивает, что когда говорится о равновесии в капиталистическом обществе, то речь не идет об абсолютно данном, неизменном равновесии, а о равновесии, как моменте движения, что игнорирует богдановская теория. Речь идет о приблизительном, грубом, в больших числах, равновесии. А там, где тов. Бухарин точку зрения равновесия хочет применить и в отношении переходного хозяйства, тов. Ленин считает целесообразным заменить даже выражение «точка зрения равновесия» некоторым иным положением. «Это очень хорошо»,— пишет тов. Ленин,— «но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «т о ч к е з р е н и я равновесия». Точнее, вернее, ибо об'ективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону о т материализма к идеализму».

Таким образом, правильнее говорить вообще не о «постулате», «точке зрения равновесия», как это понимает богдановская теория, а только о «необходимости известной пропорциональности». Правда, формулировка тов. Ленина сбрасывает с категории равновесия костюм абсолютности, неизменности и придает ей сугубо диалектическое значение. Но в том то и дело, что равновесие «всегда относительно» (Ленин). Так же точно, как нельзя сказать, что равновесие всегда является характерным для капиталистического хозяйства, игнорируя таким образом момент движения, так точно нельзя сказать того, что «постулат равновесия» не действителен для переходного хозяйства. Относительное, (но только относительное) равновесие—это «постулат», действительный для всякой хозяйственной системы. Этого в достаточной мере ясно не понимает тов. Бухарин.

Чрезвычайно важны замечания тов. Ленина в отношении понимания предмета самой политэкономии. Ограничение политэкономии рамками только товарного капиталистического хозяйства, которое делает тов. Бухарин (а ныне большинство марксистов в СССР), является, по мнению Ленина, ошибочным и представляет собой шаг назад против определения Энгельса.

Тов. Ленин считает, что политэкономия должна существовать и в чистом коммунизме. Когда тов. Бухарин утверждает: — «Конец капиталистического товарного общества будет концом и политической экономии», тов. Ленин замечает: «Не верно. Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение I v + m ко II c? и накопление?».

«Итак, политэкономия изучает т о в а р н о е хозяйство»,—пишет Бухарин. «Не только!»,—замечает тов. Ленин. Из этого явствует, что Ленин считал безусловно правильным определение политической экономии, данное Энгельсом в «Антидюринге», и сводящееся к тому, что мы должны различать политическую экономию «в широком смысле слова», изучающую хозяйственные формы в разных обществах и политическую экономию «в узком смысле слова», посвященную изучению законов развития товарно-капиталистического общества.

Само собой разумеется, что необходимость изучения производственных отношений разных формаций, так же, как и все определение, данное Энгельсом, ни в коей степени не только не противоречат, но требуют отчетливого понимания специфических исторических особенностей каждой общественной формации. Диалектика требует познания специфических, исторических законов, свойственных товарно-капиталистическому обществу, законов, которые уничтожаются со смертью товарно - капиталистического общества. В отрицании этого, как известно, и заключается коренной порок богдановщины в политической экономии, решительно расходящейся в этом пункте с марксизмом-ленинизмом.

Все это имеет огромный интерес и важность для разрешения ряда теоретических проблем в современной политической экономии и для понимания метода исследования экономических явлений, который применяет марксизм. Замечания тов. Ленина о предмете политической экономии показывают на чрезвычайную важность, которую изучению экономических явлений в их историческом развитии придает марксизм. Логическое исследование экономических явлений, изучение экономических категорий в их логической последовательности, которая дается в экономической системе Маркса, отображает (не может не отображать) богатейший конкретный исторический процесс развития экономики. Только так мы можем понимать отношение между логической и исторической последовательностью категорий в системе Маркса. Логическая последовательность категорий не может точно совпадать с их исторической последовательностью (такое требование могли бы пред'являть только сторонники механистического и вульгарно-эмпирического метода), но она выражает в себе, как в зеркале, наиболее правильное, разумное, «исправленное», по выражению Энгельса, историческое движение.

IV. Империализм и мировое хозяйство.

Наиболее актуальное значение приобретают ошибки тов. Бухарина тогда, когда мы подходим к изучению экономической действительности современного капитализма и нашего переходного хозяйства. Недостатки тов. Бухарина в области понимания им диалектики приводят в вопросах империализма и мирового хозяйства к целому ряду неправильных, не марксистских положений, сплошь да рядом чреватых опаснейшими политическими выводами.

Недостаток конкретности в теоретических построениях дает себя чувствовать здесь с огромной силой. Уже в самом общем подходе к экономическим явлениям современного империализма тов. Бухарин делает грубейшую ошибку, заключающуюся в игнорировании конкретной сложности и многообразия современного мирового хозяйства. Тов. Бухарин изображает под один цвет всю структуру современного мирового хозяйства. Это неправильное изображение мирового хозяйства.

Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода»:

> «Современный капитализм есть капитализм мировой». Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют в о в с е м м и р е и связывают все части нашей планеты крепкой экономической связью». (С. 8).

В этой фразе дано несомненное затушевывание сложности переплета экономических форм в мировом хозяйстве. Капиталистические отношения господствуют, как пишет в замечании Ленин, «не во всем» мире. И это очень важный момент для понимания современной мировой экономики. Последняя охватывает не только капиталистическое хозяйство, но и целый ряд д о к а п и т а л и с т и ч е с к и х форм хозяйства.

Если для «чистой теории» тов. Бухарина «с о в е р ш е н н о б е з р а з л и ч н ы м является, насколько велик о б' е м, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства» (с. 8), то для правильного марксистского анализа современного хозяйства и для понимания задач, стоящих перед пролетариатом в современном капитализме, само собой разумеется, это не является безразличным.

Игнорирование конкретных особенностей современного хозяйства приводит далее к тому, что тов. Бухарин очень часто смазывает конкретную экономическую суть империализма, превращение капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. Главная черта империализма,

это—смена свободной конкуренции гигантскими монополиями. А отсюда отношение между монополией и конкуренцией, как двумя «противоречащими друг другу началами», является основным экономическим отношением империализма, без анализа которого нельзя понять закономерности империалистической эпохи. Нельзя считать случайным то обстоятельство, что именно отношение между монополией и конкуренцией выпало в построениях тов. Бухарина об империализме. Что у тов. Бухарина мы имеем некоторый безусловно иной подход ко всей проблеме империализма и мирового хозяйства, нежели у Ленина, это явствует хотя бы из простого сравнения структуры работы Ленина об империализме со структурой книги Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». В то время как Ленин основной исходной чертой берет монополию или, иначе, отношение между монополией и конкуренцией, Бухарин по-иному подходит к изучению империализма. Это может показаться странным, но это факт. Ленин отмечает в одном месте на полях «Экономики переходного периода»: «Автор вообще это (монополистический капитализм. *Б. Б.)* позабывает частенько». Но раз у тов. Бухарина «частенько» исчезает основная черта империализма, его монополистический характер и, следовательно, сложность отношения между монополией и конкуренцией, то естественно, что в анализе империализма тов. Бухарин проходит мимо целого ряда его конкретных экономических особенностей.

Вместо монополии на первый план, как в «Экономике переходного периода», так и в других своих произведениях, тов. Бухарин выставляет силу, силовой метод давления, как самое характерное в империализме.

«Вертикальной и сложной конкуренции сопутствуют методы непосредственного силового давления,—пишет тов. Бухарин,—поэтому система мирового финансового капитала неизбежно ведет за собой вооруженную борьбу империалистических конкурентов. Здесь и лежит основной корень империализма» (с. 15).

Если оставить в стороне неточность выражения «силового давления», ибо речь здесь должна итти не о силовом давлении, т.-е. применении силы, а о насильственном давлении, т.-е. применении насилия, свойственном империализму, то в приведенном положении в оголенном виде формулирован основной тезис тов. Бухарина, выдвигающий в качестве коренной определяющей черты империализма наличие метода силового давления, приводящего закономерно к вооруженным конфликтам. Тезис дает об'яснение империализма с точки зрения слегка обновленной «теории силы». Интересно, что по этому поводу пишет Ленин. Против приведенного места на полях Ленин говорит: «Не «поэтому» и не «здесь». Колонии были и до империализма и даже до промышленного капитализма».

Из слов Ленина ясно, что империализм ведет к вооруженной борьбе, к войнам, не потому, что при империализме господствуют методы насильственного давления и не в вооруженной борьбе и в методах силового давления лежит основной корень империализма. Основной корень империализма лежит в монополиях, в гигантском росте монополистических образований, выступающих на смену капитализму свободной конкуренции. Именно отсюда проистекает и свойственный империализму метод насильственного давления, и неизбежность войн и т. д. Одностороннее выпячивание на первый план вопросов силы, войны, вооруженных конфликтов последовательно приводит к тому, что все противоречия империализма сводятся у тов. Бухарина к войнам, к военным конфликтам. В результате неизбежно затушевывание экономических противоречий империализма, лежащих в основе империалистической системы. С точки зрения неправильной «силовой» или «военной» концепции логически закономерно прийти и к отождествлению понятия «войны» с понятием «кризис». И действительно в системе тов. Бухарина в империалистическую эпоху война выступает, как нормальный кризис капиталистической системы. На смену кризиса, как нормального явления капитализма свободной конкуренции, выступает война. Война же выступает, как основной метод конкуренции, заменяющий собой метод конкурентной борьбы капитализма свободной конкуренции.

Об этом смешении понятий «война» и «кризис» тов. Ленин высказывается в своих замечаниях чрезвычайно неодобрительно. Бухарин пишет: «В результате войны мы видим те же явления, что и в результате кризиса, наряду с разрушением производительных сил и уничтожением мелких и средних мировых группировок, гибель самостоятельных государств и возникновение еще более громадных комбинаций, растущих за счет погибающих групп» (стр. 16).

По этому поводу Ленин замечает: «Игра в аналогии. Иногда создание «самостоятельных» государств означает усиление империализма». Таким образом, утверждение об одинаковых последствиях кризисов и войн оказывается на поверку не чем иным, как «игрой в аналогии». Далее, когда Бухарин в другом месте возводит «войну» в один из методов конкуренции на определенной ступени развития (стр. 94), то Ленин по этому поводу замечает: «Не вообще, не всякую». Следовательно, и здесь простая аналогия не разрешает экономической проблемы.

Наконец, высшее, так сказать, «классическое» свое выражение получает положение тов. Бухарина об экономической тождественности понятий «война» и «кризис», там, где тов. Бухарин определяет войну, как отрицательное расширенное воспроизводство. Тов. Бухарин пишет: «Такой процесс можно обозначить, как расширенное отрицательное воспроизводство. Это есть война, рассматриваемая с экономической точки зрения. Реально проходящий процесс есть, таким образом, расширенное отрицательное воспроизводство». К этому положению тов. Ленин делает примечание. «Уф! караул!»

Неправильно смешивать войну с кризисом, хотя война и может быть определена, как специфическое и очень своеобразное выражение кризиса. Война отлична от кризиса. Мы здесь имеем явления, хотя и сходного, но различного порядка. Это обстоятельство т. Ленин отмечал еще в спорах по вопросу о партийной программе в 1917 году. Как известно, в проекте партийной программы, выставленном тов. Сокольниковым в 1917 году, было предложено соединение кризисов и войн, аналогично тому соединению, которое в «Экономике переходного периода» преподносит тов. Бухарин.

В связи с этим предложением тов. Сокольникова, тов. Ленин писал:

> «Тут дело в принципиальной неверности. Кризисы именно в форме перепроизводства или «остановки сбыта товаров» есть явление, исключительно капитализму свойственное. Войны же свойственны и рабской, и крепостнической системе хозяйства». «Неправильным остается именно соединение кризисов и войн ибо это—явления совершенно различного порядка, различного исторического происхождения, различного классового значения». (Т. XIV. ч. II, с. 158—159).

Если война и является своеобразной формой кризиса, свойственного империализму, то война не заменяет кризиса и война ни в коей степени не может быть отождествлена с экономическим кризисом.

Нет нужды доказывать, что эти теоретические ошибки тов. Бухарина теснейшим образом связаны с нынешним односторонним сведением им всех противоречий послевоенного капитализма к войнам, к внешним противоречиям между капиталистическими государствами. Экономические сложные противоречия империалистической эпохи здесь оказались механически сведенными к одному единственному, хотя и важнейшему, противоречию—к военным конфликтам между империалистическими странами.

В действительности же империалистическая эпоха, конечно, не упраздняет кризисов, механически заменяя их войнами. Кризисы в империалистическую эпоху еще более обостряются. Но к ним прибавляются войны, как неизбежный спутник империализма, как необходимое и периодически единственное средство разрешения противоречий капитализма.

Игнорирование сложности экономической структуры мирового хозяйства непосредственными нитями переплетено у тов. Бухарина и с ошибками по национальному вопросу. Тов. Бухарин продолжительное время не понимал значения национального вопроса при империализме. Какой, дескать, национальный вопрос тогда, когда в порядке дня стоит пролетарская, социалистическая революция? Тов. Ленин во время империалистической войны не раз указывал на эту ошибку тов. Бухарина. Но «история повторяется»,— и в «Экономике переходного периода» тов. Бухарин пишет. «Так называемое «национальное государство» уже в довоенный период было чистейшей фикцией» (стр. 155). Ленин подчеркивает это место и пишет на полях: «Не чистейшей фикцией, а нечистой формой. Нарушение «диалектического материализма» состоит в логическом, не материальном скачке через несколько конкретных стадий. Автор забыл, что, во-первых, наиболее империалистические государства выросли из национальных; во-вторых, что «национальные» государства и в колониях формируются».

Здесь факт нарушения материалистической диалектики тов. Бухариным, можно сказать, «заснят» с фотографической определенностью. Увлечение логическими переходами при игнорировании конкретных стадий развития привело тов. Бухарина к одностороннему, неправильному представлению о национальном вопросе в полосу империализма.

Отсутствие конкретного анализа в качестве последствия имеет и непонимание различных типов войн, которые существуют при империализме. Тов. Бухарин продолжительное время забывал о возможности и необходимости национальных войн при империализме. По Ленину, даже одному типу государства может соответствовать «не один» (Ленин) тип войны, а больше. И империалистические войны могут быть различного значения и масштаба. Поэтому, когда тов. Бухарин говорит, что «война в условиях мирового хозяйства, означая нарушение равновесия в одном месте, превратилась с неизбежностью в гигантское потрясение всей системы, в мировую войну»,— Ленин указывает: «Война» 1914 — 1918 г., но не «война» 1911 — 1912 г. Академик опустил «differentiam specificam». Значит, недостаточно понимать значение «войны вообще» (даже империалистической), нужно еще видеть специфические особенности данной конкретной войны.

Тов. Бухарин чрезвычайно упрощает картину мирового хозяйства, забывает про мозаичную действительность современного капитализма, на которую очень часто указывал тов. Ленин. В результате такого упрощения, естественно, картина мирового хозяйства выглядит, как совокупность нескольких «государственных капиталистических трестов», что и доказывает, что такое изображение современного мирового хозяйства не соответствует конкретной его структуре. Теория нескольких государственно-капиталистических трестов—есть теория чистого империализма, о которой неоднократно тов. Ленин отзывался отрицательно.

«Венцом» сугубо абстрактного, не конкретного подхода тов. Бухарина к изучению явлений империализма является точка зрения его на современный государственный капитализм, изображение современного государственного капитализма, как капитализма организованного. Теория организованного капитализма в государственном масштабе, которую наиболее полно развил тов. Бухарин в последнее время, преподнесена читателю и в «Экономике переходного периода». В связи с современными спорами об «организованном капитализме» правильная оценка взглядов на вопрос о государственном капитализме, выраженных в «Экономике переходного периода», приобретает особый интерес.

Ленин придавал огромное значение правильному пониманию государственного монополистического капитализма. В ряде своих статей Ленин указывал на то, что современный монополистический капитализм, в условиях войны, неизбежно перерастает в капитализм государственно-монополистический, представляющий собой, по его выражению, «полнейшую материальную подготовку социализма». Понятно, что в замечаниях на «Экономику переходного периода» тов. Ленин с большим одобрением относится к тем местам, в которых указывается на необходимость развития государственного монополистического капитализма. Так, в том месте, где тов. Бухарин пишет:

> «В общем и целом, можно сказать, что устойчивость этих (капиталистических. *Б. Б.*) систем была прямо пропорциональна высоте государственной капиталистической организации. Без нее капитализм не выжил бы даже того срока, который отвела ему история». (Стр. 150).

Ленин отмечает на полях: «Верно!».

Там, где тов. Бухарин пишет, что «крах империалистической системы задним числом вгоняет империалистам любовь к содружеству в единых рамках мирового хозяйства...» Ленин замечает «trés bien».

Но если было бы глубоко неправильным недооценивать значения государственно-монополистического капитализма, то нужно отметить, что то изображение государственного капитализма, которое дает тов. Бухарин, является сугубо абстрактным, книжным, несоответствующим «греховной» капиталистической действительности, переоценивающим этот процесс организации капитализма в национальных рамках. Тов. Бухарин переоценивал в течение ряда лет организованность национального капиталистического хозяйства. Это с полной определенностью явствует из замечаний тов. Ленина. На 10 странице тов. Бухарин пишет: «Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран». Тов. Ленин отвечает на полях: «Не уничтожил».

Неверным таким образом, является понимание государственно-монополистического капитализма тов. Бухариным, как капитализма организованного, где анархия, кризисы и т. п. явления исчезли внутри капиталистических стран. Этого нельзя сказать даже о крупных капиталистических странах.

В противоположность тов. Бухарину, тов. Ленин подчеркивает в своих замечаниях огромную роль, которую играет внутри крупных капиталистических стран, например, «реальный процесс обмена между городом и деревней», на существенное место, которое занимают примитивные формы хозяйства и обмена при государственном капитализме. В самом же определении тов. Бухариным государственного капитализма тов. Ленин находит целый ряд существеннейших недостаков. Тов. Бухарин определяет следующим образом государственный капитализм:

> «Государственный капитализм есть рационализация производственного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии. (стр. 107).

Ленин оставил, к счастью, пространную и чрезвычайно интересную рецензию на это определение. «Едва ли правильно,—пишет Ленин,—будет определение государственного капитализма, капитализма без акций и трестов (и, может быть, без монополий). Автор не дает ни конкретной, ни экономической сути». «Нехорошее определение, необходимого в нем нет. А «рационализация, (которой, кстати тов. Бухарин придает пре-

увеличенно-странное огромное значение и в настоящее время. *Б. Б.*) «не всегда». «Господство капитала» и «антагонистичность»—одно и то же. Диктатура буржуазии была и есть *до* государственного капитализма».

Из приведенной аннотации т. Ленина видно, что и в определении государственного капитализма, в характеристике национального капиталистического хозяйства т. Бухарин игнорирует ряд конкретных экономических черт этого национального хозяйства. Некоторые основные конкретные особенности национального хозяйства, без которых не может быть понята его структура,—акции, тресты, монополии, обмен между городом и деревней, отношение между монополией и конкуренцией, вообще отсутствуют в определении т. Бухарина. Поэтому и здесь можно сказать, что т. Бухарин делает логический (не материальный) скачек, минуя несколько конкретных стадий. Отсюда даже «радикальный» вывод об отмирании экономических категорий капитализма при государственном капитализме, который делает т. Бухарин по поводу категории прибавочной ценности. Тов. Бухарин пишет:

> «При государственном капитализме процесс производства прибавочной стоимости, попадающей в руки класса есть процесс производства капиталистов, с *тенденцией превращения этой ценности в прибавочный продукт*».

Ни больше, ни меньше, как отмирание категорий прибавочной ценности в рамках капиталистического хозяйства! В этом месте тов. Ленин пишет на полях. ???? «Чудовищно».

Государственно-монополистический капитализм и в свете теоретических положений марксизма и в свете конкретных экономических фактов современной действительности выглядит совсем не так, как он выглядит в учении тов. Бухарина. Его монополистический капитализм представляет собой организованный капитализм в собственном смысле этого слова, капитализм, уничтоживший анархию внутри капиталистических стран. Тов. Бухарин недопустимо переоценивает организованность национального хозяйства и не видит глубокой противоречивости, анархичности в экономических основах государственного капитализма.

Неправильность такого анализа империализма, который отрывается от конкретной экономической действительности, доказывается, наконец, и на вопросе о кризисе капиталистического хозяйства и крахе капитализма.

«Чисто теоретическое» разрешение вопроса, которое дает тов. Бухарин, вызывает у Ленина целый ряд сомнений. Попытка изобразить крах капитализма, построить теорию конца капитализма на основе «чисто теоретических» аргументов не может быть признана удовлетворительной. Вот почему Ленин еще на 8-м с'езде партии, высказываясь против теории чистого империализма, говорил, что нельзя на основе теории чистого империализма, неправильно изображающей конкретную экономическую картину империализма, построить теорию краха капитализма.

Тов. Бухарин в «Экономике переходного периода», однако, попытался вывести крах капитализма из анализа империализма, как «чисто-империалистической» системы. Вряд ли нужно доказывать, что в изображении краха капитализма у тов. Бухарина имеется целый ряд недостатков.

Ленин бросает одно чрезвычайно ценное и глубокое замечание, имеющее непосредственное отношние к вопросу о кризисе капитализма в результате войны, однако, приобретающее огромный смысл и при рассмотрении целого ряда других вопросов современного империализма. Это замечание говорит о связи между теорией и практикой.

Когда тов. Бухарин «чисто-теоретически» приходит к «революционному» выводу о конце капитализма, когда он пишет: «Раз реально дан распад капиталистических производственных отношений и *раз доказана теоретически невозможность их восстановления*, то

возникает вопрос о решении дилеммы «гибель культуры» или «социализм»,— то тов. Ленин возражает: «Невозможность» доказуема лишь практически. Автор не ставит *диалектически* отношения теории к практике».

Это замечание Ленина имеет глубокий теоретический смысл. Оно показывает полную невозможность разрешения проблемы краха капитализма с точки зрения «чистой» теории. «Чисто-теоретическое» разрешение этой проблемы, конечно, невозможно, ибо «чисто теоретически» можно доказать так же «легко» и крах капитализма и превращение его в ультра-империализм или единый мировой трест. Ведь «чисто-теоретически» ясно, напр., что капитализм идет к единому мировому тресту. Для того, чтобы определить, подлежит ли эта «чисто-теоретически» найденная тенденция осуществлению или капитализм погибнет задолго раньше до того, как он до этого мирового треста дойдет,—уже недостаточно одного «чисто-теоретического» анализа. Этот вопрос можно решить только при учете *конкретных* трудностей, *конкретной* остроты противоречий, через которые капитализму нужно пройти. Только при привлечении конкретного экономического материала, только при анализе экономической практики может быть доказана неизбежность гибели капитализма.

Когда тов. Бухарин пишет: «Конкретное положение дел в экономике Европы 1918—20 г. ясно показывает, что этот период распада наступил и что нет *никаких* симптомов для возрождения *старой* системы производственных отношений. *Наоборот*», — Ленин ссылается только на известную французскую поговорку: «Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает».

А вот дальше, когда тов. Бухарин говорит о том, что рабочий класс перестает соглашаться выполнять капиталистическую функцию, и с этого момента существование капиталистического общества становится невозможным, тов. Ленин пишет на полях: «Вот это верно». Всякому ясно, что это замечание Ленина по вопросу о крахе капитализма и невозможности дальнейшего существования капитализма, которое доказывается не теоретически, а практически, может быть поставлено в непосредственную связь с высказываниями тов. Ленина на 2-м конгрессе Коминтерна, где тов. Ленин убеждал ряд товарищей в том, что «абсолютно безвыходного положения» для капитализма, вообще, не существует и что капитализм будет низвергнут только тогда, когда пролетариат сбросит власть буржуазии.

«Чисто-теоретическое» разрешение вопроса, которое так «по вкусу» т. Бухарину, может привести в равной мере и к сугубо «революционным», «ультра-левым» выводам о том, что теоретически невозможно дальнейшее существование капитализма и сугубо правым оппортунистическим выводам о том, что капитализму еще предстоит продолжительная пора существования. Как известно, оппортунистические элементы в Коминтерне, не без «чисто-теоретической» поддержки т. Бухарина, в настоящее время скатываются именно ко второму варианту разрешения данной проблемы.

Вопрос о крахе капитализма ленинская теория связывает теснейшим образом и с проблемой пролетарской революции в изолированно взятой капиталистической стране. Первая пролетарская революция произошла не в передовых капиталистических странах, а в стране сравнительно отсталой— в России. Интересно, как этот факт расценивается т. Бухариным в «Экономике переходного периода».

Тов. Бухарин пишет: «Крах империалистической системы начался с *наиболее слабых* хозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организацией». И в другом месте: «Мировой революционный процесс начинается с *низших по своему уровню* частичных систем мирового хозяйства» (стр. 150, 152).

Таким образом, т. Бухарин обосновывает пролетарскую революцию в нашей стране, начало краха капитализма именно в России тем обстоятель-

ством, что Россия представляет собой наиболее слабую народно-хозяйственную систему, самую слабую и низшую по своему уровню систему в мировом хозяйстве.

Так ли это на самом деле? Этим ли или только ли этим нужно об'яснить благоприятный исход пролетарской революции в нашей стране? По этому поводу Ленин замечает: «Не верно: *средне*-слабых, а не наиболее слабых (систем *Б. Б.*). Без известной высоты капитализма у нас ничего бы не вышло».

Значит, победоносный исход пролетарской революции в нашей стране вызывается не просто тем, что мы были самой слабой в экономическом и техническом отношении страной, которой, вследствие благоприятного стечения обстоятельств, удалось вырваться из цепи империалистического фронта. Тогда бы действительно нужно было бы считать нашу революцию только «аномалией», «исключением», как это и склонен думать тов. Бухарин в «Политическом завещании». В действительности, победоносный исход нашей революции стал возможным не только вследствие того, что русский империализм не выдержал испытания мировой империалистической войны, но благодаря известному развитию капитализма в нашей стране, который уже имелся и «без которого у нас бы ничего не вышло», как говорит Ленин. «Чистая теория» т. Бухарина, отвлекающаяся от анализа конкретного экономического уровня развития разных частей мирового хозяйства, дает «осечку» и в этом важнейшем вопросе о причинах утверждения диктатуры пролетариата в России.

V. Переходная экономика.

Мы переходим к исключительным по своему интересу замечаниям тов. Ленина по вопросам переходного хозяйства. Здесь с самого начала следует отметить следующую любопытную «мелочь».

Как известно, тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» дал целый ряд однобоких, сугубо «революционных» формулировок по вопросам экономического строительства в эпоху диктатуры пролетариата. То, что «Экономика переходного периода» тов. Бухарина отражает довольно явственно практику и идеологию военного коммунизма, является общеизвестной истиной. И тем не менее (это чрезвычайно важно отметить), у т. Бухарина в трактовке ряда вопросов экономического строительства пролетариата уже в «Экономике переходного периода» имеется ряд неправильных, п р а в о - о п п о р т у н и с т и ч е с к и х положений, имеющих определенную связь с ошибками т. Бухарина и в настоящее время.

Здесь на первом месте стоит вопрос о диктатуре пролетариата. Тов. Бухарин в ряде мест естественно отмечает, что в переходный период политический строй характеризуется диктатурой рабочего класса. Тов. Ленин считает нужным подчеркнуть, однако, что эта мысль о диктатуре рабочего класса о том, что руководящим, ведущим, «господствующим классом» в переходную эпоху является пролетариат, не везде и недостаточно четко выявлена тов. Бухариным. Так, например, когда т. Бухарин пишет: «По сути дела здесь задача экономически «б о е в а я, укрепить рабочий класс, к а к к л а с с, г о с п о д с т в у ю щ и й во всех порах экономической жизни», то тов. Ленин пишет: «Вот суть. Автору следовало больше остановиться на понятии «г о с п о д с т в у ю щ и й к л а с с». Тов. Ленин считает недостаточной трактовку этого вопроса со стороны т. Бухарина и считает целесообразным в большей степени, нежели это имеется в «Экономике переходного периода», эту идею—идею руководства рабочего класса, диктатуры рабочего класса, как класса господствующего, — подчеркнуть.

Ленин сочувственно отмечает следующее место у тов. Бухарина. «В переходную эпоху между государственным капитализмом и коммунизмом,

сознательным хозяйственным суб'ектом является не все общество, а организованный рабочий класс, пролетариат». В этом месте Ленин пишет на полях: «Именно».

Ленин отмечает не только недостаточность развития у тов. Бухарина мысли о том, что рабочий класс является господствующим классом в эпоху диктатуры пролетариата. Ленин подчеркивает в одном месте и то, что тов. Бухарин смешивает процесс утверждения власти рабочего класса непосредственно в результате революции с процессом уничтожения классовых различий и классовой борьбы в результате развития переходного периода. Если пролетарская революция заканчивается, прежде всего, утверждением власти пролетариата, то развитие переходной экономики в конечном счете приводит к ликвидации классов, к установлению бесклассового общества. Однако, этот процесс является чрезвычайно сложным, мучительным процессом. Содержание его и составляет содержание переходной эпохи.

И вот, в этом вопросе чрезвычайно любопытно отметить, что уже в построениях тов. Бухарина в «Экономике переходного пероида» эта сложность процесса в некоторых местах исчезает. Тов. Бухарин подчеркивает, что переходная эпоха должна привести к тому, что исчезнет разница между рабочим классом и остальным населением. Однако, он попутно называет этот процесс ликвидации классовых противоречий и слияния рабочего класса с остальным населением социализацией по аналогии с «социализацией», с которой начинается пролетарская революция в экономической области.

Возражая против термина «социализация» в том его понимании, которое он имеет у социал-демократов, тов. Бухарин принимает этот термин для об'яснения процесса ликвидации классовых противоречий, имеющего место в переходную эпоху.

Бухарин пишет:

> «Поскольку мы рассматриваем весь процесс в целом, начиная с насильственной экспроприации вплоть до отмирания пролетарской диктатуры, что есть также п р о ц е с с, разница между пролетариатом и всей совокупностью общественных работников становится все меньше и меньше и, наконец, исчезает совершенно. Т е м с а м ы м д а н о о п р а в д а н и е и т е р м и н у «с о ц и а л и з а ц и я». (С. 109).

Тов. Ленин решительно возражает: «Нисколько, — пишет Ленин, — «оправдал» смешение «процесса» рождения человека с «процессом» смерти»!

Значит, Ленин обвиняет Бухарина в смешении процесса утверждения власти рабочего класса с процессом ликвидации самой диктатуры пролетариата, ликвидации классовых противоречий.

Такого рода смешение, конечно, является теоретически неправильным и сводящимся по существу к замазыванию основных противоречий, с которыми связано развитие переходной экономики.

То, что дано в «неразвитом виде» в «Экономике переходного периода» в настоящее время видно и «невооруженным глазом». Как известно, в настоящее время тов. Бухарин, как правые вообще, видит действительно в развитии переходной экономики только одну сторону, по преимуществу, а именно то, что переходная экономика должна привести в результате к ликвидации классовых отношений, к бесклассовому обществу. Но они игнорируют другую, чрезвычайно важную сторону, составляющую также «зерно» переходной экономики: это глубокие противоречия, мучительный процесс развития на пути к бесклассовому обществу.

Очень существенно отметить, что эти ошибки в зародыше уже встречаются в неправильном применении понятия «социализация» тов. Бухариным еще в «Экономике переходного периода».

Тов. Ленин указывает и на другую ошибку тов. Бухарина в понимании процесса отмирания аппарата диктатуры пролетариата. Тов. Ленин прямо предостерегает Бухарина в одном из своих замечаний от неправильного изображения преждевременного отмирания некоторых аппаратов пролетарского государства. Тов. Бухарин этот процесс отмирания пролетарского государства изображает таким образом:

«Внешняя принудительная нормировка начинает отмирать, сперва отомрет армия и флот, как орудия наиболее острого внешнего принуждения; потом—система карательных и репрессивных органов; далее—принудительный характер труда и проч.».

Тов. Ленин делает следующее осторожное замечание на полях: «Не наоборот ли: сначала «далее», затем—«потом» и, наконец, «сперва?».

Такое важное орудие принуждения и орудие пролетарской диктатуры, как армия и флот, вряд ли начнет отмирать так рано, как это изображает тов. Бухарин. Отмирание этого орудия диктатуры пролетариата будет, по предположению Ленина, только заключительным аккордом, заключительным актом в процессе отмирания всего аппарата пролетарского государства, а не его начальным актом, как поспешно думает тов. Бухарин.

И здесь, следовательно, в вопросе об отмирании государства в переходную эпоху тов. Бухарин уже в «Экономике переходного периода» делает по сути дела право-оппортунистическую ошибку.

С большой силой подчеркивает тов. Ленин важность понимания необходимости борьбы буржуазных слоев населения против диктатуры пролетариата. И опять-таки мысль о неизбежности обостренной борьбы буржуазии с диктатурой пролетариата. Ленин выпячивает в гораздо большей степени, нежели это делает «ультра-левый» тов. Бухарин.

Когда тов. Бухарин, перечисляя различные слои буржуазного населения (бывшие помещики, торговые и промышленные капиталисты, рантье, крупные бюрократы, техническая интеллигенция, офицерство, крупное крестьянство, духовенство и т. д.) приходит к выводу, что все эти слои, классы и группы неизбежно ведут активную борьбу «против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета», то Ленин пишет на полях «Верно».

И тем не менее, «ультра-левый» тов. Бухарин прямо не дооценивал уже тогда необходимости решительного отпора кулацко-буржуазным элементам в переходную эпоху. По поводу выступлений кулацких элементов против пролетарской диктатуры и соответствующих мер, которые эти выступления должны вызывать со стороны пролетариата, тов. Бухарин писал: «Если крепкие крестьяне (кулаки) активно борются против мероприятий пролетарской диктатуры, то «концентрированному насилию» пролетариата приходится давать более или менее внушительный отпор кулацкой Вандее».

Тов. Ленин берет слова «более или менее» в скобки и пишет на полях: «Самый» (внушительный), а не более или менее».

Если проблема отношения к крестьянству, в связи с вопросом о торговле, не занимает у т. Бухарина в «Экономике переходного периода» надлежащего места, то вместе с тем следует отметить целый ряд ценнейших мыслей, брошенных тов. Лениным по этому вопросу.

Основная мысль замечаний тов. Ленина по вопросу о крестьянстве сводится к тому, что нужно сильнее, нежели это имеется у тов. Бухарина, подчеркнуть противоположность двух главных тенденций, борющихся между собой в переходной экономике—социалистической тенденции с одной стороны, и товарно-капиталистической тенденции—с другой. Это противопостановление двух хозяйственных тенденций не нашло достаточного освещения у тов. Бухарина. Тов. Бухарин пишет об «организующей тенденции» пролетариата и «товарно-анархической» тенденции крестьянства. В этой формулировке смазано классовое содержание этой тенденции и тов. Ленин делает чрезвычайно резкое замечание к этому месту. Он пишет: «Надо сказать: между социалистической тенденцией пролетариата и товарно-капиталистической тенденцией крестьянства. Подставлять здесь слово «организующей» есть теоретическая неверность, шаг назад от Карла Маркса к Луи Блану».

Эта же мысль относительно того, что развязывание товарной стихии крестьянского хозяйства неизбежно должно привести к развитию капиталистических тенденций в нашем хозяйстве, выдвинуто тов. Лениным и в ряде других замечаний по вопросу о крестьянстве. Там, где тов. Бухарин указывает, что «простое товарное хозяйство есть не что иное, как эмбрион капиталистического хозяйства» и что «борьба вышеописанных тенденций есть по существу продолжение борьбы между коммунизмом и капитализмом»,—тов. Ленин пишет: «Верно и лучше, чем «анархия».

Развивая простое товарное хозяйство, мы имеем в результате не простое развитие рыночной стихии («анархии»), но развитие капиталистических тенденций и соответствующая борьба с рыночной стихией должна расцениваться как продолжение ожесточенной борьбы между коммунизмом и капитализмом в переходную эпоху. Это доказывает, что рынок и товарное хозяйство в переходную эпоху не является только одной «внешней оболочкой» и имеет огромное экономическое значение. И тов. Ленин, в противовес тов. Бухарину, отмечает это следующим образом. Когда тов. Бухарин пишет:

«Для главной массы мелких производителей втягивание их в организованный апарат возможно, главным образом, через сферу обращения, следовательно, формально, таким же путем, как и при системе государственного капитализма». (С. 85).

Ленин поправляет: «Не только формально».

Следовательно, развитие отношений с крестьянством через рынок имеет не только «формальное» сходство с подобного же рода отношениями при государственном капитализме, но в известной, конечно, степени и по существу. Рыночные отношения с крестьянством не только формально аналогичны товарным отношениям в капиталистическом обществе, но в определенной мере эти формы порождают и соответствующие существенные изменения в области самой экономики, влияя в этой мере на развитие простого товарного хозяйства в капиталистическое, если этому развитию не будут поставлены соответствующие барьеры ростом социалистических элементов в самом производстве.

Что рынок не является просто «внешней оболочкой», «внешней поверхностью явлений», тов. Ленин отмечает еще и в другом месте. Тов. Бухарин пишет:

«Поскольку процесс производства отрывается от процесса потребления, постольку даже там, где сохраняется вольный рынок, на поверхность явлений выступают потребительские мотивы». (С. 133).

Тов. Ленин поправляет: «Не только «на поверхности» и не только «явлений».

При глубоком понимании особенностей переходной эпохи, отличающих ее от капиталистического хозяйства, тов. Ленин видит в развитии рынка и рыночных связей, не безразличную форму, в отношении к которой мы можем оставаться равнодушными. Ленин понимал всегда превосходно, что развитие рыночных отношений не есть только формальный процесс, но

процесс, ведущий по существу с определенного момента к развязыванию товарно-капиталистических отношений.

Крестьянство в переходную эпоху, среднее и бедное крестьянство, не может не быть подвергнуто силе колебаний. Если с одной стороны, этот крестьянин является тружеником и, как таковой, заинтересован в союзе с рабочим классом, в строительстве социализма, то с другой стороны, существование его, как частного собственника, ведет его по другому пути, по пути развития его хозяйства в хозяйство капиталистическое. Постолько мы имеем противоречия, а не только союз в отношениях между рабочим классом и крестьянством. Вот почему стремление к свободной торговле, которое свойственно просто товарному крестьянскому хозяйству, на определенной ступени неизбежно перерастает в стремление к капиталистической наживе.

Это обстоятельство «выпирает» в замечаниях т. Ленина в целом ряде мест, и это приобретает сугубо важный смысл в свете нынешних разногласий внутри партии по вопросу о дальнейшем развитии простого товарного хозяйства.

Тов. Бухарин пишет в «Экономике переходного периода»:

> «Массы среднего, а отчасти даже бедного крестьянства, постоянно колеблются, движимые то ненавистью к капиталистическо-помещичьей эксплоатации, ненавистью, которая толкает их к коммунизму, то чувством собственника (а, следовательно, в годину голода и спекулянта), которое толкает его в об'ятия реакции. Последнее выражается в сопротивлении государственной хлебной монополии, в стремлении к свободной торговле, и к спекуляции, которая есть свободная торговля». (С. 146).

Против этого места тов. Ленин сделал два раза замечание: «Верно!».

Приведенные слова т. Ленина по вопросу об отношении к крестьянскому производству, к мелкому хозяйству и к свободе торговли (хотя и высказанные им в период военного коммунизма), имеют, можно сказать, огромное «служебное значение» и для уяснения нашего отношения к крестьянству и к торговле в настоящий период. Нет надобности доказывать, что новая экономическая политика, которая началась с об'явления свободы торговли, только в сознании оппортунистических теоретиков, «сводится» к об'явлению свободы торговли.

Свободная торговля не только не отменяет борьбы с капитализмом в самом производстве, но и предполагает наступление на капиталистические элементы в производственном процессе и преобразование с определенного момента и самых рыночных форм в какую-то иную в принципиальном отношении форму связи с крестьянством.

Судя по ряду замечаний т. Ленина, он придавал огромное значение вопросу организации рабочего класса в период диктатуры пролетариата. В ряде мест тов. Ленин подчеркивает, что организованность рабочего класса является существеннейшим основным моментом, который определяет силу рабочего класса, который определяет и самый процесс трансформации, переделки хозяйственных отношений.

Те места у тов. Бухарина, которые говорят относительно организованности рабочего класса, вызывают у тов. Ленина ряд поправок. Тов. Ленин пишет, что речь должна итти не только об организованности рабочего класса. Надо бы добавить,— замечает тов. Ленин,— численность, роль в экономике страны, связь с массой трудящихся и его организованность.

Там, где тов. Бухарин указывает, какую огромную роль должна сыграть организованность рабочего класса для подчинения и организации трудящихся масс населения, для подчинения непролетарских слоев населения, тов. Ленин отзывается чрезвычайно одобрительно, бросая замечания,

вроде: «Очень хорошо!», «верно!». Колоссальнейшее значение здесь приобретают, по мнению Ленина, такие вопросы, как вопрос о самодисциплине рабочего класса, о руководстве со стороны пролетариата средними и низшими слоями рабочего класса и т. д. и т. п. Против соответствующих мест у тов. Бухарина можно не раз найти замечания Ленина: «Очень хорошо!», «Вот именно!», «Верно!».

Изображение процесса отмирания экономических категорий в переходную эпоху со стороны Бухарина вызывает ряд замечаний у тов. Ленина. Ленин подчеркивает правильность указаний об отмирании таких категорий, как ценность, заработная плата и т. д. Ленин с неоставляющей никакого места для сомнения ясностью указывает в замечаниях, что ценность и другие категории исчезают в переходную эпоху. Тов. Бухарин пишет: «Ценность, как категория товаро-капиталистической системы в ее равновесии менее всего пригодна в переходной период, где в значительной степени исчезает товарное производство». Ленин на полях замечает: «Верно!» А когда т. Бухарин говорит: «При системе пролетарской диктатуры рабочий получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату»,—то Ленин снова пишет: «Верно, и хорошо сказано, без выкрутас. Это надо было бы развить в ущерб десяткам страниц с «точками зрения».

Из этого следует, что т. Ленин считал безусловно необходимым в теории тщательно проследить процесс отмирания основных экономических законов и категорий капиталистического общества.

В этой же связи следует отметить одну мысль, высказанную тов. Лениным по вопросу об отмирании категории «товар». У нас сплошь да рядом говорят о «превращении товара в продукт». Интересно, что как раз, по поводу таких же замечаний тов. Бухарина, Ленин пишет: «Не точно: (товар) превращается не в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление, не через рынок». Здесь, в противоположность обычным утверждениям, тов. Ленин отмечает необходимость указания того, какую общественную форму приобретает продукт в социалистическом обществе. Неверно говорить об отмирании товара и превращении его в простой продукт. Речь идет в превращении товарной формы продукта в какую-то иную, общественную форму продукта, когда продукт, как выражается Ленин, «идет на общественное потребление, не через рынок».

Если вспомнить, что мысль о превращении товара в простой продукт, игнорирующая общественную форму, приобретаемую последним, чрезвычайно напоминает рассуждения т. Бухарина и других, в настоящее время о перерастании закона стоимости в «закон трудовых затрат», то приведенное замечание тов. Ленина проливает яркий свет на теоретическую неправильность теории закона трудовых затрат. Не о «законе трудовых затрат» должна итти речь в социалистическом хозяйстве, хотя трудовые затраты всюду и везде регулировали общественное производство. В социалистическом хозяйстве на смену закона стоимости выступает иная форма регулирования общественного производства — через сознательную организацию, через план. В плановую форму регулирования перерастает закон стоимости, а не в «закон трудовых затрат», равно, как товар перерастает не в продукт, а в продукт, который «идет в общественное потребление, не через рынок».

Наконец, следует отметить еще один недостаток, который тов. Ленин находит у тов. Бухарина в «Экономике переходного периода». Это недостаточно конкретный анализ экономической действительности переходного периода. Выше уже отмечалось, что т. Ленин считал неправильным построение «общей теории трансформационного процесса» независимо от конкретных экономических фактов. В этом он видел большую методологическую ошибку в построении тов. Бухарина. Поэтому он рекомендовал в заключительном отзыве о книге выбросить кое-что из схоластических

упражнений и, наоборот, дополнить теоретические рассуждения рядом фактов. Поэтому же тов. Ленин указывает, что недостаточно в книге освещены такие вопросы, как вопрос об электрификации и т. д. Тов. Бухарин пишет: «Отмена частной собственности на средства производства, отмена патентного «права» и коммерческой тайны,—единство плана и т. д., делают возможным переход на электрическую энергию». Тов. Ленин отмечает: «Об этом надо бы больше».

Следовательно, этому вопросу, вопросу изменения в материальном производстве, вытекающему из изменений в структуре производственных отношений, в отношениях собственности и т. д., тов. Ленин придавал большое значение и считал, что освещение этого вопроса должно безусловно входить составной частью в изображение процесса развития переходной экономики.

* * *

Партия занята сейчас не без основания изучением теоретических ошибок тов. Бухарина. Совершенно ясно, что политические и теоретические ошибки т. Бухарина теперь представляют собой логическое развитие, продолжение тех ошибок, которые тов. Бухарин совершал в течение ряда прошлых лет. Серьезное изучение уклонений от партийной линии такого образованнейшего марксиста, как тов. Бухарин, не может не обнаружить того очевидного факта, что здесь мы имеем дело с целой системой ошибок, об'яснение которых должны искать, начиная с самых «верхних этажей» сознания тов. Бухарина, с вопросов диалектики философии.

Недостатки в применении диалектического метода проходят красной нитью через важнейшие произведения и высказывания тов. Бухарина. Поэтому даже лучшие марксистские его работы носят на себе следы общеметодологических дефектов. Раскрытие ошибок т. Бухарина нужно партии, конечно, не для того, чтобы выбросить за борт то ценное и положительное, что т. Бухарин внес в марксизм-ленинизм. Это ясно само собой. Это раскрытие имеет огромное воспитательное и теоретическое значение для партии и особенно для подрастающего поколения. Партия должна изучить теоретические ошибки т. Бухарина для того, чтобы понять, какую огромную роль играет теория, даже в самых отдаленных, казалось бы, от практической жизни сферах для этой практической жизни, для политики. Партия должна извлечь из этого важнейший урок. Теория неразрывно связана с практикой, так же точно, как коренные проблемы практическо-политической работы обязательно упираются в конечном счете в то или иное (правильное или ошибочное) понимание теоретических положений. Ибо

> «нельзя вполне усвоить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 57).

Выяснение теоретических ошибок т. Бухарина будет способствовать несомненно в огромной мере разработке основных проблем ленинской теории. Это ясно хотя бы из того, что раскрытие ошибок т. Бухарина должно будет обязательно сопровождаться теоретическим марксистским преодолением этих ошибок. Ясно, что эта задача может и должна быть выполнена усилиями коллективной теоретической мысли партии. Огромное значение, которое в связи с этим имеют только что опубликованные замечания Ленина на «Экономику переходного периода», очевидно. Нет надобности доказывать также, какую колоссальную положительную ценность имеют эти новые материалы ленинского наследства. Задача партии на ближайшее время состоит во встесторонней научной, теоретической и политической их разработке.

С. Бессонов.

Накопление и резервы [1]).

(О „Заметках экономиста“ тов. Бухарина).

На пороге второго года пятилетки во всех отношениях полезно оглянуться на те «сомнения», которые существовали в некоторых прослойках партии год тому назад по вопросу о первом годе пятилетия. На первом месте здесь надо поставить «Заметки экономиста» тов. Н. Бухарина («Правда» 30 сентября 1928 г., № 228). В этих «Заметках», впервые в партийной прессе, были отчетливо формулированы и теоретически «обоснованы» некоторые критические «замечания» по вопросу о характере нашего пятилетнего плана, в связи с первым годом его осуществления. До того времени подобные сомнения высказывались в более или менее завуалированном виде лишь в наших специальных экономических журналах и то лишь непартийными или около-партийными людьми. Тяжелое впечатление, произведенное на партию выступлением тов. Н. Бухарина, об'яснялось, главным образом, этой неожиданной его солидарностью со столь несоответствующей ему компанией.

Центральным по внешности пунктом «Заметок» тов. Бухарина явилась проблема товарного голода. В поисках об'яснений этому явлению тов. Бухарин пришел к известному выводу, что товарный голод, так же как и другие хозяйственные затруднения Советского Союза, отнюдь не лежит в природе советского хозяйства, как такового, а является необходимым следствием «крупных ошибок хозяйственного руководства», которые при огромной роли планового начала в наших условиях, «вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых экономических соотношений имеет своей другой стороной нарушения политического равновесия в стране» («Заметки экономиста»).

Это положение является решающим для всего построения тов. Бухарина. С точки зрения нашей темы, особенно важно выделить здесь ту мысль тов. Бухарина, согласно которой существуют будто бы некоторые «основные хозяйственные пропорции в стране», некоторые «необходимые экономические соотношения», нарушение которых немедленно приводит к деформации спроса и предложения, к явлениям товарного голода, к кризисам. Государственное плановое начало, по мысли тов. Бухарина, может находиться по отношению к этим «основным хозяйственным пропорциям», к этим «необходимым экономическим отношениям» в двояком положении. Если оно действует, сохраняя эти пропорции и отношения, то это очень хорошо. Если оно действует, нарушая эти пропорции и отно-

[1]) Извлечение из этой статьи было в свое время напечатано в журнале «Коммунист. Революция», № 7, за 1929 г., (С. Б.).

шения, то это очень плохо, это ошибка, неизбежно приводящая к кризису и впоследствии к краху.

Дальнейшие разделы «Заметок» тов. Бухарина посвящены конкретному изложению отдельных «нарушений», внесенных будто бы неправильным хозяйственным руководством в «основные хозяйственные пропорции страны», в ее «необходимые экономические отношения», как-то: в соотношение между индустрией и сельским хозяйством, в соотношение между производством и потреблением, в пропорции между накоплением и резервами, в соотношения между отдельными отраслями промышленности и т. д., и т. п.

Серьезный вопрос, который партия в праве пред'явить к тов. Бухарину по поводу этого построения, заключается в следующем: о каких, собственно говоря, «основных хозяйственных пропорциях» и о каких «необходимых экономических соотношениях» идет здесь речь — о тех ли, которые остались нам от буржуазно-помещичьего строя и которые мы хотим сломать, или о тех, которые знаменуют собою переход к социалистическому строю и которые мы хотим создать?

Не нужно даже читать всей статьи тов. Бухарина, чтобы убедиться в том, что тов. Бухарин имеет здесь в виду именно старые хозяйственные пропорции, старые экономические соотношения, потому что его мысль, цитированная выше, становится совершенно непонятной, если применить ее к еще несуществующим хозяйственным пропорциям, к новым экономическим соотношениям, которых пока еще нет и которые мы только еще хотим создать.

Итак, «крупные ошибки хозяйственного руководства» заключаются, по мнению тов. Бухарина, именно в том, что наша политика «нарушает» существующие пропорции и соотношения в стране и тем самым вовлекает трудящихся в кризисы, потрясения и политические неприятности.

К сожалению, ни в одном месте своей статьи тов. Бухарин не ответил на основной политический вопрос, поставленный его выступлением перед партией: каким образом можно построить новое социалистическое общество, не нарушая в корне «основных хозяйственных пропорций» и «необходимых» экономических отношений», оставшихся нам от капиталистического строя?

Если высшая мудрость хозяйственного руководства заключается, по мнению тов. Бухарина, в сохранении тех пропорций и соотношений, которые существовали в стране, примерно, в 1925/26 году, то какой же колоссальной ошибкой должен представляться ему тот пятилетний план, который принят XVI партконференцией! Ведь этот план, при его осуществлении, не оставляет камня на камне от хозяйственных пропорций, которые характерны для 1925/26 года и которые в основном унаследованы нами от царского строя.

Одно из двух. Либо стоять на точке зрения необходимости социалистического строительства и тогда не только не надо бояться, но следует прямо стремиться к нарушению и к ломке старых пропорций и соотношений во имя и ради создания новых. Либо считать нарушение старых пропорций хозяйственной и политической ошибкой и тогда нечего рассуждать о социалистическом строительстве и следует прямо высказаться против пятилетнего плана, который весь построен на ломке и прямом отрицании именно этих старых пропорций.

На этот важный вопрос тов. Бухарин, к сожалению, не дал ясного ответа, оставив всю партию в неизвестности насчет своей прямой позиции по отношению к плану социалистического строительства.

В нашей партийной прессе уже было отмечено [1]), что теоретические корни этой неясности в позиции тов. Бухарина уходят с одной стороны к его представлениям об обществе, как о некоей системе тел, находящихся в состоянии равновесия, с другой стороны к его известной трактовке пропорций материального производства, как чего-то вечного, неизменного, безразличного к определенной исторической форме своего проявления.

Эти механистические «устои» концепции т. Бухарина дают себя знать и в данном вопросе. Выше мы уже видели, что тов. Бухарин «сводит» классовые перегруппировки к нарушению «хозяйственных пропорций» и «экономических соотношений» в стране. Казалось бы ничего плохого в этом не должно быть, если, например, в результате произведенных «нарушений» классовые силы прочно перегруппировываются в пользу пролетариата. Однако, тов. Бухарину кажется, что всякое без исключения изменение «хозяйственных пропорций» идет во вред пролетариату, нарушает «политическое равновесие» в стране.

Тезис тов. Бухарина был бы верен только в одном случае, если бы «хозяйственные пропорции» в стране целиком соответствовали интересам пролетариата. Тогда всякое их «нарушение» действительно направлялось бы против рабочего класса. Но не кажется ли читателю, что полное соответствие хозяйственных пропорций интересам пролетариата может наступить лишь в коммунистическом обществе, где самая надобность в пролетариате, как особом классе, исчезает и где, следовательно, тезис тов. Бухарина становится бессмысленным. По отношению же к современному советскому обществу мысль тов. Бухарина не только глубоко неправильна, но и опасна.

Можно ли рассматривать наши теперешние хозяйственные пропорции и соотношения, например, соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, между легкой и тяжелой индустрией, между коллективными и индивидуальными хозяйствами в деревне и т. д., и т. п., как удовлетворительные с точки зрения пролетариата? Никоим образом! Эти пропорции были удовлетворительными с точки зрения компрадорской русской буржуазии и кулацкого крестьянства, но для победившего пролетариата эти пропорции суть путы, которые нужно во что бы то ни стало «нарушить», разорвать, сломать, чтобы поставить на их место новые.

Таким образом, мы ничего не поймем в нашей действительности и совершенно запутаем нашу политику, если будем вслед за тов. Бухариным от пропорций итти к классам, а не наоборот. Никаких «внеклассовых» «внеисторических» пропорций не существует, и каждый новый класс, приходящий к власти, неизменно, хотя и в различной степени, устанавливает новые пропорции и ломает старые. Пролетариат в этом отношении отличается от всех ранее господствовавших классов гигантским размахом и своей разрушительной и своей созидательной работы. В то время, как все ранее господствовавшие классы в основном оставляли неизменными хозяйственные пропорции, вытекавшие из эксплоатации одного класса другим, создавая тем самым видимость некоторой «плавности» в развитии классовых общественных форм,—пролетариат ломает до основания все без исключения устои классового общества, нарушая тем самым всесторонне прежние пропорции. Требовать при таких условиях, чтобы пролетариат сохранял пропорциональность «вообще» и во что бы то

[1]) См. ст. тов. Луппола в № 18 «Большевика» за 1929 г.

ни стало, это значит требовать, чтобы он *перестал* быть пролетариатом.

Нельзя сказать, чтобы тов. Бухарин не понимал необходимости *новых* пропорций материального производства в социалистическом обществе. Полемизируя в свое время с тов. Преображенским, он спрашивал:

«Разве в самом деле в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений одна и та же? Наконец, что означает громаднейшее различие в *темпе* развития?» [1]).

Казалось бы после столь недвусмысленно поставленных вопросов необходимо перейти к *ответу* на них, т.-е. к выяснению того, *какие же именно* пропорции нужны для социалистического общества, какие *темпы* развития, *какая динамика* этих пропорций, чтобы, в связи с выяснившимися таким образом специфическими *особенностями* социалистического строительства, распределить и наши трудовые затраты.

Но напрасно читатель будет искать ответа на поставленные вопросы у тов. Бухарина. Единственно, что смог указать тов. Бухарин в этом отношении, заключается в следующем:

«В социалистическом обществе, — писал тов. Бухарин, — «естественная система потребностей» и ее динамика *иная*, благодаря отсутствию двухбюджетной системы» (нет классов, отсутствуют разные качественно-потребительские бюджеты общественных слоев)» [2]).

И это все! Таким образом разница в *структуре* социалистического и капиталистического общества сведена тов. Бухариным к разнице в характер *потребления*: в социалистическом обществе потребление обладает, видите ли, большей качественной однородностью, чем в капитализме.

Едва ли нужно доказывать неправильность подобного представления. Социалистическое общество отличается от капиталистического не только характером своего потребления, но, прежде всего и раньше всего, характером своего *производства*, характером своих *производственных отношений*. Только потому, что социалистическое общество имеет иную структуру производства, иной тип производственных отношений, оно имеет и иную структуру *потребления*. Новые потребности, о которых, как о движущем мотиве, говорит в своих «Заметках» тов. Бухарин, не падают с неба, а *вырастают* вместе и вслед за развитием социалистического *производства*. Поэтому нет ничего ошибочнее указания на потребление, как на единственную сферу *различий* между капитализмом и социализмом.

Коренные *классовые* различия, существующие между советским обществом и обществом капиталистическими, оказывают влияние не только на структуру потребления, но не в меньшей мере также и на структуру *производства*. Больше того! Самые изменения в потреблении происходят здесь лишь на основе изменений в производстве; смешно было бы думать, что мы сможем серьезно изменить характер нашего теперешнего потребления, не перестроив *предварительно* и в корне всего нашего *производства*!

Каким же образом тов. Бухарин пропустил столь важное обстоятельство, сосредоточив целиком центр своей аргументации на вопросах потребления?

Причина заключается здесь в том, что, вместо аргументации *от классовых задач* пролетариата в настоящее время, тов. Бухарин

---

[1]) «К вопросу о закономерностях переходного периода».
[2]) Там же, 50.

аргументирует от бесклассового и внеисторического [1]) закона пропорциональности трудовых затрат, блюсти который мы должны будто бы пуще зеницы ока. Но так как никакого «внеисторического» и «внеклассового» закона трудовых затрат в действительности не существует и существовать не может, то под флагом этого закона тов. Бухарин рекомендует нам, по сути дела, приспособить всю нашу работу и всю нашу политику к *тем самым пропорциям, которые существуют в настоящее время* и которые достались нам в основном от царской России.

Но как же быть в таком случае со строительством *социализма* в нашей стране?

Тов. Бухарин глубоко ошибается, когда думает, что *можно развивать социалистические отношения в СССР, сохраняя существующие пропорции и соотношения в системе материальных производительных сил*. На пороге второго года пятилетия подобная точка зрения кажется абсолютным анахронизмом. Именно опыт 1928/29 года, больше чем всякий другой, показал, что развертывание системы социалистических отношений в сельском хозяйстве, например, не может происходить иначе, как только на основе прямого *изменения и перераспределения* материальных производительных сил, прямого *нарушения старых пропорций* в соотношении крупного и мелкого хозяйства, машинного и ручного труда, кооперированного и индивидуального производства и т. д., и т. п.

Излишне доказывать, что и в области промышленности ни о каком развитии социалистической формы не могло бы быть и речи, если бы мы не подкрепляли развитие этой формы соответствующим развитием ее *материального содержания*, если бы не создавали одновременно новой системы *производительных сил*, на которую могли бы прочно опереться социалистические производственные отношения.

Таким образом, теоретические корни взглядов тов. Бухарина покоятся на неправильном представлении о соотношении содержания и формы, на чисто механистическом взгляде на развитие общественных процессов [2]).

Правильное диалектическое соотношение содержания и формы заключается в том, что *вслед* за изменением социальной *формы* неизбежно должно было измениться (и действительно изменяется) и все *материальное содержание* общественного производства. Созданные в условиях буржуазно-помещичьего строя старые пропорции и соотношения материального производства должны рано или поздно уступить свое место иным пропорциям и соотношениям, *соответствующим новому социалистическому строю*. В противном случае, и сам этот строй, сама новая социальная форма оказались бы висящей в воздухе, неустойчивой и непрочной.

Следовательно, вопреки мнению тов. Бухарина, развитие социалистических отношений в СССР, т.-е. строительство социализма заключается отнюдь не в сохранении и расширенном воспроизведении старых пропорций

---

[1]) «Надисторического», как характеризовал его тов. Бухарин в своих статьях «К вопросу о закономерностях переходного периода».

[2]) Пропорции общественного производства кажутся т. Бухарину вечными и нерушимыми. Они так сказать, несоциальны и неисторичны. Исторична, изменчива лишь форма их проявления. Форма, таким образом, выступает здесь как нечто совершенно внешнее по отношению к содержанию, механически с ним соединяемое. Общеизвестно, что в полемике с Преображенским тов Бухарин именно так и обосновывал вечность закона пропорциональности трудовых затрат. Между тем, едва ли стоит доказывать, что каждая социально-экономическая формация имеет свою *особую* пропорциональность трудовых затрат, свою *особую* структуру производительных сил, отличную от пропорциональности и структуры других общественных формаций.

и соотношений материального производства, а совершенно напротив — в их коренной ломке и изменении. В этом существенном вопросе взгляды тов. Бухарина оказались, как это ни странно, совершенно противоположными взглядам всей партии.

II.

Из числа вопросов, поднятых «Заметками экономиста» тов. Бухарина, остановимся на одном немаловажном вопросе, имеющем прямую связь с проблемой товарного голода, а именно на вопросе о резервах.

Совершенно очевидно, что, коль скоро все пропорции материального производства оказываются глубочайшим образом связанными с той общественной формой, внутри и под влиянием которой они возникают, то, само собой понятно, что и соотношения между накоплением и резервами не представляют исключения из этого правила. Каждая общественная формация имеет свою особую структуру, свой особый характер существования резервных фондов, отличающийся от характера других общественных формаций. С этой точки зрения едва ли правильно ставить вопрос о резервах так, как поставил его в своих «Заметках» тов. Бухарин, т.-е. безотносительно к той особой исторической форме, в пределах которой наша политика резервов осуществляется.

Какие же особенности отличают постановку проблемы о резервах в наших условиях?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать те пропорции и соотношения, которые необходимо складываются между накоплением и резервами в условиях СССР.

В своих «Заметках» тов. Бухарин писал:

«Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы все должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в достаточной мере нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения.

Прежде всего при составлении программы капитального строительства необходимо иметь в виду директиву партии о резервах (валютных, золотых, хлебных, товарных)».

Из всего контекста статьи тов. Бухарина видно, что наметка программы капитальных работ должна, по его мнению, начинаться с образования резервов. «Прежде всего» необходимо иметь в виду директиву партии о резервах, а потом уже директиву о накоплении... После того, как образован резерв, можно думать и о капитальных работах и т. д.

Почему же образование резервов представляется тов. Бухарину первоочередным из всех дел социалистического строительства? По очень простой причине. Потому, что тов. Бухарин прямо связывает образование резервов с проблемой товарного голода.

«У нас не только (курсив мой. *С. Б.*) нет резервов»,—пишет т. Бухарин, «но перебои в снабжении, «очереди» и «хвосты» стали «бытовым явлением» в значительной степени дезорганизующим и нашу производственную жизнь».

Следовательно, программа социалистического строительства представляется тов. Бухарину в следующем виде: 1. Устранение хвостов и очередей. 2. Образование резервов в целях предупреждения этих хвостов и очередей и 3. Капитальное строительство.

Не нужно быть очень большим «экономистом», чтобы «заметить», что подобная программа есть не что иное, как программа развития легкой промышленности в противовес тяжелой, программа развития тяжелой промышленности за счет остатков, освобождающихся от развития легкой промышленности, т.-е. такая программа, которая имеет своей целью сохранение и воспроизведение в расширенном масштабе именно старых (оставшихся от капитализма) соотношений в нашей промышленности. Партия давным-давно осудила эту программу, настойчиво предлагавшуюся нам буржуазными специалистами типа Кондратьева, Вайнштейна, Громана и др. В противовес этой «мирной» программе спокойного воспроизведения старых пропорций и соотношений партия выдвинула и решительно проводит другую боевую программу коренного изменения соотношения между легкой и тяжелой промышленностью в пользу последней.

Совершенно очевидно, что это не могло не изменить (и действительно изменило) всю постановку вопроса о резервах. В то время как у Бухарина формула социалистического строительства выглядит прямолинейно просто: сначала резервы, потом строительство; принцип развития, принятый партией, выглядит гораздо более сложно. Партия не выдвигала и не выдвигает, конечно, противоположной всеохватывающей формулы, сначала-де строительство, а потом резервы. Она разрешает вопрос комбинированно, в зависимости от сферы и области, о которой идет речь. В целом ряде важнейших случаев партия решает вопрос совершенно иначе, чем предлагает тов. Бухарин.

Для всякого экономиста понятно, что резерв может быть создан лишь из того самого источника, из которого берутся вообще фонды расширенного воспроизводства, т.-е. из общественного прибавочного продукта [1]). Никакого другого источника (если отвлечься от иностранных и внутренних займов) нет и не может быть у пролетарского государства.

При таких условиях между политикой социалистической индустриализации и политикой накопления резервов может возникнуть, и практически в некоторых случаях возникает своеобразное противоречие, заключающееся в том, что та и другая политика развертываются на основе одного общего и не поддающегося произвольному и быстрому расширению фонда. [2]). Совершенно ясно, что в пределах данного фонда размер резервов может увеличиваться лишь за счет сокращения размеров социалистической индустриализации и наоборот. Нам приходится поэтому в ряде случаев взвешивать, какое именно направление имеющихся средств в данный момент наиболее целесообразно — по линии ли резервов или по линии индустриализации, и в каком именно размере.

Безусловно ошибочно изображать дело таким образом, что вопрос о размерах средств, направляемых нами по тому или другому руслу, для нас безразличен. А именно так и рассуждает, повидимому, один из соратников

---

[1]) Я оставляю здесь в стороне спор о допустимости отмеченной в тексте терминологии. В соответствии с Марксом, который очень недвусмысленно высказался по этому вопросу в конце XV гл. I тома «Капитала», я считаю, что в пределах наших предприятий последовательно-социалистического типа, у нас нет ни прибавочного труда, ни прибавочного продукта, ни прибавочной стоимости. Весь труд рабочего является здесь необходимым, но границы этого необходимого расширяются.

[2]) Говоря о «фонде» мы еще раз должны подчеркнуть, что он отнюдь не представляет собой чего-то неподвижного. Мобилизация внутрипромышленных ресурсов, например, жесткая экономия в расходах, повышение производительности труда и т. д. могут значительно изменить размеры этого фонда, но во всякий данный момент он все же представляет из себя величину определенную.

тов. Бухарина по его современным взглядам тов. Фрумкин в № 11 журнала «Финансы и народное хозяйство» за 1929 г. Он пишет там:

> «Принципиальное отношение к индустриализации, не измеряется тем или иным вариантом размеров капитального строительства и вложений, а общей компановкой всего плана, в котором первенствующее место отводится тяжелой промышленности, развитию машиностроения, химии, производству средств производства, с переводом сельского хозяйства на более высокую техническую базу».

В устах тов. Фрумкина партийная политика получает такое толкование: неважно, сколько именно средств мы даем на дело социалистической индустриализации,— важно, чтобы в них первенствующее место заняли вложения в тяжелую индустрию. Подобное толкование может быть превращено в полное отрицание политики индустриализации. В самом деле, посмотрим, как выглядит теория тов. Фрумкина в конкретной постановке. Страна, например, в наступающем году предполагает вложить 2902 млн. руб. в собственно промышленное строительство. Из этих сумм 83% (2421 млн. руб.) идет по линии капитального строительства в тяжелой промышленности, а остальные 17% — по линии легкой промышленности. Но вот появляется тов. Фрумкин и заявляет: так как «тот или иной вариант размеров капитального строительства не измеряет нашего принципиального отношения к индустриализации», то предлагаю, вместо 2902 млн. руб., дать на капитальное строительство 2000 млн. руб. Но зато я предлагаю гораздо более «социалистическую» «компановку» всего плана, чем вы, а именно: из 2000 млн. руб. я предлагаю отдать на тяжелую промышленность не 83%, а 90%.

Со своей точки зрения тов. Фрумкин будет вполне уверен в том, что он делает прекрасное дело. Помилуйте, он предлагает более совершенную «компановку плана», чем кто-либо другой. Он предлагает из общей суммы капитальных вложений гораздо большую долю выделить на тяжелую промышленность, чем это предлагает партия. Что же касается общих размеров вложений, то это, как отмечено, вопрос для тов. Фрумкина второстепенный и отнюдь не принципиальный.

Между тем, общие размеры капитальных вложений для нас так же важны, как и взаимное отношение составных частей этих вложений. Дело в том, что общий размер капитальных вложений отнюдь не произволен, а диктуется нам целым рядом обстоятельств. Определение этих обстоятельств служило и служит до сих пор предметом самых оживленных дискуссий в нашей прессе.

Одним из наиболее крайних взглядов, представленных в этой дискуссии, является взгляд того же тов. Фрумкина, согласно которому общий размер капитальных вложений должен определяться сообразно нашим «возможностям». Если не останавливаться на оппортунистическом значении этой «теории», имеющей своей целью замедление темпов социалистического строительства, то перед нами встанет вопрос о том, что же такое «возможности». Являются ли «возможности» чем-то об'ективно непреодолимым или они так же, как и «потребности» изменяются? Совершенно очевидно, что стоит только поставить вопрос таким образом, как тотчас же обнаруживается, что «возможности» определяются производством не в меньшей мере, чем «потребности». Меняя производственные пропорции и соотношения, в результате капитальных вложений, мы меняем и наши «возможности». Следовательно, ссылка на «возможности» есть не что иное, как особый способ вращения в порочном кругу. Капитальные вложения определяются «возможностями», а «возможности» определяются капитальными вложениями.

Другая концепция исходит при определении размера капитальных вложений не из «возможностей», а из потребностей. При этом «потребности» очень часто подразумеваются в двух различных смыслах. Одни понимают «потребности» в узком смысле слова, как платежеспособный спрос широких масс на предметы потребления. Так, например, понимает вопрос тов. Бухарин, когда говорит о противоречии между производством и потреблением, как движущем начале общественного развития.

Но что такое платежеспособный спрос широких масс? Прежде всего это есть спрос рабочих. Платежеспособный спрос рабочих есть, как известно, функция их заработной платы. Заработная плата в свою очередь определяется в СССР всей совокупностью условий общественного производства, в том числе и размерами накопления. Немалая доля наших капитальных вложений превращается, как мы знаем, именно в заработную плату, т.-е. составляет основу для расширения платежеспособного спроса. Таким образом, ссылка на платежеспособный спрос рабочих масс абсолютно ничем не помогает нам в вопросе о необходимых размерах производства и накопления, потому что эти размеры и определяют как раз величину платежеспособного спроса со стороны рабочих.

Если таким образом платежеспособный спрос со стороны рабочих оказывается «функцией» самого производства и стало быть не может служить основанием для определения величины последнего, то нельзя ли требуемый масштаб накопления вывести из размеров крестьянского платежеспособного спроса?

Здесь мы подходим, на мой взгляд, к центральному положению всей бухаринской концепции, а именно к тому, что тов. Бухарин, в самом деле, выводит необходимые нам размеры накопления, а также и все необходимые нам пропорции не из чего другого, как из потребностей крестьянского рынка.

Крестьянский рынок произвел очень сильное впечатление на тов. Бухарина еще в 1923—24 году, когда обнаружились некоторые затруднения в нашем хозяйстве.

> «Промышленность, — писал он про этот период — уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно: на слабость внутреннего крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорилось, следовательно, и воспроизводство и накопление»[1]).

Вопрос о накоплении здесь прямо поставлен тов. Бухариным в связь с вопросом о емкости крестьянского рынка. Чем более емок крестьянский рынок, т.-е. чем больше платежеспособный крестьянский спрос, тем шире возможности капиталонакопления в промышленности.

Мало того:

> «Само соотношение («сочетание») внутри госпромышленности определяется соотношением с крестьянским рынком. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения не есть план ибо это соотношение и есть база всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда»[2]).

Тов. Бухарин действительно навсегда вынес из кон'юнктурных затруднений 1923/24 года некоторую боязнь крестьянского рынка и паническое преклонение перед соотношением с ним.

---

[1]) «К вопросу о троцкизме», 1925, 158.
[2]) Там же, 161.

Вопрос о емкости крестьянского рынка представляется ему в 1927 г. «решающим пунктом» [1]), «определяющим» оптимум накопления (там же 87). С неподдающейся ясностью тов. Бухарин формулировал в 1927 году свою точку зрения: подчеркнув, что «спрос у нас в значительной мере есть крестьянский спрос» (88 стр.), что нельзя «сочинять планы, помимо емкости крестьянского рынка» и т. д., и т. п., тов. Бухарин писал:

«Отсюда следует, что емкость внутреннего рынка, определяющая спрос, есть один из важнейших факторов, непосредственно определяющих размеры легкой индустрии и отчасти металлической и прочей промышленности. А это в свою очередь по «цепной связи» определяет и пропорции между другими отраслями. Никакого плана индустрии, взятой в «себе» построить поэтому нельзя» [2]).

Итак, мы начинаем понимать, что именно в переводе на русский язык означает, наконец, пресловутый закон пропорциональности трудовых затрат, которым не устает клясться тов. Бухарин, что именно означает мысль тов. Бухарина о «моментах кризисного характера», которые «могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления)» («Заметки экономиста»).

«Необходимые экономические соотношения», «основные хозяйственные пропорции», которыми оперирует тов. Бухарин, как последним и решающим аргументом, оказываются при ближайшем рассмотрении не чем иным, как соотношением с крестьянским рынком. Емкость крестьянского рынка вот, по Бухарину, исходный пункт, лимит и законодатель всего движения в промышленности.

Расширяется крестьянский рынок, расширяется и промышленность, суживается крестьянский рынок—сжимается и индустрия. Развитие социалистической промышленности выступает перед нами, как функция развития крестьянского хозяйства и последнее превращается таким образом в ведущее звено всего народного хозяйства.

Приспособить развитие промышленности к развитию крестьянского хозяйства вот что в действительности означает, по мнению тов. Бухарина, соблюсти «основные хозяйственные пропорции», выдержать «необходимые экономические соотношения».

Партия совершенно правильно осудила подобную концепцию. В самом деле — приспособить развитие промышленности к развитию крестьянского хозяйства это значит отказаться на деле от строительства социализма в нашей стране. Строительство социализма в том и заключается, что мы приспособляем не промышленность к крестьянскому хозяйству, а крестьянское хозяйство перестраиваем с помощью промышленности на новой социалистической основе. Выпустить из своих рук ведущую и преобразующую роль социалистической промышленности, обречь ее на черепашьи темпы развития вслед за допотопным (и в известной своей части кулацким!) индивидуальным хозяйством деревни—это значит на деле предать социализм капитализму.

Таким образом, единственная последовательная попытка обосновать размер необходимого нам накопления размером платежеспособного потребительского спроса города и деревни закончи-

[1]) «К вопросу о закономерностях» и т. д., 84.
[2]) Там же, 89. Та же мысль повторена, как известно, и в «Заметках экономиста».

лась, как мы видим, фактическим отрицанием социалистического строительства.

Однако, «потребности», как ведущее начало нашего развития понимаются и в более широком смысле слова. Под ними правильно понимают иногда не только потребительский, но и производственный спрос, определяемый всей логикой социалистического строительства.

Эта «логика» включает в себя целый ряд важных моментов. Прежде всего и раньше всего, сюда относится задача социалистической переделки крестьянского хозяйства. Коль скоро мы эту задачу перед собой поставили и к ней приступили, мы оказываемся перед жесткой необходимостью целого ряда крупных капитальных вложений в индустрию сельскохозяйственного машиностроения (тракторы!), в промышленность искусственных удобрений, в транспорт, в металлургию и т. д., и т. п.

Мы стоим, далее, перед необходимостью закреплять социалистические отношения и в пролетарском городе. Разумеется, это достигается, прежде всего, расширением промышленности. Но эта задача требует также перестройки материального базиса всей городской культуры, созданной буржуазией для своих, а не для наших нужд (здания, пути сообщения, жилища и т. д., и т. п.).

Мы окружены, далее, капиталистическими врагами, следовательно, должны в известных размерах развивать и промышленность обороны.

Мы поставили перед собой, наконец, задачу догнать и перегнать по техническому уровню передовые капиталистические страны. Это обязывает нас к определенному темпу, типу и характеру нашего строительства.

Мы получаем таким образом сложную и вместе с тем очень жесткую цепь условий, требующих от нас быстрого развития определенных отраслей промышленности прежде всего и раньше всего по линии тяжелой промышленности, общей праматери всех орудий труда, которые нам необходимы.

Обусловленные, таким образом и прежде всего, социально и классово, вытекая с необходимостью из конкретных задач строительства социализма в одной стране размеры капитальных вложений обусловлены далее до известной степени и технически.

Мы строим тяжелую промышленность. Излишне говорить, что это обязывает ко многому. Прежде всего, это относится к размерам капитальных вложений в каждое отдельное предприятие.

Никто не станет сейчас строить крохотные металлургические заводики на 30—50 тыс. тонн годового производства чугуна. Завод современного типа сразу проектируется на 600 — 1000 тыс. тонн чугуна в год. Следовательно, размер потребных на строительство средств вытекает здесь из технического существа самой задачи. Бессмысленно строить в настоящее время автомобильный завод производительностью в 2000 — 5000 автомобилей в год. Мы сразу проектируем завод с годовой производительностью в 120.000 автомобилей. Меньший размер производства оказывается технически и экономически невыгодным.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев размер капитальных вложений в отдельные предприятия диктуется нам непосредственно техникой производства и сооружения.

Размер вложений определяется, далее, взаимным соотношением отдельных составных частей этих вложений. Тов. Фрумкину кажется, что можно уменьшить общий размер вложений, изменив соотношение отдельных частей в пользу тяжелой индустрии. Это совершенно неверно. Со-

кращение, например, общего размера капитальных вложений с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб. не только не даст нам возможности увеличить долю тяжелой промышленности, но, **наоборот, неизбежно сократит ее до значительно меньших размеров.**

В самом деле. Между отдельными частями производства существует определенная, и притом тесная, связь. Нельзя, например, увеличивать размеры электростроительства, не увеличивая одновременно электротехнической индустрии. Эту последнюю нельзя развивать, не увеличивая производства высококачественных металлов и цветной металлургии и т. д. Таким образом, в пределах первого подразделения общественного производства (подразделения средств производства) существует определенная **тесная связь и взаимная зависимость** отдельных отраслей.

Они могут и должны расти лишь во взаимной цепной связи друг с другом. Но как раз эта взаимная цепная связь в тяжелой индустрии неосуществима **без больших размеров капитальных вложений.** Рост отдельных отраслей, как мы указывали выше, немыслим в настоящее время иначе, как в форме сооружения больших и дорогостоющих заводов и фабрик. Следовательно, развитие тяжелой промышленности в целом выступает перед нами в виде **цепи** крупных заводов, взаимно связанных друг с другом, строительство которых приходится начинать **одновременно** и кончать в **определенные** сроки. Поэтому, по отношению к тяжелой промышленности обязательно следующее правило — либо мы строим всю **цепь заводов** (горных, металлургических, металлообрабатывающих, строительных и т. д.) более или менее вместе, **либо мы не строим вовсе.** Едва ли целесообразно начинать постройку Магнитогорского завода, не строя одновременно Кузнецкого завода, так как иначе вагоны, прибежавшие к Магнитной горе с кузнецким углем, побегут обратно **пустые**, без магнитогорской руды; нельзя его строить, не развивая **одновременно** добычи угля в Кузнецком бассейне, не приступая к сооружению Свердловского **машиностроительного** завода и т. д., и т. п.

Следовательно, если сократить программу капитального строительства с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб., то придется отдать на тяжелую промышленность либо всю эту сумму, либо отдать ничтожную ее часть. Всю сумму капитальных вложений на тяжелую промышленность отдать нельзя, так как здесь выступает на сцену другая важная связь и взаимная зависимость общественного производства: между подразделением средств производства и подразделением средств потребления. Мы развиваем тяжелую промышленность не ради ее самой (как думал Туган-Барановский), а ради создания предпосылок для развития промышленности **личного потребления.** Увеличение потребления масс есть наша первая и последняя задача в деле индустриализации. Но мы стремимся не только разрешить эту задачу в будущем, мы, согласно директивы XV с'езда, должны разрешать ее и в настоящем. Следовательно, известная часть наших капитальных вложений **должна** направляться и на развитие легкой промышленности. Правда, размеры вложений в легкую промышленность в гораздо меньшей степени обусловлены техникой, чем в случае с тяжелой промышленностью, и в гораздо меньшей степени сцеплены друг с другом, чем в первом подразделении; но тем не менее общая их сумма тоже не может быть произвольно уменьшена.

Давление потребительского спроса является здесь вполне ощутимой внешней границей.

Следовательно, если перед страной и партией будет поставлена проблема сокращения общего размера капитальных вложений с 2902 млн. руб. до 2000 млн. руб., то это фактически будет означать значительное сокращение капитальных вложений в тяжелую промышленность, так как от известных

вложений в легкую промышленность ни при каких условиях отказаться нельзя. Это фактически и имело место в первые годы наших капитальных вложений, когда они были незначительны. Отсюда вывод: **при малой сумме капитальных вложений нельзя установить правильного соотношения между ростом тяжелой и легкой промышленности. Приходится выбирать между ними.** Излишне говорить, что коль скоро вопрос ставится о такой альтернативе — выбор естественно падает на легкую промышленность.

Из сказанного видно, насколько неправильна и опасна мысль тов. Фрумкина насчет неважности вопроса об общих размерах индустриализации. Напротив, вопросы **общих размеров** приобретают здесь исключительное значение, именно потому, что только при известном минимуме **общих размеров** возможно достигнуть правильных соотношений **внутри** них. Проблема правильного соотношения размеров капитальных вложений в тяжелую и легкую промышленность очень важна и в этом смысле тов. Фрумкин прав, говоря о важности общей компановки плана. Но он забывает, что эта проблема разрешается тем легче и тем правильнее, чем больше **общие размеры** капитальных вложений **в целом.** И, наоборот, на известном пределе проблема правильного соотношения частей в границах целого оказывается неразрешимой вследствие **недостаточности** общей суммы при социально-классовой (а также в известной мере и технической) обусловленности размеров отдельных составных ее частей.

Краткий смысл всего нашего рассуждения заключается в том, что размер капитальных вложений представляет из себя более или менее **твердую** величину, **определяемую классовой логикой социалистической индустриализации** и не поддающуюся ни произвольному сокращению, ни произвольному расширению.

Следовательно, одна из составных частей на которые распадается общественно-прибавочной продукт—а именно фонд расширенного воспроизводства, фонд индустриализации — диктуется нам в значительной степени **внутренней логикой социалистического строительства** и не может быть сужен по произволу.

Поэтому, партия совершила бы величайшую ошибку, если она, последовав совету т. Бухарина, стала бы сначала устанавливать размеры необходимых **резервов**, а затем уже **из остатков** общественного прибавочного продукта стала бы кроить **фонд индустриализации.** Совершенно очевидно, что осуществить таким методом строительство **тяжелой** промышленности партия не смогла бы. Напротив, путь, на который вступила партия, **обязывает** к чрезвычайно большим, строго определенным и обусловленным **размерам** капитального строительства, предрешающим, следовательно, размеры всех **остальных** расходов из фонда общественного прибавочного продукта. Никакой иной постановки вопроса не может быть при строительстве нового общества с его совершенно иными пропорциями материального производства, чем те, которые остались нам от старого строя.

Здесь мы вновь возвращаемся к скрытому смыслу «Заметок» т. Бухарина, заключающемуся в борьбе против принятого партией курса на ломку старых хозяйственных отношений, унаследованных нами от прошлого.

III.

Говоря о резервах, тов. Бухарин совершенно неправильно подменяет понятие «резерва» понятием «**товарного запаса вообще**». Между тем это далеко не одно и то же.

Директива XV партийного с'езда по вопросу о резервах гласит следующее:

«В связи с последними обстоятельствами (а именно: «с обострением отношений между капиталистическим миром и СССР, а также возможностью недорода или неурожая».— *С. Б.)* пятилетний план должен отвести крупное место накоплению резервов вообще: натуральных, товарных и валютных. Накопление этих резервов должно быть совершенно необходимой страховкой, оберегающей СССР от крупных колебаний кон'юнктуры международного рынка, возможностей хозяйственной и кредитно-финансовой частичной или общей блокады, неурожая внутри страны, а также и прямого вооруженного нападения на Союз пролетарских республик».

Итак с исчерпывающей ясностью XV партийный с'езд формулирует те цели, для которых предназначаются резервы: резервы выступают перед нами как общественный страховой фонд и притом для следующих случаев: 1. На случай крупных колебаний кон'юнктуры международного рынка. 2. На случай частичной или общей блокады СССР. 3. На случай прямого вооруженного нападения на СССР. 4. На случай недорода или неурожая в СССР.

Из этого отчетливо видно, что XV партийный с'езд главный смысл своей директивы о резервах видел в страховке нашего хозяйства от международных осложнений и от неурожая. Никакого другого истолкования постановления XV партийного с'езда не допускают.

Между тем, как это видно из приведенных выше цитат, тов. Бухарин прямо связывает недостаток резервов с «хвостами» и «очередями», т.-е. отождествляет проблему резервов с проблемой товарного запаса вообще.

Это едва ли правильное понимание директивы XV партс'езда. XV партс'езду не было надобности говорить об этом запасе для целей воспроизводства, потому что без этого запаса невозможно и само воспроизводство. Фабрика останавливается, если у нее нет сырья на складе, магазин закрывается, если в нем нет товаров, железные дороги перестают работать, если определенное количество грузов не находится «на колесах», в состоянии движения от места производства к месту потребления.

Никакое производство немыслимо, если нет запаса в этом смысле. Известная часть общественного продукта всегда должна находиться и находится действительно либо на складах производителя, либо на складах посреднического торгового аппарата (оптового и розничного), либо в состоянии движения на транспорте, либо, наконец, на складах фабрик и заводов, которые данный вид сырья или полуфабриката потребляют. Размер и пропорции нахождения общественного продукта на одной из этих необходимейших стадий общественного процесса воспроизводства (т.-е. либо в стадии производства, либо в столь же необходимой стадии обращения) обусловливаются в пределах данной общественной формации целым рядом обстоятельств: степенью развития путей сообщения, разницей между временем производства и рабочим периодом, характером и сезонностью производственного процесса, общественной его организацией и степенью планового охвата процесса производства и процесса обращения.

Конечно, не об этом запасе говорил XV с'езд, когда давал директивы о резервах. С'езду не было надобности указывать фабрикам, заводам, складам и магазинам на то, чтобы они накопляли резерв сверх того запаса, который необходим для их нормального функционирования. Напротив, тот же самый с'езд дал, как известно, жесткую директиву о всесторонней рационализации процесса производства и обращения. А ведь в состав рационализаторских мероприятий важнейшим звеном входит как раз ликвидация излишних запасов и вообще сведение запасов к техническому минимуму. Следовательно, когда начинают толковать постановление XV с'езда в том смысле, что в нем-де дело идет о запасах вообще, о запасах для целей производства и обращения, то этим хотят приписать XV партийному с'езду совершенно неправильную, в сущности, мысль о необходимости каких-то особых резервов, излишков сверх тех необходимых норм оборотного капитала, которые в каждой отрасли хозяйства обусловлены указанными выше обстоятельствами.

Излишне доказывать, что такое толкование решений XV с'езда неправильно. С'езд ясно и точно говорит о резервах на случай войны, блокады, неурожая и стихийных бедствий. Он говорит о тех резервах, которые Маркс называл общественным страховым фондом, а вовсе не о запасах вообще. Приписывать такую мысль XV партс'езду нельзя.

Слов нет, состояние наших товарных запасов далеко еще от совершенства и не в том пожалуй смысле, что мы имеем недостаточные запасы. Величина общественного товарного запаса в немалой степени зависит, как мы видели, от характера его организации. При вполне плановой организации производства и снабжения общественный товарный запас может быть вообще сведен к техническому минимуму, размер которого в каждый данный момент будет определяться высотой нашей «техники» в этом деле.

Один и тот же размер товарного запаса может выглядеть как недостаточный при одной высоте его организации и может оказаться достаточным и даже чрезмерным при другой более совершенной организации дела. Тов. Бухарину кажется, что «очереди» и «хвосты» суть следствия недостаточности «резервов» [1]). Партия, напротив, считает, что в огромной степени «очереди» и «хвосты» суть следствия недостаточной организации дела распределения. Мобилизуя партийное внимание на этом важном участке хозяйственного фронта решительно реорганизуя систему распределения, дифференцируя ее по классовому признаку, партия добивается серьезных успехов в деле борьбы с «очередями», на деле доказывая относительность понятия о «необходимых» размерах товарного запаса. Таким образом установка партии насквозь действенная, боевая, в то время, как подход т. Бухарина носит на себе черты пассивной приспособляемости, преклонения перед стихийными, «об'ективно» и независимо будто бы от нашей воли складывающимися пропорциями и отношениями.

Совершенно неправильно представляет себе, далее, т. Бухарин соотношение между проблемой резервов и проблемой товарного голода. В «Заметках экономиста» он высказывает мысль о том, что образование резервов есть путь к смягчению товарного голода.

«Вопрос о резервах, пишет т. Бухарин, стоит в ближайшей связи с вопросом о производственном потреблении (в том числе и в капитальном строительстве) и с вопросом о личном потреблении (личном потреблении масс). Общеизвестно, что здесь у нас струна натянута крайне туго. Натягивать ее дальше, еще более обострять товарный голод, невозможно. Острота товарного голода должна быть решительно смягчена и притом не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы. Первые шаги в этом направлении нужно сделать теперь же».

Трудно понять, в каком именно смысле связывает т. Бухарин проблему резервов с вопросом о товарном голоде.

Если т. Бухарин понимает резервы в смысле товарного запаса вообще, то непонятно — причем здесь противопоставление личного потребления про-

---

[1]) Под которыми тов. Бухарин совершенно неправильно имеет в виду собственно товарный запас.

изводственному? Производственное потребление, например, капитальное строительство, как это известно каждому младенцу, не в меньшей степени нуждается в товарном запасе, чем личное потребление. Известный запас цемента и кирпича является столь же необходимым условием общественного воспроизводства, как и запас хлеба и мануфактуры.

Следовательно, о запасах для целей капитального строительства нужно говорить с не меньшей (с большей!) резкостью и силой, чем о запасах для целей личного потребления. Между тем т. Бухарин весь центр тяжести товарного голода переносит в личное потребление, накладывая тем самым лишний характерный штрих на свою общую концепцию протеста против партийной политики, развивающей, как известно, производство средств производства гораздо более усиленным темпом, чем производство предметов потребления.

Если же т. Бухарин понимает под резервами не товарный запас вообще, а общественный страховой фонд, то тогда совершенно непонятно, каким образом он представляет себе смягчение товарного голода в результате образования резервов. Дело в том, что образование резервов в указанном смысле не смягчает, а обостряет товарный голод.

Общественный страховой фонд (резерв в собственном смысле слова на случай войны, неурожая, стихийных бедствий) не может быть образован ниоткуда, иначе, как только из текущего производительного или личного потребления общества.

Известная часть народно-хозяйственной продукции в ее натуральном (хлеб) или превращенном виде (валюта, золото) изымается из текущего производственного или личного потребления и обращается в неподвижный «неприкосновенный» запас. Общественный страховой фонд тем именно и отличается от товарного запаса, что он не участвует в процессе общественного воспроизводства, а из'ят из него. Следовательно, в той самой мере, в какой увеличивается общественный страховой фонд — в той самой мере сокращается и уменьшается фонд текущего потребления (производственного и личного). Усиленное образование резервных страховых фондов означает поэтому в известных пределах обострение, а не смягчение товарного голода. Очень хорошо в свое время отметил это обстоятельство т. Рыков в своем докладе ленинградскому активу о ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б).

Таким образом, как бы ни понимал резервы т. Бухарин во всех случаях его постановка выражает одну и ту же мысль. Тов Бухарин понимает товарный голод исключительно под углом потребительского спроса и притом, как мы видели выше, главным образом крестьянского.

Следствием этого является плохо скрытое раздражение против генеральной линии партии, находящее себе выход в смутном требовании как общего сокращения капитальных вложений, так и направления, их, главным образом, по линии легкой промышленности.

Как ставит партия проблему резервов и товарного голода? Партия рассматривает явления товарного голода, как неустранимое, до известной степени, следствие перехода от одной системы материального производства к другой. Переход от старых пропорций и соотношений в материальном производстве к новым пропорциям и соотношениям, соответствующим социалистической организации общества, не может быть произведен без огромного напряжения всех наших сил и ресурсов.

С этой точки зрения товарный голод представляет собой во всех отношениях временное явление. Как только начатая партией политика по созданию нового материального базиса для социалистических производственных отношений даст первые серьезные результаты, острота товарного голода,

несомненно, должна смягчиться и, наконец, совершенно исчезнуть на основе новых социалистических пропорций и соотношений в нашем материальном производстве.

Само собой разумеется, что при этом дело идет именно о товарном голоде, т.-е. о том, который соотносителен платежеспособному спросу на товары. Что касается отношения между производством и потреблением вообще, то совершенно очевидно, что расхождение между ними останется и при социализме. Производство непрерывно будет порождать новые потребности, новые потребности будут всегда направлять производство. Это диалектическое соотношение между производством и потреблением, превосходно вскрытое Марксом в знаменитом «Введении к критике и т. д.» ничего общего не имеет с той особой проблемой товарного голода, которая специфически характеризует наши затруднения. Эта проблема вытекает, как мы видили, не из потребностей «вообще», а из классово и исторически определенных потребностей социалистического строительства.

Не что-нибудь, а именно логика социалистического строительства заставляет нас направлять все наши силы и средства на развертывание тяжелой промышленности со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно, превышением платежеспособного спроса над предложением, товарным голодом.

Товарный голод можно немедленно изжить лишь ценой отказа от строительства тяжелой промышленности и от монополии внешней торговли. Но эта цена, как понятно, без долгих раз'яснений, есть цена отказа от социалистического строительства.

Перейти от капитализма к социализму, не пройдя через временный этап товарного голода нельзя. Это было бы утопией и притом самого худшего маниловского типа.

Повторяем, партия смотрит на товарный голод, как на нечто, подлежащее изжитию и изживаемое. Основной метод его преодоления она видит в изменении производственной структуры страны, в приспособлении ее к изменившимся социальным отношениям, т.-е. другими словами, в социалистическом преобразования нашего хозяйства. С другой стороны, партия ни на одну минуту не может забыть, что понятие товарного голода есть понятие в высшей степени относительное. Один и тот же размер товарного запаса, как мы видели, может оказаться и недостаточным и достаточным в зависимости от его организации. Отсюда внимание партии к вопросам плановой организации производства и обращения, к вопросам снабжения и распределения.

Наконец, в тех редких случаях, когда может итти речь о действительной ограниченности товарного запаса в стране (некоторые сферы продовольствия) партия на ряду с производственной переделкой соответствующего «узкого» места берет решительный курс не на распыление данного запаса между всеми потребителями, а на сосредоточение его на решающих важнейших участках социалистического строительства (например, снабжение, главным образом, пролетариата), чтобы, тем самым, скорее достигнуть решающего, конечного результата.

Правильность партийной политики в этом вопросе вполне подтверждается наметками контрольных цифр на будущий год. Несмотря на то, что капитальные вложения в основные фонды на будущий 1929/30 год достигают гигантской цифры в 14.490 млн. руб. против 8.684 млн. рублей прошлого года, общие размеры товарного запаса в стране, вопреки мнению т. Бухарина, не только не сокращаются, а, наоборот, возрастают.

Оборотные фонды промышленности, в ценах соответствующего года, возрастают более чем на 300 млн. руб., оборотные фонды торговых и кооперативных организаций увеличиваются более чем на 600 млн. рублей. В общем, оборотные фонды всего народного хозяйства должны подняться к концу 1929/30 года с 16.764 млн. в настоящее время до 18.721 млн. рублей, т.-е. возрасти на 11,7%.

Если мы учтем, что всесоюзный оптовый индекс должен понизиться в будущем году на 5,3 пункта, а общеторговый розничный индекс на 6,3 пункта, мы получим представление о том большом и серьезном сдвиге, который должен наступить в общих размерах товарного запаса на будущий год.

Эта картина целиком подтверждается состоянием товарных балансов по важнейшим группам товаров. При всей относительности балансовых расчетов мы все же не можем пройти мимо того факта, что балансы всех важнейших товаров показывают серьезное улучшение в будущем году.

Так по группе строительных материалов, которая служила, как известно, «материалом» для целого ряда «построений» т. Бухарина, мы имеем следующее положение.

Процент неудовлетворенной потребности в кирпиче по всем видам строительства, включая и частное строительство, упал с 19% в 1927/28 г. до 11% в 1928/29 г. и должен упасть до 7% в 1929/30 г. По круглому лесу соответствующие цифры равняются 7%, 3% и 2%, по оконному стеклу — 28%, 20% и 10%.

Продолжает оставаться серьезным положение с цементом и кровельным железом. Несмотря на большой (по цементу на 53%) прирост продукции, крупные решающие сдвиги в этих отраслях производства, требующих для своего расширения больших капитальных вложений, могут произойти, повидимому, лишь на 3-м, 4-м году пятилетия.

Улучшается несколько положение с топливным балансом страны. Запас всех видов топлива на конец 1929/30 года должен составить 104 млн. тонн условного топлива, против 88 млн. тонн в настоящее время. В месячном расчете это будет составлять 4,78 месяца запаса против 3,95 месяцев в настоящее время.

Переходя к сырью сельскохозяйственного происхождения, следует отметить, что за исключением хлопка и кожсырья, все остальные виды сырья (лен, волокно, пенька, шерсть грубая, шерсть полугрубая, шерсть тонкая) дают сильный рост запасов у промышленности в конце 1929/30 года против настоящего времени.

В области продовольственных продуктов положение с товарными запасами в предстоящем году не ухудшается, а улучшается. Так видимые запасы мяса и сала к концу года исчисляются: в 1927/28 г. в 40 тыс. тонн, в 1928/29 году в 100 тыс. тонн, в 1929/30 году в 150 тыс. тонн. Видимые запасы коровьего масла на конец года составляют: в 1927/28 году 11,9 тыс. тонн, в 1928/29 г.—15 тыс. тонн, в 1929/30 г.—18 тыс. тонн.

Из приведенных примеров видно, что быстрый рост продукции, сопровождающийся плановой и классово направленной организацией распределения, может разрешить (и действительно разрешает) проблему товарного запаса даже в условиях серьезного обострения положения. Второй год пятилетия, знаменующий собою огромный шаг вперед на пути социалистической перестройки нашего хозяйства, означает в то же время, как мы видим, серьезное улучшение и наших товарных балансов.

Переходя к проблеме собственно резервов, следует сказать, что и в этом отношении партийная политика реально разрешает задачу, над которой бесплодно бьется мысль тов. Бухарина.

В предстоящем 1929/30 году партия впервые разрешает задачу создания крупного хлебного резерва в 0,8 млн. тонн, не говоря уже о намеченной на все пятилетие политике создания валютных резервов, продолжающейся и в наступающем году.

Запроектированные в обоих областях успехи окажутся возможными только потому, что партия не пошла по пути «Заметок» т. Бухарина и настойчиво продолжала политику мобилизации всех сил на преодоление первых трудностей социалистического строительства.

Боязнь и паника перед этими трудностями, скрытое опасение быстрого движения вперед, мечта о «неспешных» темпах и борьба за старые пропорции характеризуют, к сожалению, позицию тов. Бухарина.

С. Лейкин.

Против оппортунизма в работе МТС [1]).

Недавно некий Писарев—правый оппортунист, исключенный из партии за пропаганду взглядов, несовместимых с большевизмом,—прислал письмо тов. Маркевичу [2]), где он воспевает идею межселенных машинотракторных станций, резко противоставляя ее всей политике партии на селе.

Оппортунист Писарев не только воспевает идею машинотракторных станций и не в этом его грех: он считает, что труды т. Маркевича (речь идет о его книге «Межселенные машинотракторные станции») «дают возможность освободить рабочий класс и селянство от утопической (!) политики ВКП(б), которая блуждает во всех вопросах (!) нашего строительства как промышленности, так и сельского хозяйства»... «Конечно, блуждают не все—продолжает гениально развязный Писарев, явно намекая на себя и ему подобных оппортунистических стратегов, «... но большинство партии».

Тов. Маркевич отмежевался от Писарева, отказался от навязываемого ему стремления «освободить рабочий класс и селянство от утопической политики ВКП(б)». Заявляя о своем согласии с генеральной линией партии, т. Маркевич вполне справедливо отмечает, что сама идея машинотракторных станций ничего общего не имеет с установкой правой оппозиции, так как эта идея является выражением тех новых производственных форм смычки рабочего класса с трудящимся крестьянством, значение которых как раз не понимают правые уклонисты.

Идея машинотракторной станции родилась в живом творчестве масс нашей революции и отражает их стремление ускорить начатый в Октябре процесс формирования социалистической деревни.

Огромное значение машинотракторных станций заключается в том, что они, с одной стороны, толкают обслуживаемые ими крестьянские хозяйства на путь коллективизации, а с другой—под развернувшийся по селам массовый процесс создания коллективных форм хозяйствования — подводят железную энергетическую базу. Они сочетают, в интересах социализма, принцип коллективизма и индустриализации и гигантскими шагами ускоряют дело перевода миллионов мелких частнособственнических крестьянских хозяйств на рельсы крупного, общественного, современного с.-х. производства.

Деятели правой оппозиции, запуганные активностью классовых врагов, не верящие в творческие силы, разбуженные революцией, мешают и будут стараться мешать тому широкому плану строительства машинотракторных станций, который наметила наша партия на XVI всесоюзной конференции. Но среди них имеются элементы, как это видно по поведению Писарева,

---

[1]) Редакция отмечает, что некоторые моменты статьи тов. Лейкина подлежат дальнейшему обсуждению.

[2]) См. «Правду» от 5 сент. 1929, № 204.

которые будут формально, словесно «соглашаться» с отдельными социалистическими мероприятиями партии, даже такими, как строительство машинотракторных станций, чтобы на деле на практике их срывать. Наша действительность полна такого сорта «двойной бухгалтерии» со стороны оппортунистов.

Надо сказать прямо: «теория», в особенности «практика» тов. Маркевича—бывш. руководителя Шевченковского совхоза и теперешнего зам. нач. центра тракторных станций, дает повод кое-кому из оппортунистов опошлять крупный последовательно-социалистический опыт машинотракторных станций и противопоставлять их коллективизации. Как известно, тов. Маркевич защищает в своей книге идею охвата машинотракторными станциями всех социальных слоев крестьянства. Он является сторонником межселенных станций, т.-е. сплошной массовой тракторизации целых сел. Сама идея эта не противоречит линии партии, а находится в согласии с ней. Однако, защита и реализация этой идеи тов. Маркевичем не может никак удовлетворить партию, т. к. она отдает духом того оппортунизма, против чего на словах восстает тов. Маркевич в своем ответе Писареву.

Идея межселенной машинотракторной станции родилась в совхозе им. Шевченко, на Одесщине. Этот совхоз первый в Советском Союзе организовал тракторные колонны, которые начали не только техническую революцию в способах сельскохозяйственного производства, но и открыли новые перспективы в деле социальной реконструкции деревни. Совхоз Шевченко одержал такие крупные победы в деле социалистического переустройства, села, что пора кому-нибудь, подобно Гарвуду, написать специальное сказание об его успехах. Но самый лучший инструмент,—говорят,—перестает действовать, если его дать в руки плохому мастеру. Значение огромного исторического мероприятия совхоза им. Шевченко, который нашел очень понятные и доступные крестьянской психологии формы обобществления полеводства, может быть подорвано, если во-время не будет положен конец всяким попыткам низвести на ступень деляческого предприятия.

А подобные попытки имеют место,—и грозят они не только «чести мундира» совхоза Шевченко. Машинотракторная станция Шевченковского совхоза есть, по сути дела, тот рисунок, по которому будут строить новые сотни машинотракторных станций, и допущенные в ее работе ошибки могут стать ошибками большого всесоюзного социалистического мероприятия. Это обязывает нас вдвойне отвлечься от сентиментальных соображений и вскрыть все оппортунистические ошибки, получившие развитие благодаря неблагодарной инициативе тов. Маркевича. Это надо сделать, тем паче, поскольку мы ставим своей задачей не дискредитировать работу совхоза, а лишь показать, если можно так выразиться, «пятна на солнце».

Писарев ухватился за Маркевича потому, что в идее машинотракторных станций он увидел отказ от политики революционной, классовой борьбы в деревне, отказ от политики революционного выкорчевывания корней капитализма. Писареву кажется, что машинотракторные станции перестраивают деревню «не через администрированную, революционно-заостренную борьбу за колективизацию, что ведет сельское хозяйство к деградации производительных сил села, а через эволюционный путь со всем селянством, потому что оно является основным базисом общества» [1]).

---

[1]) См. «Правду» от 5 сент. 1929 г., № 204.

К вопросу о роли о поведении кулака в селах, охваченных машинотракторными станциями, мы вернемся ниже, здесь же мы хотим отметить одно обстоятельство, что работники станции при совхозе Шевченко не далеко ушли от доморещенной писаревской теории «эволюционного пути к социализму». Они создали не ленинскую теорию, будто кулака можно мирно и безболезненно, как они выражаются, «экономически подрезать без всякой борьбы и треволнений, в связи с чем необходимо стремиться всеми мерами вовлечь кулака под влияние станции». Мне пришлось бывать не раз на станции и беседовать с ее работниками по этому поводу. Все они повторяли рассуждение: «раз появился на полях трактор, то победа социализма обеспечена наверняка и думать о проведении классовой линии нет никакой нужды».

Помощник тов. Маркевича, тов. Бабенко на мой вопрос: когда станция начнет наступать на кулака, хотя бы отделять его от других социальных групп при взимании платы за обработку земли, ответил буквально следующее: «Этого вопроса (т.-е. вопроса о классовой линии. *С. Л.*) нельзя и подымать»... Ссылки на разговоры,—это могут сказать, не аргумент: «человек не точно выразился», «вы быть может его не поняли», или извратили. Поэтому не лишне рассказать про дела и практику Шевченковской станции.

1. Согласно договора, заключенного с 53 селами, машинотракторная станция берется выполнять все работы по полеводству у всех крестьян на одинаковых условиях, точнее: за одинаковый размер доли собранного урожая. Петровская и Т.-Березинская кооперативные станции несколько серьезнее подошли к директивам партии и установили классовый принцип расчета: у них беднота платит после уборки урожая, середняки вносят вперед лишь 50% того, что с них следует, а с кулаков плата взимается вперед. Как видим, в этом вопросе Шевченковской станцией соблюдается принцип «социального равенства» и кулак уравнен в льготах с бедняком.

2. Шевченковская станция не интересуется совершенно социальным составом обслуживаемой клиентуры. В течение 3-х лет не ведется никакого учета обслуживаемых хозяйств. Никто не знает, сколько станция обрабатывает земли у кулаков, у зажиточных, у бедняков и т. д.

«Більшовик України», № 13, за 1929 год, обвиняя руководителей станции в том, что они допускают отдельные искривления классовой линии, указывает также и на эту ненормальность, выражающуюся, по его словам, в не изучении социального состава обслуживаемых земобществ (буквально: «у невивченні-соціяльного складу обслугованих земгрод»).

Отказ от изучения социального облика охваченных станцией сел, вообще ненормальное и странное явление для советского хозяйства, тем паче для станции, которая занимается реализацией плана социалистической переделки индивидуальных хозяйств. При таком положении вещей станция не может следить ни за правильным направлением отпускаемых ею кредитов, ни за составом правлений механизированных земобществ и т. д. и т. п.

3. Тот же «Більшовик України» обвиняет машинотракторную станцию в том, что она не выполнила постановления Экономического совещания при СНК УССР, от 13 марта 1929 года, о соблюдении строгой классовой линии в работе. Вначале приведем дословный текст этого постановления:

«Признать целесообразным охват машинотракторными станциями целых земельных обществ, допуская в их организации и кулацкие хозяйства, обязательно соблюдая при этом в отношении их жесткую классовую линию, путем увеличения платы за обработку земли, взимания увеличенных авансов, мобилизации их средств, сокращения кредитов и другими мерами, которые применяются к кулацким хозяйствам».

Мы утверждаем, что ни одну из этих многочисленных директив Шевченковская станция не выполнила. Как показывают многочисленные наблюдения, в погоне за большим охватом кулацких хозяйств, станция шла кулакам на такие уступки, которые явно нарушали это постановление УЭС'а. Как утверждает уже цитированный нами «Більшовик України», искривления классовой линии совхозом им. Шевченко выражались «в авансировании земельных обществ, не диференцирующих условий, соответственно социального состава земельных обществ»... Это значит, что Шевченковской станцией авансировались кулаки за счет государственных кредитов.

4. Нам известен другой, не менее яркий случай искривления классовой линии. Рядом со станцией расположено 2 села бедняцкое—Онорьевка, другое с значительным кулацким влиянием—Нейково.

Во время весенней посевной кампании 1929 года, когда из-за ограниченности средств перед машинотракторной станцией совхоза Шевченко стала дилемма с каким из 2-х сел заключить договор, то станция пошла на заключение договора с богатым селом Нейково, оставив бедную Онорьевку без обслуживания. При этом надо заметить, что онорьевцы готовы бы итти на длительное заключение договора, в то время, как в Нейково только часть села приняла условия типового договора, а зажиточные, которые станция особенно энергично привлекала, добились, чтобы станция заключила с ними временное, не практикуемое ею соглашение о поднятии черных паров.

Видный нейковский кулак Гейер, располагающий 13 головами скота, несколькими парами лошадей, виноградным хозяйством, в течение 2-х лет ведет активную борьбу против тракторных колонн. Сейчас этот Гейер пользуется каждым промахом станции, чтобы ее опорочить. Он тоже «согласился», чтобы на его участке были подняты пары. О заключенном договоре Гейер выразился так: почему бы нам не использовать на время богатый совхоз. Хозяевами ведь мы остаемся...

Этот факт был опубликован летом 1929 года в «Черноморьской комуне» (бывш. «Одесские Известия») и не был до сих пор опровергнут администрацией станции.

5. В постановлении Экономического совещания при СНК Украины, машинотракторным станциям дается директива приступить к мобилизации крестьянских средств, в частности, средств кулачества. Это есть уточнение одной из директив ЦК ВКП(б) по докладу Сев.-Кавказского крайкома, что кулака можно принять в мощный колхоз, при условии его экономического и политического разоружения: передача им орудий и средств производства в колхоз и лишение права быть избранным в руководящие органы коллектива.

Директива о мобилизации крестьянских средств специально подчеркивается и в постановлении СТО о создании всесоюзного центра машинотракторных станций. Шевченковская станция не занялась по сей день мобилизацией крестьянских средств, оставив у зажиточных целиком инвентарь, орудия производства, которые они продолжают использовывать для эксплоатации, накопления и естественно для борьбы за свое влияние на бедную часть села.

6. В договоре, заключаемом с земельным обществом, отсутствует пункт, обязывающий крестьян сдавать хотя бы часть хлеба государству. § 11 договора гласит:

«Часть урожая зерна, принадлежащая крестьянам, а также вся солома и полова распределяются между отдельными дворами, пропорционально земельным наделам, числящимся за каждым двором».

Вот и все, что сказано по такому кардинальному вопросу. Тов. Маркевич этот факт сам подтверждает:

«Шевченковская станция в своих рассчетах с крестьянством, как было указано, ограничивается получением из-под молотилки лишь причитающейся ей части урожая. Получение остальной товарной продукции, остающейся у крестьян после расчета со станцией подлежит заботам хлебозаготовительных органов в общем порядке». (Стр. 187 его книги).

Правда, в районе работы станции много посевов законтрактовано, но разве помимо контрактации станция не может обязать, чтобы известная часть хлеба пошла обязательно в руки государства? Ведь партия развертывает массовое строительство машинотракторных станций также и потому, что эти станции должны играть роль важного регулирования накопления хлебных ресурсов в руках пролетарского государства. Могли же кооперативные станции, в том же Одесском округе, обязать по договорам крестьян продавать хлеб не частнику, а кооперации? Петровская и Т.-Березанская станции установили такой порядок: каждый крестьянин, у которого станция обрабатывала землю, обязан 50% всех зерновых культур и 80% технических слать кооперации

Почему не могла завести такой порядок станция совхоза им. Шевченко?

7. Шевченковская станция не всегда подчеркивает социалистический характер своего мероприятия (хотя в договоре такой пункт имеется). Договоры с селами заключались, примерно, так: приезжал представитель станции в село, говорил об отсталости сельского хозяйства, о преимуществах тракторной обработки, демонстрировал на примерах выгодность условий и обещал, что все сделает, все даст сама станция, а крестьянам ни о чем не следует беспокоиться. Во время кампании заключения договоров не всегда подчеркивалось, что здесь, по сути дела, двухстороннее обязательство: станция выполняет по-новому технические процессы, приближает селу к коллективизации, а крестьянство должно организоваться немедленно в колхоз и взяться за переход к нового типа отношениям, мобилизовать средства, углублять работу станции в других отраслях хозяйства и т. д.

В Шевченковском совхозе этой очень важной стороной не интересуется, обобществленные села между собою не об'единены, производственные совещания ни разу не собирались,—словом отсутствует серьезная политическая, массовая работа.

Неудивительно, что часть крестьянства смотрит на работу Шевченковской станции, как на новый вид государственной аренды 3 апреля 1929 года состоялось общее собрание селян хутора Кривая Пища, Гуляевского сельсовета, Березовского района. На этом собрании был заслушан доклад о работе тракторных колонн и вынесено постановление: сдать землю всех крестьян хутора в аренду совхозу им. Шевченко... —

Об'ективно такое понимание сущности мероприятия Шевченковской станции дает повод кулакам вести агитацию, что станцией будто бы вводится новая «панщина».

Уступки кулаку Шевченковской станцией, таким образом, свелись: к установлению одинаковых с беднотой условий расчета за обработку

всех полевых работ, и к предоставлению кулаку возможности пользоваться частью государственных кредитов и высокосортными семенами советского хозяйства; к маневрированию оставленным в хозяйстве инвентарем для эксплоатации тех хозяйств, которые еще не перешли на тракторную работу (такие факты имеют место и установлены специальной комиссией Одесского ОПК, под руководством тов. Подкаминского); к предоставлению кулаку права входить в руководящие органы машинизированных сел и вводить в них подкулачников, которые занимаются там разложением трудовой дисциплины и дезорганизацией работы и права, в известной мере, свободно, маневрировать увеличенными, благодаря высокой технике, хлебными запасами.

Недавно «Правда» [1]) писала:

«История каждой станции (речь идет о машинотракторных станциях) воспроизводит в деталях всю, еще далеко не законченную эпопею борьбы с кулачеством, эпопею не менее героическую, чем многие яркие эпизоды гражданской войны...»

«Зазывающей» и компромиссной тактике тов. Маркевича кулачество противопоставило активность и враждебность редкую по своей остроте даже в реконструктивный период, в эпоху обостренных классовых боев за социалистическое хозяйство в деревне.

Постараемся кратко рассказать о тактике кулака, которой он ответил на примиренческую линию Шевченковской станции.

Разумеется, различные социальные слои села относились и относятся по разному к начинанию станции. Беднота в массе своей быстро стала союзником новых методов, пропагандируемых станцией. Середняк некоторое время колебался (а местами еще и посейчас продолжает колебаться), но кулак сразу занял враждебную позицию и переход к массовой тракторизации совершался, и сопровождается по сей день, обостренной классовой борьбой.

Беднота словами резолюций своих собраний так оценивала работу станции

«... Заслушав доклад об обработке земли тракторной колонной Тараса-Шевченского совхоза, единогласно постановили, что это очень выгодный выход для бедняцкого населения и что только этим путем можно перейти к более культурной обработке земли. Только это даст возможность стать на путь социализма (поселок Войково).

Иначе отнеслись к этому делу кулаки.

Мы уже упоминали село Нейково. В нем чрезвычайно резко классовое расслоение. 138 хозяйств делятся на 26 бедняцких, 69 середняцких и 43 кулацких.

В селе насчитывается 67 лишенцев.

В 1927 г. в Нейково приехал представитель совхоза и предложил заключить договор со станцией. Убедить собрание сразу не удалось и работники совхоза начали наезжать на Нейково все чаще и чаще. Кулаки энергично противодействовали, резко выступали против общественной обработки: «Мы, всю жизнь сами на своих землях в своем хозяйстве работали,—говорили они,—а тут вдруг нам предлагают перейти на положение батраков». Когда эти аргументы на бедноту перестали действовать, была пущена провокация, что совхоз собирается «отобрать у всех крестьян землю».

Церковь не замедлила притти кулакам на помощь. В молитвенном доме пастор держал проповедь, утверждая, что «сам бог велел каждому немцу вести свое хозяйство отдельно, врозь...».

[1]) 5/IX-29 г.

А когда беднота, оставшаяся под влиянием недорода без хлеба и тягловой силы, начала склоняться к предложению совхоза, кулаки решили прибегнуть к прямой дискредитации обещаний совхоза. Они пустили слух, будто совхоз, вопреки своим обязательствам, забрал у крестьян хутора Шевченко (у которого он обрабатывал землю) весь урожай. Тогда на сходе было решено послать специальных делегатов в хутор Шевченко для проверки этого факта. Делегаты побывали на хуторе, убедились в клеветнических измышлениях кулаков и вернулись в Нейково горячими поклонниками тракторной обработки. После доклада делегации, со станцией был заключен договор 50 хозяйствами, среди которых было 34 бедняцких и 16 середняцких.

То, что было в Нейково не является случайным или изолированным событием. В разной форме это повторилось и имело место повсюду в районе станции [1]).

К каким результатам приводит политика станции с целью охвата «всего селянства», показывает история машинизированного колхоза «Стежка Ільіча» в болгарском селе Балайчук. Газета «Червоний Степ у Балайчуці» (№ 1, от 3 августа, 1929 г.) пишет, что «У Балайчуцьких ТСОЗ'ах засіла куркульня», которая разложила в конец их работу. Это наглядно рисует письмо одного селькора, в том же номере газеты, под названием «Геть їх з ТСОЗ'у».

«Еще с начала организации товарищества по общественной обработке земли «Стежка Ільіча» началась кулацкая работа. Просто можно сказать, что кое-кто вступил для того в ТСОЗ, чтобы не дать ему развиваться и свести на-нет его достижения. Кулаки принимали всякие меры, распространяли провокационные слухи. Очень уж им не по нраву машинотракторная станция. Вот, например, какой слух пустили кулаки:

— Америка уже не обрабатывает землю тракторами, так как она убедилась, что тракторы своими ядами отравляют землю, и потому в Америке начинают обрабатывать землю при помощи коней. Машинотракторная станция своими тракторами доведет нас до того, что земля перестанет рожать.

— А поэтому,—продолжали кулаки свою провокационную агитацию,—отдайте нам кредиты, мы купим коней и лучше поможем вам, нежели машинотракторная станция.

Слышите, куда гнет кулачество? Оно снова хочет господствовать над беднотою, эксплоатировать их с помощью бедняцких кредитов.

Как это ни странно, кулацкая агитация имеет некоторый успех у бедноты. 35 дворов подали заявление о своем выходе из коллектива. Трудовая дисциплина некудышна, среди членов ТСОЗ'а частые ссоры—доходят до драк. Замечаются часто невыходы на работу. Везде, в других ТСОЗ'ах работают обычно два трактора с 4 горбами, а в Балайчуке этого правила не придерживаются. Отношение к машинам скверное, нигде нет столько поломок машин, как в Балайчуке. Распоряжения агрономов не выполняют.

Недавно группа членов ТСОЗ'а своевольно бросила косить овес, ссылаясь на то, что он зеленый, а между прочим овес был спелый и вполне созрел для косьбы. Чья же это рука довела ТСОЗ до такого состояния? Вот они кулацкие вредители: Сирота А., Черномаз, Коньязин и др.

Долой из ТСОЗ'а, ибо, пока они там, ТСОЗ на ноги не станет».

Письмо селькора настолько красочно развенчивает курс станции на «мирное экономическое подрезывание кулака», что нет никакой нужды комментировать его. Сообщению селькора нельзя не верить, так как редакция газеты «Червоний Степ» специально расследовала положение вещей в колхозах Балайчука.

Выездная редакция газеты «Чорноморьска коммуна на селі» в районе другой машинотракторной станции (в Телигуло-Берзанском) собрала богатейший материал, который также показывает, что классовая борьба вокруг работы тракторных станций принимает весьма обостренные формы, перерастая из активной пропаганды кулаков против социализма в бешеные контр-атаки их, в прямое вредительство.

Тому, что «Чорноморська комуна» назвала «священным походом кулака против коллективизации», начинает расти встречная волна отпора со стороны низов колхозников. По данным обследования Наркомзема Украины, несколько машинизированных т-в по своей собственной инициативе исключили 21 кулацких вредителя и дезорганизатора.

Березовский райпартком в ряде сел, охваченных станцией, развернул активное наступление на кулачество и поднял массы бедноты и середнячества на борьбу с ним. Однако эта активность масс, начавшая проявляться в последнее время, не смогла парализовать того вреда, который выразился в частичном срыве плана массового вовлечения середняка на договорные отношения с Шевченковской станцией.

В своей книге т. Маркевич пишет:

«В истории развития коллективных форм мы впервые имеем случаи масссового перехода целых сел на общественное производство. Не одно село, а десятки близлежащих сел в течение года уничтожили вековые межи отдельных дворов... В районе Шевченковского совхоза можно проехать десятки километров, не встретив мозаики крестьянских индивидуальных посевов... Это обстоятельство нельзя не переоценить» и т. д. (стр. 245).

К сожалению, то, о чем пишет Маркевич—это картина будущего, а не настоящего. Пора сказать, что история о сплошном переходе целых сел на общественную тракторную обработку является наполовину легендой и притом вредной, ибо она замазывает истинное положение вещей.

15 сентября 1929 года инструктор совхоза Шевченко, тов. Гаврилов, прислал мне список 42-х сел, обслуживаемых станцией, с указанием какая часть хозяйств охвачена договорами со станцией.

Оказывается, целиком ликвидировали свои индивидуальные наделы и перешли на общественное производство только 18 сел, при чем большинство из них—это переселенческие хутора и не типичные и не решающие для украинского села, еврейские колонии.

Вот какие села и с каким количеством дворов целиком перешли на общественно-тракторную обработку:

Войково	14 дворов	Нейлебен . . .	27 дворов
Владимировка .	15 „	Ново-Андреевка	24 „
Гринфельд . . .	28 „	Тартькой . . .	47 „
Калинин . . .	26 „	Ульяновка . .	26 „
Косовка	27 „	Красный Хут. .	33 „
Комзетовка . .	59 „	Шевченко . . .	16 „
Нейфельд . . .	40 „	Черн. боговица	21 „

Из более крупных, целиком охвачено четыре села. В остальных охвачена лишь часть хозяйства местами незначительная:

Вот цифры:

Бернардовка	из 176	дворов	перешло	44	или	25%
Виноградовка .	„ 60	„	„	35	„	58,33
Завадовка . .	„ 196	„	„	120	„	61,224
Марино	„ 241	„	„	104	„	43,153
Красный путь .	„ 255	„	„	165	„	62,25
Чигрин	„ 63	„	„	21	„	33,53
Яковлевка . .	„ 217	„	„	135	„	62,21
Балайчук . . .	„ 235	„	„	162	„	68,98

Как видим, живая действительность несколько отличается от той «мозаики», которую рисует (не приводя цифр!) читателям в своей книге т. Маркевич... Мы не собираемся замазывать неизбежных трудностей в таком большом деле, но, что значат приведенные выше цифры. А вот что: если благодаря уступчивости и оппортунистической линии Шевченковской станции удалось привлечь небольшой процент кулаков (в Завадовке—0,9, Колосовке — 0,4 и Викторовке — 2,6%), которые, как мы видели выше, занимаются разложением машинизиро-

ванных колхозов, то зато она потеряла большой процент бедняцких и середняцких хозяйств. (Среди 3.090 дворов середняцких одна треть, а их в районе куда больше). Надо быть «ультра-левым» чудаком, чтобы утверждать, что десятки процентов хозяйств в названных выше селах, являются кулацкими. В Т.-Березовском районе процент кулаков по данным Одесского статбюро равняется 4—5%. Значит, остались в стороне от работы тракторных колонн близкие пролетариату слои.

Правда, некоторые середняцкие и даже бедняцкие хозяйства не заключили договоров и по другим причинам: хотят присмотреться, заражены недоверием к машине, предрассудками в отношении коллективизации и пр. Однако наш политический вывод, что кулак, благодаря неумелой, оппортунистической линии станции частично сбил с толку середняка, остается в силе.

Опыт нашей революции показывает, что колебания середняцкого слоя тем легче и быстрее преодолеваются, чем крепче мы опираемся на бедноту и энергичнее наступаем на кулака. Тов. Маркевич, может сказать, что система уступок, руководимого им совхоза имела целью обеспечить сплошную коллективизацию целых сел. Но, во-первых, как мы видели, на сплошную коллективизацию стали преимущественно бедняцкие поселки; во-вторых, сплошная коллективизация предполагает непременное и массовое вовлечение середняка, при полном обезврежении и изоляции кулака; в-третьих, курс на сплошную коллективизацию не означает вовсе отказа от классовой линии партии, отказа от политики наступления на кулачество, намеченной XV с'ездом и XVI партконференцией.

Вместо признания этих бесспорных вещей, тов. Маркевич пытается обосновать оппортунистические искривления в работе Шевченковской станции не серьезными теоретическими упражнениями.

> «От применения той или иной двигательной энергии,—пишет он,—зависит весь строй производства—организация капиталов, территории, труда, соотношение отдельных производственных отраслей, севооборот, оптимальный размер производства, товарность и проч.» (курсив автора *С. Л.*).

Дальше идут рассуждения, что в наших условиях «применение той или иной двигательной энергии» обязательно рождает строй социалистического производства.

В другом месте т. Маркевич пишет:

> «Все коллективные формы производственных об'единений мыслились и мыслятся, как отдельные укрупненные хозяйственные единицы, с собственным источником двигательной энергии, с собственным техническим оборудованием, т.-е. с собственной интегральной усадьбой» (курсив автора, стр. 18 *С. Л.*).

В одном своем выступлении в Одессе, тов. Маркевич еще резче подчеркнул это его понимание особенностей колхозов, заявив что «колхоз—это та же интегральная усадьба, что и крестьянское хозяйство, но в больших размерах».

Тов. Маркевич берет колхозы в статике, с их пока-что несовершенной техникой, и рассматривает их с одной только стороны, с точки зрения того, какой вид двигательной энергии в них применяется. А колхозы, если следовать методу Ленина, следует рассматривать в динамике, диалектически. Если по господствующим приемам труда многие колхозы пока-что далеки от требований современной агрономической культуры, то по типу складывающихся в них общественно-

производственных отношений они являются огромным прыжком вперед и качественное их отличие от обычного крестьянского двора заключается в том, что они закладывают основы обобществления орудий и средств производства, подводят вплотную индивидуальные хозяйства к ликвидации частного владения, ликвидируя этим самым кулацкую аренду и применение наемного труда. Колхозы меняют самую суть сельской экономики, они меняют имущественные отношения, заменяя постепенно частную собственность на средства производства, рождающую «ежедневно и ежечасно капитализм» (Ленин), общественной, артельной, — рождающей социализм.

Этого-то и не приметил т. Маркевич, что и дало повод оппортунисту Писареву ухватиться и противопоставлять машинотракторные станции колхозам как два разнородных пути развития советской деревни, в то время как М. Т. С. должны стать оплотом, основой коллективизации сельского хозяйства.

Тов. Маркевич в своей книге не занимается теоретическими изысканиями, но «энергетические» рассуждения в ней о всемогуществе двигательной энергии, которая определяет собой все и вся, смахивают на прудонистские писания, в которых машина выступает как экономическая категория, наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. п. В письме к Анненкову Маркс писал:

> «Машина представляет экономическую категорию не в большей мере, чем бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, **но способ пользоваться машинами есть нечто совершенно отличное от самих машин».**

Роль машины в условиях диктатуры пролетариата огромна. «Правда» (от 8.IX 1929 г.), перед открытием всесоюзного совещания машинотракторных станций, подчеркивала, что «машинотракторные станции представляют собой продукт социалистического развития классовой борьбы».

Как видим, наша партия рассматривает строительство машинотракторных станций как сложную социально-экономическую, а не только как узко-энергетическую проблему.

То, что проповедует т. Маркевич, есть механическое понимание марксизма. Род и способ производства, куда входит и техника производства, определяют собою производственные отношения, создают тот или иной строй производства, как выражается т. Маркевич; но процесс изменения общественно-производственных отношений не совершается автоматически, независимо от людей, независимо от поведения классов.

> «По материалистическому пониманию истории, говорит Энгельс, определяющим моментом в истории является, в конечном счете производство и воспроизводство действительной жизни. Более того, не утверждали ни Маркс, ни я. Если же кто-нибудь изменяет эту мысль в том направлении, что экономический момент является единственно определяющим, то он превращает утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, абсурдную фразу. Экономическое положение составляет базис, но различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты, воззрения, к которым приходит класс-победитель после победы, и т. д. ...все это оказывает влияние на течение исторической борьбы и, во многих случаях, преимущественно определяет ее форму».

Эта цитата Энгельса дает исчерпывающий ответ и как бы специально написана по вопросу: можно ли сложную проблему социалистической реконструкции села сводить к вопросу о характере применяемой в сельском хозяйстве «той или иной двигательной энергии».

Тов. Маркевич может указать на то, что у нас развитие сельского хозяйства по пути промышленности и массовое применение в нем с.-х. машин, современных двигателей, тракторов не имеет тех препятствий, какие встречаются в капиталистических условиях. У нас нет частной собственности на землю, нет тенденции усиливать противоположность между городом и деревней, нет попыток сохранить политикой разорения дешевые рабочие руки.

Все это верно. Но у нас существуют пять хозяйственных укладов. У нас живут еще классы. У нас идет борьба между ними. У нас еще не снята проблема «кто—кого». Силы аграрного капитализма, сохранившего еще свои позиции в деревне, оказывают бешеное сопротивление нашей политике социалистического наступления.

Появление современной машинной техники и электрической энергии создает предпосылки и ускоряет рождение нового строя производства. Этому содействует сам факт существования у нас диктатуры пролетариата и политики быстрого темпа индустриализации. Однако огромное значение для судеб социализма имеет и то обстоятельство, в какой мере мы будем решительно вытеснять капиталистические элементы.

Трактор в деревне производит революцию в технике сельского хозяйства (и то не всегда—это зависит еще, как им пользуются), но не всегда не при всех случаях укрепляет позиции социализма.

Тов. Маркевичу известен факт, весьма поучительный факт, когда тракторная колонна укрепила не наши, а кулацкие позиции (в с. Сычавке, Одесск. окр.) и окрпартком дал директиву отобрать у Сычавск. сел.-хоз. товарищества тракторную колонну и использовать ее в другом селе, уже в интересах коллективизации, социализма.

Нельзя забывать, что «партия решительно отвергает антиленинскую теорию врастания кулака в социализм, как теорию, ведущую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами». (Из резолюции XVI партконференции).

Партия стоит за «развитие широкой серии государственных, кооперативных машинотракторных станций, как одного из методов обобществления важнейших производственных процессов всей массы индивидуальных хозяйств» (из резолюции XVI партконференции), но не путем политики правых уклонистов, которые стремятся подменить линию партии на усиление наступления на кулака курсом на мирное строительство с кулаком, на «мирное его экономическое подрезывание».

Надо помнить указания XVI партконференции, что «крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам, как враждебная им сила, а смыкается с ними, как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного об'единения их в крупное хозяйство».

Машинотракторные станции играют и будут играть колоссальную роль, именно, как организатор этого содействия, как инструмент перевода бедняцко-середняцких хозяйств на путь обобществленного производства. Но они эту свою роль выполнят и доведут до конца, если они будут решать свои задачи пролетарскими методами, если они в своей работе «и впредь будут неуклонно проводить ленинский лозунг: «Опора на бедноту, прочный союз с середняком, борьба с кулаком» (из резол. XVI партконференции).

Г. Сафаров.

Брайтон.

I. На путях „рационализации“.

На последнем заседании с'езда Английской рабочей партии в Брайтоне было внесено робкое предложение об изменении одного уставного правила, явно сбежавшего из какого-то средневекового музея и нашедшего, конечно, приют под самым сердцем у Макдональда и К°. Согласно этому правилу, после принятия одним из ежегодных с'ездов рабочей партии резолюции по общей политике воспрещается в течение трех лет ставить на обсуждение последующих с'ездов какие-либо предложения этого рода.

Только в классической стране буржуазной респектабельности и рабочей бюрократии можно было дойти до такого уставного идиотизма. И только на с'езде макдональдовской партии можно было отвергнуть предложение расстаться с этой рухлядью хотя бы в 1929 году! Бравый Крэмп на скорую руку растолковал покорному с'езду, что всегда найдутся смутьяны, которым захочется—каждый год!—писать новые общеполитические резолюции, и предложение было провалено. Внесено оно было, кстати сказать, представителем независимой рабочей партии. Мерилом ее бессилия может служить этот пример. Макдональдам нужны средневековые колодки, однако, дело не в их преданности средневековым традициям,—эта преданность, разумеется, неотделима от лакейства. Тем не менее дело все же не в этикете, а в политике. Простая иллюстрация может это пояснить. Недавно была забастовка шоферов и кондукторов автобусов в Лондоне. Само собой понятно, что она была сорвана профсоюзными бюрократами. Но как ее срывали!—Об этом, захлебываясь от восторга, сообщает «Дейли Геральд»:

> «Ни одного явного коммуниста не подпускали к митингу и, если такой не хотел уходить, член Комитета обращался к помощи полиции» [1].

Удивляться тут нечему. Ведь недаром же Бен-Тиллет об'явил конгресс трэд-юнионов в Бельфасте «рационализацией профессионального движения». Буржуазная рационализация рабочего движения даже в самой респектабельной стране не может обойтись без полицейских дубинок, которые, не будучи прямыми носителями абсолютного духа, все же доставляют относительную безопасность трэд-юнионистскому штрейкбрехерству. А капиталистическую рационализацию министры «рабочего» правительства берут всерьез. В том же номере «Дейли Геральд мы можем прочесть заявление Грэхема:

> «События требуют более быстрого прогресса в деле трестификации промышленности, если Великобритания не хочет довольствоваться второстепенной ролью, а народ не хочет мириться с менее комфортабельными условиями жизни, чем те, к которым он может и должен стремиться».

---

[1]) 8 октября 1929.

Спору нет, что трестификация не похожа даже на самую захудалую буржуазно-парламентскую попытку национализации. С'езд в Брайтоне благословил замену старой програмной формулировки конечной цели новой, еще более бессодержательной и совершенно уже «освобожденной» от всякого социалистического содержания. Вместо «общей собственности на средства производства и распределения» теперь красуется:

«наиболее равномерное распределение результатов промышленности, могущее быть существенным (!) на основе общей собственности на средства производства и распределения, при более целесообразной системе народной администрации и контроля за каждой отраслью» [1]).

Субсидирование отставших отраслей английской промышленности, государственная помощь соответствующим группам капиталистов при рационализации и трестификации, развитие и усиление монополий в целях более успешной борьбы на мировом рынке,—вот что поставлено в порядок дня английским империализмом. Это об'являет своей конечной целью английский социал-империализм. Министр торговли «рабочего» правительства вынужден быть более откровенным в этом отношении. И потому Грэхем заявляет: трестификация как выход для всех классов населения. Самые густопсовые консерваторы одобрительно похлопывают по плечу лэйбористов за такую программу социального переустройства.

«Давно уже стало ясно», — пишет солидный трехмесячник капитала «Round Table», — «что проблемы хлопка и угля, железа и стали, кораблестроения неразрешимы без известного административного и законодательного вмешательства правительства, стоящего у власти. Крайнее упорство, с которым многие из старомодных и реакционных директоров держатся в важнейших отраслях, едва ли может быть преодолено без известного принуждения. Предшествующее правительство все время проявляло большую неохоту, когда нужно было применять решительные меры. На самом деле, в вопросах промышленной политики оно придерживалось кобденовских принципов [2]), противоречащих традиционным принципам тори. Довольно характерно, что шахтовладельцы, избегая угрозы социалистического (?!) вмешательства, поторопились принять те меры по реорганизации промышленности (слияние предприятий, агентства по сбыту и т. д.), на которые не могло их толкнуть консервативное правительство. То, чему они горячо сопротивлялись в течение трех лет, вдруг сразу стало самоочевидным и желательным. И в других основных отраслях промышленности у нового правительства есть серьезные шансы достичь заметных успехов. Начало у него получилось хорошее; и если оно не спотыкнется о старые обещания или о свое левое крыло, оно в действительности сможет помочь развитию новой индустриальной системы, навстречу которой неудержимо идет Британия. Оно может даже — такова ирония политической жизни — войти в историю, как правительство, спасшее капитализм ради демократии» [3]).

Империалистическая монополия как экономическая основа макдональдовской демократии, с застенками в Индии, с расстрелами в Палестине, с перманентной армией безработных, со свирепым сокращением заработной платы и т. д., и т. п.! Хозяйски-издевательский тон этой консервативной «самокритики» бросается в глаза. Но «рабочее» правительство сейчас необходимо английскому капиталу,—и не для таких мелочей, как пустяковое комиссионное поручение рассчитать несколько десятков старозаветных директоров. Английский капитализм запоздал, отстал со своей реконструкцией применительно к новому уровню империалистического соперничества. Страны европейского континента рационализировали свое производство и подготовили наступление на рабочий класс под покровом инфляции. Англия

[1]) См «Manchester Guardian», 30 сентября.
[2]) Кобден—либеральный идеолог свободы торговли.
[3]) Сентябрь, стр. 802—803.

упустила время, рационализация ей стоит дороже, конкуренты не ждут, общее же положение Британской империи пошатнулось. Рационализация в английской промышленности происходит. Но доля британского экспорта в Европу с 34% в 1913 году пала до 27,9% в 1928; эта же доля в Южной Америке упала с 25% (в 1913 г.) до 17% (в 1928 г.); на Дальнем Востоке — падение с 17 до 8%.

«Ясно, что увеличившаяся острота конкуренции — не преходящая фаза непосредственного влияния последствий войны, но фактор, с которым приходится считаться во всех перспективах на будущее британской торговли. Соединенные Штаты Америки ныне почти такой же крупный экспортер промтоваров, как и сама Великобритания; Германия быстро восстановила свое довоенное положение; Франция, Италия, Япония и Чехо-Словакия заняли совершенно новое положение в мировой торговле» [1]).

За первые девять месяцев 1913 года эмиссия капиталов для заграницы (за пределами Британской империи) равнялась 67,8 млн. фунтов, за девять месяцев 1929 г. она достигла лишь 20 млн. [2]). Сокращение вывоза капитала, естественно, сужает сферу английского влияния на мировом рынке. Английскому капитализму приходится все туже и туже. Даже стабилизация на уровне третьего периода ему дается хуже, чем другим. Именно под влиянием этого он нуждается в усиленной поддержке рабочей партии у власти.

Указывая на то, как получение монопольно-высокой прибыли капиталистами вызывает у них тенденцию к подкупу отдельных слоев рабочих, тов. Ленин добавлял:

«и усиленный антагонизм империалистических наций из-за раздела мира усиливает это стремление» [3]).

Английский капитализм теперь борется за восстановление и удержание своего монопольного положения, расшатываемого и подрываемого со всех концов. В этой своей борьбе он об'единяется с развращенной долголетним подкупом рабочей бюрократией и остатками былой рабочей аристократии для того, чтобы—под знаменем единой империалистической «нации»—перевооружиться для империалистического соперничества за счет рабочего класса, подавляя и пригнетая его во имя «национального блага». Рационализация—за счет низведения рабочего класса до нищенского уровня должна обеспечить шансы в борьбе на империалистическом поприще. Если за первые 8 месяцев 1928 г. в конфликты было втянуто 103 тысячи рабочих, то в 1929 г. за тот же срок было вовлечено 480 тысяч [4]). Армия в 1.200.000 безработных уже стала неот'емлемым элементом всего уклада английского капитализма. Экономические предпосылки для подкупа значительного меньшинства рабочего класса у английской буржуазии все больше и больше испаряются вместе с ухудшением положения рабочей бюрократии и остатков рабочей аристократии. Отсюда «национальная солидарность» партнеров, отсюда совместное государственно-организованное наступление буржуазии и ее рабочего охвостья на рабочий класс во имя империализма. Чем меньше они могут дать рабочим, тем больше они должны взять у них, все равно, идет ли дело о сокращении зарплаты текстилей на 6,41% или о рабочем дне горняков,—тем больше попыток не путем «убеждения», а путем принуждения «втянуть» рабочие массы в круг интересов империализма, теснимого конкурентами, тем больше попыток этим способом прикрыть наступление капитала под знаком рационализации. Через социал-империализм к мондизму, к подавлению

[1]) The Times Trade and Engineering Supplement, 5 октября 1929 г.
[2]) The Economist, 5 октября 1929 г.
[3]) T. XIII, стр. 334, изд. 1924 г.
[4]) The Ministry of Labour Gazette. September, 1929.

всякой классовой борьбы с помощью буржуазного государства и капитала пришла Английская рабочая партия! От «конструктивного социализма» осталась одна капиталистическая рационализация плюс участие в буржуазном государстве. В Гааге, в Нью-Йорке, в Бельфасте и Брайтоне, — всюду Сноудены, Макдональды и Томасы говорят и действуют как представители империалистической «нации», как полпреды рационализирующегося империализма. Рабочая партия, как третья партия буржуазии, в современной Англии призвана перестраховать империализм и капиталистическую рационализацию от классовой борьбы. Бельфаст — «рационализация» профдвижения, Брайтон — «рационализация» политической организации.

И консерваторы, и либералы не только де-факто, но и де-юре признали рабочую партию, как третью партию буржуазии, «гарантирующую» условия буржуазного господства на третьем этапе исторического кризиса капитализма, при расшатывающейся стабилизации.

«Стэтист» от 5 октября пишет:

«В течение ближайшей сессии парламента международные дела будут почти целиком центром тяжести».

А затем, перечисляя эти «дела» — Гаагу, разоружение, Палестину, Египет и т. д. — «Стэтист» добавляет:

«ни один из этих вопросов не представляет серьезной угрозы для Рабочего Правительства».

Тут — доверие полное, и такой парламентский порядок дружеского обсуждения общих интересов империализма пред лицом страны, интересующейся также и внутренней политикой, лучше всего соответствует интересам одурачения масс. Как и консерваторы, — и даже еще больше, — либералы также дарят свою поддержку. На недавней конференции либеральной партии в Ноттингаме была принята резолюция Рамзей Муйра:

«Оппозиция»—гласит резолюция—«уже не может считать устранение существующего правительства своей главной целью, но должна всячески облегчать ведение общественных дел, не упуская своего права на свободную и рассудительную критику. Совет (партии) рассчитывает, что именно такая общественно-целесообразная линия поведения будет усвоена либеральной парламентской партией, независимо от того, какая партия у власти» [1]).

Буржуазия недаром выдвигает рабочую партию на «общенациональные» роли. Ее толкает на это крайняя сложность и острота противоречий рационализирующегося капитализма, необходимость направления основного, решающего удара против рабочего класса Англии. Рабочий класс расплачивается и—еще в гораздо более грандиозном масштабе—должен будет расплачиваться за капиталистическую реконструкцию, которая не может поспеть за темпом мирового империалистического соперничества. Даже интересы значительных слоев рабочей аристократии, вчера еще уверенной в завтрашнем дне, начинают вступать в конфликт с интересами рабочей бюрократии, сросшейся с буржуазным господством и используемой для резкого снижения жизненного уровня всей массы рабочего класса.

Под туго завинченной крышкой начинают проявляться признаки кипения. Надо закупорить все выходы для проявления растущего недовольства, надо отрезать рабочим все легальные пути для классовой борьбы, даже в самой азбучной форме. Вопросы зарплаты, рабочего дня, безработицы становятся вопросами борьбы за власть. Такова антагонистическая природа капиталистической рационализации, в особенности в стране, где капитализм слишком долго благодушествовал на колониальных сверхприбылях, в особенности там, где Ланкашир связан с господством в Индии, где Бирмингам спаян с эксплоатацией Африки, где вопрос об угле и кораблестроении—проблема мировой политики. «Рабочее» правительство допущено к власти на нынешнем этапе не для того, чтобы «сглаживать и примирять» непримиримые классовые противоречия с помощью мелкобуржуазной словесности, чтобы только тушить классовую борьбу,—оно призвано активно подавлять ту классовую борьбу, которую неминуемо разжигает и обостряет капиталистическая рационализация за счет рабочего класса. В качестве проводника этой рационализации, оно должно подавлять движение рабочего класса, подавлять его с тем большей свирепостью, чем меньше у него шансов упрочить капитализм на рационализированном фундаменте.

[1]) Manchester Guardian, 5/X—1929 г.

II. Между Лютером и Сити.

«...Наши финансисты и ростовщики придумали бросить себе под ноги миллионы населения..

...Банковский процент—6½ %, которого добиваются сейчас,—самый разорительный процент из когда-либо имевших место в стране. Наши банки, пользуясь нуждой, выкачивают живые соки из британской торговли и промышленности, разоряя нас к выгоде иностранных капиталистов и международных финансистов. Даже изумительная механизация промышленности стала жертвой игры финансистов, и кредит отнимается у промышленности, испытывающей голод в отношении капитала, отнимается с вычётом многомиллионных процентных накидок... Наша страна не только страна с огромным традиционным преобладанием паразитов в населении по сравнению со всеми другими странами, более того,—даже наш национальный промышленный гений подавляется озлобленной жадностью грязных собак (sordid dogs), кормящихся британской торговлей, банковским делом и ростовщичеством» [1]).

Что это, отрывок из речей Лютера против ростовщиков, цитата из Сен-Симона или отрывок из старой прокламации эпохи раннего чартизма? Ни то, ни другое, ни третье. Это — из речи Бен-Тиллета на митинге в Бристоле 29 сентября 1929 г.

Откуда же тогда этот пафос у «рационализатора» профсоюзного движения?

О, он об'ясняется чрезвычайно просто! На нынешнем рационализаторском этапе рабочая партия из кожи лезет вон, чтобы синтезировать и примирить известные противоречия между промышленным и банковским капиталом. Идет «фракционная» борьба в лагере буржуазии и эта борьба отражает определенно-шаткое положение английского фунта пред лицом побеждающего доллара. Лондон должен уступить Нью-Йорку, который давно обогнал его, давно стал финансовой столицей буржуазного мира. Капиталы уплывают с лондонского рынка. 20 миллиардов долларов достигает долг Европы Америке. Этой стране высокоразвитого капитализма не нужны товары. Европа должна

«продавать американцам контроль над промышленностью», заявляет «The Annalist» «Жажда власти может расти бесконечно. Она развивалась на военном поприще в дни Александра, Цезаря и даже Наполеона, теперь ее поприще—финансовая власть» [2]).

Американский империализм не шутит, а для рационализации в Англии не хватает капиталов. Поддерживая золотое достоинство фунта стерлингов, ушли консерваторы от власти. Американский капитал явно протягивает лапу

[1]) Manchester Guardian, 30/IX—1929 г.
[2]) 20 сентября 1929 г.

к контролю над английской промышленностью. Может быть, его и следует подпустить, чтобы хоть на время утолить финансовый голод рационализирующегося капитализма? Но он страшно напорист. Он открыто провозглашает финансовый цезаризм. И на его голос отзываются. Только высокий банковский процент может удержать капиталы от бегства из Лондона. Повышение учетной ставки федеральным банком Соединенных Штатов предрешило повышение процентов Английским банком. И вот ответ на причитания промышленной буржуазии, что «так дальше нельзя жить»:

«Британская торговля ряд месяцев платила за деньги ниже мировой цены,—меньше, чем ее иностранные конкуренты,—уничтожение этой льготы после такого долгого периода было бы абсурдно называть ударом по английской торговле».

Таков ответ не из уст соперников, но из уст «Таймса» [1]).

Патетический обличитель Бен-Тиллет на с'езде в Брайтоне «обернулся» Сноуденом. Сноуден еще недавно восставал против повышения процента. Но в Брайтоне он выступил как адвокат финансовых интересов, хотя и подневольный. На следующий день газеты уже сообщали:

«В Сити сегодня более счастливые лица, большинству очень понравилась речь мистера Сноудена в Брайтоне... Сегодня он был героем больше чем когда-либо. Все поздравляли друг друга, что социалистический канцлер казначейства мог произнести речь, как будто бы написанную для него Английским банком» [2]).

В речи Сноудена были вздохи по поводу засилья финансов над промышленностью, но они направлялись... по ту сторону океана, вежливо обходя Сити.

«Что-то не так, что-то требует пристального внимания, если оргия спекуляции в стране за 3.000 миль может расстроить финансовую систему здесь и нанести серьезный ущерб рабочим практически во всех странах мира» [3]).

Только этой фразой и отделался Сноуден, пообещав еще «расследовать обстоятельства».

Стремясь отстоять единство интересов империалистической нации буржуазная Рабочая партия не смеет высказать свое мнение, трусливо и бессильно колеблясь между двумя группами капиталистов. На митинге Бен-Тиллет прикидывался грозным обличителем ростовщичества, на с'езде правительственной партии Сноуден ораторствовал только в рамках приемлемого для Сити.

А между тем, повышение процента самоочевидно обостряет хозяйственное положение и неизбежно повлечет за собой увеличение безработицы, как это признается всеми.

В Брайтоне речь Сноудена вызвала только легкую рябь на зеркально-приглаженной поверхности.

Уайз заметил, что

«повышение банковского процента, если оно будет сохранено [4]), раз пять перегонит ту экономию, которой добился г. Сноуден для британских налогоплательщиков в Гааге». Бевин сказал, что «в качестве человека, ведущего переговоры о зарплате, он всегда замечал (!), что через короткое время после того, как деньги дорожают, к нему поступают требования от предпринимателей о снижении зарплаты или повышении интенсивности труда [5]).

[1]) Supplement, 5/X—1929.
[2]) Manchester Guardian, 5/X.
[3]) Там же, 4/X.
[4]) Процент будет увеличен!
[5]) Manchester Guardian, 5/X.

Независимцы, как и подобает этому отряду особого «левого» назначения для угашения классовой борьбы, не смогли вставить своего слова в обсуждение, ибо председатель «не заметил», когда они просили слова. Когда же они начали протестовать, тот же председатель строго внушил Мэкстону, что «было бы лучше, если бы он лучше держал свою делегацию» [1]).

На этом все и кончилось. Но либеральный корреспондент отмечает:

«не очень отрадно видеть, что большая часть рядовых членов рабочей партии все еще воображает, будто нужно только завоевать цитадель денег и все будет в порядке» [2]).

Рабочая партия, в лице ее вожаков, рада была бы свалить всю вину за финансовые передряги на цитадель денег, как изволил выразиться вождь желтого трэд-юнионизма Бевин. Всякая задержка с рационализацией грозит неизбежным обострением и революционизированием классовой борьбы. За один год число членов профсоюзов, об'единяемых Генеральным Советом, сократилось на 200 тысяч.

6.505.000 было их в 1920 г., теперь их 3.725.000. Красные профсоюзы в Шотландии — серьезный симптом. А к тому же «рабочее» правительство должно играть роль гильотины, срезающей заработную плату. Текстильный локаут со снижением зарплаты на 6,41% только начало. На очереди снижение на 8,3% в шерстяной промышленности, где предприниматели считают для себя излишним даже арбитраж. Волна недовольства зарплатой разливается по всем отраслям. «Цитадель денежной власти» усугубляет остроту положения. Но разве эта цитадель не цитадель капитализма, как такового? И разве партнеры рационализирующегося — на основе развития монополий, рационализирующегося! — капитализма могут помыслить всерьез о наступлении на эту цитадель?

Ростовщичество «столь вознеслось, что не хочет уже нигде слыть пороком, грехом и позором, но величается добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу» [3]). Так мог греметь Мартин Лютер, так как он был убежденным воином за «христианское» отсечение ростовщичества во имя торгово-ремесленного капитализма. Но могут ли быть убежденными ниспровергателями «цитадели денег» те, у кого символ веры социал-империализм?! Ведь империализм неотделим от власти финансового капитала. Самое большее, на что они бы пошли, когда пришлось бы выбирать между классовой борьбой и оппозицией Сити, это— на блокирование с промышленной буржуазией против Сити, но тут не обойдется без вмешательства американского капитала.

А пока они изображают контору по прииcканию заказов отечественному капиталу.

Таково было выступление Томаса в Брайтоне.

— Великобритания — самый лучший покупатель канадской пшеницы. 51 процент канадской пшеницы было куплено непосредственно ею за последний год, 12 или 13% через Соединенные Штаты. В обмен за это и все остальное, получаемое Канадой от нас, Канада на каждый фунт стерлингов, затрачиваемых в Великобритании, тратит 5 фунтов в Соединенных Штатах. Он (Томас) чувствовал, что в качестве представителя наилучших покупателей он вправе спросить Канаду: «А как же быть с этим?» Он счел нужным поставить Канаду пред лицом холодных фактов, и Канада не воспротивилась, а приветствовала. Он установил, что Канада покупает 16.250.000 тонн угля в Соединенных Штатах и он завез с собой баржу британского угля» [4]).

[1]) Там же.
[2]) Там же, 5/X.
[3]) См. К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2, стр. 152.
[4]) Таймс, 2/X.

Британия—наилучший рынок для доминионов. После войны они бросились со своими товарами на иностранные рынки. Но там отгораживаются от них высокими пошлинами. Будет лучше, если они приспустят свои тарифные барьеры для пропуска английских промтоваров и заключат таможенный блок против общих врагов Британской империи. Рабочая партия повернула к протекционизму. Но успехи самого Томаса в Канаде весьма дешево расцениваются английской буржуазией. Генеральная же идея таможенной консолидации империи не вызывает больших иллюзий. «Для народа» может быть такие речи хороши, по крайней мере, когда нечего сказать о безработице. В Брайтоне Томасу напомнили, что его указание на увеличение общего числа работающих в промышленности — по сравнению с 1914 годом — на 800.000 человек «трижды повторялось мистером Болдуином в Палате общин» [1]).

Поворот лэйбористов к протекционизму английский капитал записывает в свой приход.

«Но,—предостерегает «Таймс»,—во всяком случае надо признать крайне опасным оптимизм тех, кто во взаимном наибольшем благоприятствовании (метрополии и доминионов) склонен видеть начало имперской свободной торговли. Представление об империи в целом, включая Великобританию, как о цельной производственной и потребительской единице, к счастью (!) не связано с обязательным окружением одним фискальным барьером...

Две крупных британских фирмы недавно слились с двумя австралийскими железными и стальными фирмами, такие же слияния в имперских рамках произошли в промышленности, производящей удобрения, и каучуковой. Подобная унификация производственных интересов совершается и может совершаться, несмотря на существование национальных тарифов» [2]).

— Не торопитесь, Томас! Не слишком увлекайтесь бряцанием своих доспехов государственного капитализма. Рабочим вы можете доказывать, что «организованный» капитализм устраняет внутреннюю конкуренцию. Однако, помните о хозяевах, которые сами прокладывают пути своему капиталу и по-своему используют внутреннюю конкуренцию в пределах империи.

Потише, любезный!

Так строго наставляют Томаса и К° настоящие держатели акций Британской империи.

К хозяйским делам «рабочее» правительство не подпускается даже и в том случае, когда оно жаждет соревноваться с Болдуинами и Чемберленами в отстаивании империалистических интересов. Ему дано «представлять» империалистическую «нацию» в борьбе с рабочим классом и угнетенными колониями Британской империи. Дальше этого ни шагу. Сити есть Сити. «Цитадель денег»—в руках настоящих хозяев.

Брайтон был капитуляцией перед Сити во всех смыслах. На «самостоятельную» роль Томасы и Сноудены могут рассчитывать лишь в борьбе против рабочего класса по точным предписаниям буржуазии. И потому рационализация рабочего движения применительно к потребностям рационализирующегося капитализма становится еще более неосуществимой. Им даже не позволяют сеять империалистические иллюзии!

3. Дела международные и итог.

О делах международных в Брайтоне докладывал Гендерсон. По поводу палестинских событий он прямо отрезал:

«У правительства нет намерения пересматривать вопрос о британском мандате на Палестину. Не может быть вопроса об изменении положения этой страны в отношении мандатного управления или в смысле изменения политики, установленной декларацией Бальфура в 1917 г. и опирающейся на мандатные права, политики, устанавливающей в Палестине национальное убежище для евреев» [1]).

[1]) Таймс, 2/X.
[2]) Там же, 9/X.

Это заявление стоит сравнить с тем, что говорит даже такой откровенно контрреволюционный вожак 2 Интернационала, его теоретик, Карл Каутский.

«Евреи явились в Палестину лишь в качестве хвоста империалистической великой державы, как пособники ее колониальной завоевательной политики». — События 1929 г., по мнению Каутского, «должны показать всем друзьям еврейства, что его будущее не на Востоке, не в мире Ислама» [2]).

Обострение империалистического соперничества, положительно, потрясает жидкое здание второго «Интернационала», в котором нет ничего, кроме национализма и злобной контрреволюционности. Только недавно была схватка между Вандервальде и англичанами из-за Гааги, прямое продолжение империалистической склоки в Гааге. А сегодня—не меньший конфуз с Палестиной. Никто не заподозрит Каутского в сочувствии колониальной революции, но этот Мафусаил социал-предательства то же кое-что понимает в империалистическом соперничестве и нет никаких резонов, чтобы третья партия буржуазии в Германии «несла ответственность» за подвиги английского империализма!

Гендерсон очень легковесно прошелся по Ираку и Египту, показав мимоходом великодержавный кулак, и затем сорвал надлежащее количество хлопков за «восстановление отношений с Россией», за один из самых конфузных подвигов. Нет совершенно никакой возможности передавать его слащаво-лицемерные разглагольствования о Гааге, разоружении, арбитраже. С'езду дано было понять, что международные вопросы решаются не на с'ездах рабочей партии, хотя бы даже ставшей придатком империализма. Или, вернее, как раз по этой самой причине. Когда Госсип спросил, почему бы рабочему правительству «не покинуть Египет и предоставить египтянам решать самим дела», он был грубо посажен на место: «Я сделал известные предложения египетскому народу, и ему надлежит решать, что ему делать, а не г. Госсипу» [3]).

Характернее всего выступление помсекретаря по делам Индии, Друммонда Шильса (Shiels) — о мирутском деле.

«Заключенные по Мирутскому делу были арестованы в марте, раньше, чем рабочее правительство пришло к власти, но правительство целиком принимает на себя ответственность за нынешнее положение дела. Эти люди попали в тюрьму не потому, что они были руководителями профсоюзов; их обвиняют не за то, что они агитаторы или коммунисты, но за то, что они участвовали в заговоре с целью изменения существующего строя в Индии с помощью вооруженной силы, заговора, финансируемого из источников, находящихся вне Индии. Компартия предпринимала все усилия, чтобы захватить профсоюзное движение в Индии. Правительство Индии старалось поощрять истинный трэд-юнионизм и заинтересовано в том, чтобы он избежал ныне вредных опасных и бунтовщических влияний» [4]).

Предложение отклонить часть доклада, трактующую об Индии, было отвергнуто 1.892.000 из 1.927.000 представленных голосов. Русские белогвардейцы на службе у английского правительства в Индии спасают «здоровый трэд-юнионизм» с одобрения «рабочего» правительства. Рабочая партия не желает вспоминать о своих прошлых обещаниях «дать сразу» конституцию доминиону Индии. Даже эта подачка ей не под силу. Даже

[1]) Таймс, 3/X.
[2]) Форвертс, 6/X.
[3]) Таймс, 3/X.
[4]) Там же, 2/X.

вокруг нее она бессильно топчется. Колонии — опора империализма, а раз дело касается коренных интересов империализма, да еще в Индии, быстро шагающей навстречу революционным боям, то без Скотланд-Ярда не обойтись.

Сдавленное международными противоречиями, «рабочее» правительство стремится отвлечь внимание масс от угрозы новой империалистической войны, прежде всего, пацифистской фразой, раздуванием паломничества Макдональда в Америку, раздуванием «достижений» в Гааге и Женеве. Оно готово прослыть правительством, лучше других поддерживающим «британское достоинство», однако, оно может делать лишь строго размеренные «вольные жесты»; стараясь не задеть американский империализм, но, наоборот, в известной мере подлаживаясь к нему, Макдональд стремится доказать, что лэйбористы лучше консерваторов смогут договориться с Соединенными Штатами по вопросу о паритете в морских вооружениях. Но...

> «Америка согласна уступить британскому флоту известное превосходство по части мелких крейсеров, предназначенных для полицейских целей или охраны торговых путей, тем не менее это, с американской точки зрения, не дает Британии преимуществ в смысле «боевой силы» по отношению к американскому флоту» [1]).

Переговоры — лишь предварительный шаг к конференции пяти держав, с дополнительным участием Франции, Италии и Японии, у которых свои притязания. И потому в Брайтоне Гендерсону пришлось отделаться лишь туманным жестом:

> «Если эта конференция оправдает надежды, она откроет новую эру, когда огромные суммы, ранее тратившиеся на вооружения, найдут лучшее назначение» [2]).

В который раз «новая эра»? Ведь каждый раз, как пара дежурных дипломатических агентов буржуазии повернутся в полоборота друг к другу, об'является «новая эра». Только о советских предложениях по разоружению хранится организованное молчание.

На старую удочку империалистического пацифизма пытаются поймать рабочих, связывая это с иллюзиями to get a job (заполучить работу) при сокращении военных расходов. И здесь, как и в остальном, империалистические махинации изображаются как средство разрешения противоречий рационализирующегося капитализма.

Тем не менее, и тут чертовски не везет. В Брайтоне Уитли констатировал:

> «в то время, как г. Макдональд ведет переговоры в Америке о мире, Великобритания, накануне коммерческой войны с Англией» [3]).

Буржуазия не делает тайны из своего презрительного отношения к прыжкам кенгуру, совершаемым на пацифистском поприще Макдональдом.

> «Г. Макдональд не предпринял своего визита до тех пор, пока чисто англо-американская стадия морских переговоров не достигла определенной ступени. Это было достигнуто правильным и обычным путем тайной дипломатии, поскольку таковая возможна между двумя странами в настоящее время... В отношении премьер-министра мы можем быть уверены, что он отправился в Америку вовсе не с намерением вернуться назад с решением какой-либо из проблем» [4]).

Господа буржуа развлекаются барским издевательством над лакеями.

---

[1]) Evening Star. Цит. из Literary Digest, 28/IX — 1929.
[2]) Таймс, 3/X. Кстати: еще неизвестно — состоится ли эта конференция.
[3]) Таймс, 2/X.
[4]) Таймс, 7/X.

Ведь и вопрос о восстановлении сношений с СССР прошел по заказу Форейн Оффиса, с соответствующим саботажем и затяжками. Рабочее правительство не хочет поссориться с консерваторами. Оно преподносит «восстановление» на блюде для обсуждения Джиксам и К°. «Таймс» сурово тычет пальцем в Гендерсона, чтобы он не смущался большевистской «Правды»: «Правда» забывает, что мистер Гендерсон сидит не в Москве, а в Вестминстере» [1]). Это, разумеется, не подлежит сомнению: чтобы мог делать этот прожженый суб'ект в стране социалистического строительства?!

Саботаж с восстановлением сношений с СССР был связан, кроме всего прочего, с расчетами Макдональда и К° — подольше подержать на кухне это дежурное блюдо, чтобы можно было подольше эксплоатировать его, как «заслугу Рабочего правительства». Дальнейшая линия по отношению к СССР будет определяться желанием оправдать «парламентское» доверие буржуазии. Отношение к СССР так тесно и неразрывно сплетено с отношением к английскому пролетариату, что каждый шаг будет соразмеряться с потребностями единого фронта трех партий буржуазии. СССР не только нельзя «рационализировать» на капиталистический лад. Советский Союз сам является важнейшим фактором расшатывания капиталистической стабилизации. Рабочие и крестьяне всех стран имеют возможность сравнивать нашу социалистическую реконструкцию со всеми видами рабовладельческой «реконструкции» во всех углах земного шара. Английские рабочие, в особенности, в условиях бешеного, поистине империалистического натиска на них, должны сопоставлять наши социалистические успехи с «достижениями» буржуазного «рабочего» правительства.

Международные дела лэйбористов не лучше их внутренних дел.

Однако, что же в итоге всего решил с'езд правительственной рабочей партии?

Уже в вводном слове председателя, министра транспорта Моррисона, участником Брайтона было скороговоркой сообщено, что «антипрофсоюзным законом 1926 г. занимаются и законодательные предложения будут внесены на ближайшую сессию»; что «обсуждается вопрос о рабочем дне горняков»; что «вопрос о пенсиях рабочим свыше 65 лет разбирается»... [2]).

«Занимаются», «обсуждают» и «разбирают»! Неужели это неопределенно?!

Но большего предложить было нельзя.

Свою злость на такое бесцеремонное обращение делегаты сорвали на малопочтенной мисс Бонфилд. 1.027.000 представленных на с'езде голосов было подано за то, чтобы отвергнуть часть доклада, касающуюся страхования безработных. 1.100.000 «голосовали» (не сами голосовали, за них голосовали) в пользу отсутствовавшей мисс.

Можно ли, после всего этого, удивляться тому, что к с'езду рабочая партия пришла с 2.077.199 членами (из них 2.025.139 примыкающих через профсоюзы), утратив 1.216.416 человек с 1927 г. В 1920 г. она насчитывала в своих рядах 4.369.807 членов. Теперь нет и половины этого. Все более плотно срастаясь с буржуазией, рабочая партия, — несмотря на все ухищрения, на погромы и отсечения радикальных элементов профсоюзов, на полицейскую травлю коммунистов, — неудержимо катится под уклон. Ее верхушка все больше фашизируется; в рабочей же среде, вместе с радикализацией масс, растут силы, отталкивающие массы от этой партии. На с'езде в Брайтоне пытались протащить включение в состав партии новой категории членов, не принадлежащих к профсоюзам и примыкающих,

---

[1]) Таймс, 8/X.
[2]) Manchester Guardian, 1/X.

так сказать, «в национальном масштабе», как national associate members. «Рабочая» партия—для современных своих задач—должна проникать в банковские концерны, в семьи аристократии, в бюрократическую среду. Ей тесно в рабочей блузе не только по существу, — с существом она давно распрощалась! — но и формально. Она предлагает всем карьеристам и парвеню империализма плечи рабочих для прохождения в парламент, в сановники, в правления смешанных обществ и т. д. С этим замыслом партийные «боссы» пришли на с'езд. Однако, провести это не удалось, так как уж слишком перехватили.

И все же было бы ошибочно отсюда заключать, что рабочая партия остается хотя бы в минимальной степени похожей на свой первообраз прежних времен. Весь ее уклад рационализирован для подавления классовой борьбы во всех ее проявлениях. В Бельфасте Бен-Тиллет провозгласил, что «отныне трэд-юнионы составная часть организации промышленности» [1]), то-есть они включены в систему капиталистической эксплоатации. Они — один из из ее приводных ремней. Бевин на вопрос, что же такое рабочая партия, — заданный на том же с'езде трэд-юнионов в Бельфасте, ответил, что ее задача «осуществлять свои функции в парламенте, переводить в законы то, чего мы достигнем на промышленном поприще» [2]). Это — несомненная маскировка тройственного союза предпринимателей, желтых вождей, тянущих к фашизму, и буржуазного государства. Когда профсоюзы были, в основном, организацией рабочей аристократии, рабочая партия была парламентской надстройкой над ними. Теперь — не то. Теперь рабочие массы в профсоюзах (в большинстве своем лишенные прежнего привилегированного положения), пьедестал, а желтые вожди по профлинии и верхушки рабочей партии — решающая сила, которая опирается на капитал и буржуазное государство для подавления всякого действия снизу. Капитализм рационализируется за счет пролетариата, буржуазная рабочая партия централизуется и укрепляет господствующее положение своей верхушки за счет рабочего класса, калеча и обессиливая его. Но чем больше концентрируется буржуазное насилие под «рабочей» маской, тем больше разрыв между социал-империалистской, гниющей верхушкой и массами рабочих, тем быстрее и неудержимей концентрация революционной энергии в массах, тем острее массовая потребность в неурезанной классовой борьбе и революционном, коммунистическом руководстве.

Буржуазное рабочее правительство и его капиталистические хозяева не в силах справиться с противоречиями третьего кризисного этапа капиталистического развития. Обострение империалистического соперничества и перевооружение английского капитализма для этой цели не может дать рабочим ничего, кроме усиления гнета и эксплоатации, угрозы новых войн и безработицы.

Брайтон — гнилой пень. Это был с'езд чужой, враждебной рабочим партии, с'езд, отразивший лишь нежелание «рабочего» правительства разговаривать с рабочими своей партии, с'езд капиталистических «рационализаторов».

На этом гнилом пне рабочее движение не задерживается. Рабочие массы нащупывают и найдут свой путь классовой борьбы, а Английская компартия, пройдя через огонь самокритики и отбросив в сторону все правые и примиренческие шатания, сумеет встать в авангарде борющихся рабочих.

Время назначает свои темпы и требует быстрой мобилизации сил.

---

[1]) Дейли Геральд, 3/IX.

[2]) Manchester Guardian, 6/IX.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Л. Гатовский.

О народно-хозяйственном плане [1]).

Совершенно бесспорно, что если бы закон ценности руководил, хотя бы с рядом ограничений, распределением людей и вещей в процессе воспроизводства, мы имели бы совершенно иное размещение труда, иной темп развития, иное классовое распределение дохода, иное социальное развитие деревни. Система цен была бы у нас в корне иной, в результате чего произошла бы колоссальная перекачка средств от тяжелой индустрии, огромное спекулятивное обогащение верхушки деревни и т. д. Мы имели бы резкий общехозяйственный кризис, который потребовал бы иных взаимоотношений с иностранным капиталом, резкую инфляцию, резкое снижение зарплаты, обострение безработицы и т. д.

Наличие промышленности, транспорта, кредита, оптового и 80% розничного оборота в руках социалистического сектора уже позволяет строить и удерживать систему цен, расходящуюся с конкретной рыночной кон'юнктурой (товарный голод), и тем обеспечить необходимый темп индустриализации.

Цена в основном является внешней формой проявления народно-хозяйственного плана. Правда, в форме ценовых пропорций концентрируются и элементы стихии, враждебные народно-хозяйственному плану (об этом ниже). Так непредусмотренные планом колебания цен не могут не вызвать некоторого перераспределения дохода, влиять на состояние рыночного равновесия, оказать известное влияние на с.-х. производство. Все же цена в основном остается плановым распределением ресурсов, не говоря о том, что имеется ряд других плановых рычагов, исправляющих ее результаты.

Стоимостные тенденции ведут народное хозяйство в сторону, противоположную той, куда направлен народно-хозяйственный план. Гегемония стихии означала бы социальную деградацию хозяйства СССР.

Все эти положения противостоят не только сторонникам теории, признающей господство закона ценности в СССР, но и тем, кто занимает промежуточную позицию, отрицая ведущую роль народно-хозяйственного плана, его роль как регулятора народного хозяйства СССР.

Противопоставление закона ценности народно-хозяйственному плану означает не только различие во внешних формах проявления закона пропорциональности трудовых затрат.

Основное здесь в том, что самые пропорциональности уже иные. Труд распределяется пропорционально иным потребностям. В самом деле, если при действии закона пропорциональности трудовых затрат через посредство его стихийной формы (ценность) устанавливаются одни лимиты, нарушение

---

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

которых вызывает хозяйственный кризис, то при действии его (при одном и том же уровне производительных сил) в условиях ведущей роли планового начала, устанавливаются уже иные лимиты, позволяющие и требующие одновременно иных пропорций, иного темпа.

Из различной оценки природы хозяйства вытекает вопрос о лимитах его развития верхних и нижних. Разве ряд ошибок в оценке хозяйственных перспектив, допущенных многими специалистами, не вытекал из смешения капиталистических и советских лимитов? Недаром критика наших перспективных планов со стороны буржуазных экономистов сопровождалась такой оценкой сущности нашего плана, при которой ему отводилась лишь роль прогноза стихийных процессов. Если считать, что в основе нашего планирования лежат стихийно-рыночные закономерности, тогда по-иному следует расценивать возможности известного временного нарушения рыночного баланса, иначе следует расценивать возможности регулирования рынка, возможность быстрого темпа обобществления, иначе должна быть построена финансовая политика (то, что расценивается лишь как напряженность финансовой системы при одном понимании сущности нашей денежной системы, при ином понимании должно было бы расцениваться как значительная инфляция); иначе следовало бы ставить вопрос о стимулировании индивидуальных хозяйств, в ином свете представилась бы проблема соотношения индивидуальных и коллективных хозяйств.

Если наше планирование основывается на гегемонии стихийных закономерностей, то отсюда следует либо вывод о невозможности социалистического пути развития СССР, либо теория «врастания стихии в социализм» и признание нынешней экономической политики в корне неверной. Если же признать, что закон ценности как регулятор не лежит в основе нашего планирования, а, наоборот, его господство противоречит курсу на социализм, то тогда и возможно, и должно вести линию на быстрый темп индустриализации и обобществления. Наоборот меньший их темп привел бы к процессу деградации в сторону капитализма.

В связи с этим требуется особая четкость и ясность формулировок в отношении регулятора советского хозяйства. Тезис о том, что у нас налицо перерастание закона ценности в закон трудовых затрат, нуждается в значительных исправлениях. Прежде всего закон ценности как специфическая социальная форма «закона» трудовых затрат может перерастать также лишь в иную социальную форму этого закона — очевидно в социалистический план. Так, впрочем, обычно и понимают эту известную формулу. Основной ее дефект не в этой ее неточности, а в том, что она дает много поводов к неправильным выводам благодаря ее туманности.

«Отмирание закона ценности», его трансформация не могут быть регулятором советской экономики. Речь идет об отмирающем, трансформирующемся законе ценности. Но здесь-то и возникает вопрос: насколько он трансформировался. Либо, если количество не перешло в качество, он остается еще единым регулятором, хотя бы и ограниченным, либо он остается регулятором наряду с планом, либо, наконец, он, как регулятор, уже не действует, что не исключает учета стихийных тенденций плановым регулятором.

Наибольший повод дает эта формула для неправильного вывода о том, что закон ценности, хотя уже измененный (но ведь и при монополистическом капитализме закон ценности сильно ограничен), является регулятором советского хозяйства.

Опасность неправильного толкования усиливается, если признать, что наша экономическая политика не противоречит материальному содержанию закона ценности и что необходимый нам темп социалистического накопления совместим с господством закона ценности [1].

Между тем признание регулятивных функций за законом ценности, хотя бы наряду с планом, означает: либо признание правильной в основном методологической установки Преображенского, либо идеализацию закона ценности, признание возможности гармонического равноправного сожительства двух противоположных начал. Отвергая теорию Преображенского, необходимо признать—либо план, либо стоимость регулятором нашего хозяйства.

* * *

Плановый регулятор советской экономики является переходным в двояком смысле(переходность советской экономики можно рассматривать также в двояком смысле), в смысле статическом и динамическом.

Во-первых, советская экономика является переходной, как особая качественно определенная система (народно-хозяйственный план уже является регулятором, но он еще включает стихийные тенденции). Во-вторых, советская экономика переходит в иную — более устойчивую и качественно определенную систему — социалистическую, необходимость постоянного приближения к которой является жизненным вопросом для переходной системы. Необходимой предпосылкой этого перехода и является роль народно-хозяйственного плана как регулятора. Отрицание последней роли лишает по существу экономику СССР ее переходных черт в обоих смыслах и, наоборот, осуществление новых по сравнению с капитализмом пропорций (возможное лишь при преодолении частно-хозяйственного принципа) размещения производительных сил, распределения дохода, дающее в итоге социалистическую трансформацию, означает не что иное, как осуществление народно-хозяйственным планом своей роли регулятора хозяйства.

Для выяснения роли народно-хозяйственного плана необходимо выявить значение поправок, вносимых стихией в процессе осуществления плана. Не превращают ли они план из ведущего начала в один из элементов стихийно складывающейся равнодействующей.

Невыполнение наших планов возможно благодаря действию следующих моментов (часто комбинированному):

1) Поправок, вносимых «социальной стихией» (например, сопротивлением капиталистических элементов).

---

[1] Ошибка Преображенского не в том, что он обуславливал необходимость сдвигов в пропорциях распределения производительных сил по сравнению с теми пропорциями, которые устанавливались бы стихийно, а в том, как он обуславливал эти сдвиги и, отсюда, в каких размерах они должны были, по его мнению, осуществляться. Одно дело — изменение пропорций на основе ведущей роли народно-хозяйственного плана и другое дело — на основе резко враждебных двух регуляторов хозяйства и вытекающей отсюда соответствующей политики сверхиндустриализма.

Указанный выше отрыв социальной формы от социального содержания у тов. Бухарина приводит к неверной установке в отношении социального содержания нашего плана, нашей экономической политики.

Так, по его мнению, плановое начало борется лишь с ценностной оболочкой закона пропорциональных трудовых затрат (стр. 39 цитиров. брошюры).

Далее «правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности» (стр. 43).

Далее «речь не может итти об антагонизме (в наших условиях. *Л. Г.*) по существу материального содержания закона ценности (курсив тов. Бухарина), а речь может итти лишь об антагонизме общественной формы» (стр. 41).

Поскольку материальное содержание закона ценности имеет совершенно определенный социальный характер, трудно не видеть связи этой установки с вопросами о классовых взаимоотношениях, о роли рыночной стихии, о «рыночном равновесии» и т. д.

2) Поправок, вносимых природной стихией (например, неурожаем) и
3) Поправок, возникающих благодаря плановым просчетам.

Заранее оговоримся, что мы исходим из факта правильности генеральной линии экономической политики. Эта предпосылка является вполне законной для данного анализа.

Естественно, что каждый из перечисленных факторов питает другой. Так, например, плановые просчеты усиливают сопротивление «социальной стихии», наоборот, усиление сопротивления социальной стихии увеличивает возможность плановых просчетов, неурожай усиливает спекулятивные тенденции, а ослабление «социальной стихии» (при быстром темпе обобществления и связанном с ним росте производительности) ограничивает природную стихию и т. д.

Особый интерес, конечно, представляет степень воздействия на плане со стороны «социальной стихии». Воздействие природного фактора (речь идет о сельском хозяйстве) при нашем уровне производительных сил конечно может оказать существенное влияние на кон'юнктуру народного хозяйства в отдельный отрезок времени (пример: влияние недорода в южных хлебных районах на кон'юнктуру 1928/29 г.), но вряд ли можно с серьезностью утверждать, что неурожаи могут повлиять на направление развития хозяйства, существенно изменить темп развития за длительный период времени.

Развертывание индустриализации действует в сторону еще большего ослабления роли природных факторов в этом отношении.

Недочеты аппарата также не могут быть в числе причин, меняющих направление развития, хотя значение этой проблемы и огромно (проблема культурной революции, борьба с бюрократизмом, проблема кадров и т. д.).

Улучшение аппарата, его пролетаризация несомненно будут итти усиленным темпом, что должно также еще более ослабить роль этого фактора.

Сложнее вопрос о влиянии «социальной стихии».

Влияние взаимоотношений с мировым капитализмом на к о н ' ю н к т у р у нашего хозяйства бесспорно. Но речь идет о влиянии на направление, на основной путь ее развития. Признавая, что СССР может сохранить свою самостоятельность, несмотря на капиталистическое окружение, мы должны отсюда сделать вывод об отсутствии т а к о г о влияния со стороны «внешней стихии».

Вопрос о степени влияния на выполнение планов со стороны внутренней «социальной стихии» тесно связан с оценкой социальной структуры СССР.

Предпосылкой возможности единого планового регулятора в СССР служит тот факт, что основным производственным отношением у нас является отношение пролетариата и простых товаропроизводителей. При чем надо особо подчеркнуть, что роль простого товарного и роль частно-капиталистического сектора в борьбе народно-хозяйственного плана с законом ценности резко различна.

Если первый направляется плановым воздействием социалистического сектора по некапиталистическому пути (что несовместимо с господством закона ценности), то частно-капиталистический сектор о р г а н и ч е с к и не может быть включен в эту плановую систему. Он противостоит ей, как враждебная сила, стремится создать свой замкнутый круг воспроизводства, расширить сферу вольного спекулятивного оборота.

В капиталистическом секторе и концентрируется в максимальной степени действие стоимостных тенденций, противостоящих системе относительного равновесия, устанавливаемого народно-хозяйственными планом. Затруднения, вытекающие из той или иной диспропорции в этой системе, неизбежно используются частным капиталом, который тогда заметно активизируется.

Признание двумя основными элементами нашей экономики социалистического и товарнокапиталистического начала неизбежно ведет к отрицанию

единого планового регулятора, базой которого является наличие элементов единства (что не исключает, а предполагает противоположности) социалистического и мелко-товарного секторов.

Проблема «кто-кого», естественно, нашей постановкой вопроса не снимается. Вывод из этой проблемы, однако, не в признании двух регуляторов или двух основных кругов воспроизводства в СССР, а в об'ективной необходимости правильной классовой политики, при которой (отвлекаясь от последствий войны) ведущая роль народно-хозяйственного плана, а, следовательно, тем самым успех социалистического строительства, обеспечены.

Народно-хозяйственный план воздействует на процесс воспроизводства в крестьянских хозяйствах через посредство значительного количества рычагов. Их можно было бы разбить (крайне условно) на две группы. В первой в значительной степени проявляются н е п о с р е д с т в е н н о организующие моменты (финансирование, целевое кредитование, агропомощь, производственная контрактация, производственное целевое снабжение, общественные меры воздействия на производство и т. д.), во второй эти моменты значительно отступают перед к о с в е н н о организующими, более рыночными с п о с о б а м и (политика цен, снабжение промтоварами личного потребления и т. д.). Первая группа способов воздействия все более усиливается за счет второй.

В общем это воздействие народно-хозяйственного плана, еще в основном (но уже и не целиком) воспринимаемо крестьянством, как рыночная кон'юнктура, проявляется главным образом через деятельность обобществленного сектора по линии заготовок, снабжения деревни (обобществленный сектор здесь доминирует).

Оно является уже основным направляющим началом в развитии крестьянских хозяйств, давая основные стимулы к производству. Направление средств в сельское хозяйство и его отдельные отрасли, осуществляемое таким образом, в основном д о л ж н о и м о ж е т проходить по этому народно-хозяйственному плану. Результат от этого должен также соответствовать в о с н о в н о м намечавшемуся плану. Но, помимо этого основного стимула производства (вернее комплекса стимулов), крестьянство действует на основе стимулов, возникающих по линии вольного рынка и внутридеревенского оборота. Здесь стихийное начало преобладает и воздействует на развитие крестьянского хозяйства уже в ином направлении. Стихия вносит поправки в процесс осуществления народно-хозяйственого плана. Это имеет тем большее значение, что кон'юнктура вольного рынка и внутри-деревенского оборота оказывает известное влияние и на условия плановых заготовок.

Однако, здесь все дело в с т е п е н и, отклонения от плана, в значении этих поправок, могут ли они (при правильной экономической политике) изменить основное направление развития, т.-е. привести к срыву народно-хозяйственного плана. Сфера отношений внутри несоциалистических секторов уже значительно сужена и носит на себе печать косвенного планового воздействия (торговля, кредит, накопление). Не стоимостные тенденции, коренящиеся в этих отношениях, определяют путь развития нашей экономики. Эти стоимостные тенденции, противостоящие народно-хозяйственному плану, проявляющиеся главным образом через посредство вольного рынка, приводят лишь к известным о т к л о н е н и я м от плана. Эти отклонения благодаря воздействию плана не перестают в его срыв, благодаря плановому подтягиванию отстающих отраслей. По этой линии и протекает борьба плана и стихии.

«Борьба плана со стихией» означает по существу классовую борьбу пролетариата за социалистические отношения, борьбу, сводящуюся к вытеснению капиталистических элементов (активных носителей противоположных тенденций) и к переустройству мелко-товарных форм.

Мирное сожительство плана и стихии невозможно. Не исключено, что на отдельных участках временно стоимостные тенденции могут даже совпа-

дать с интересами народно-хозяйственного плана, но в общем и целом—это два социально-враждебных начала. Следует резко подчеркнуть различие роли стоимостных тенденций на разных этапах.

В восстановительный период их роль была большей, чем в реконструктивный, но зато и их «враждебность» плану значительно возросла, как и возможности их преодолевания.

Это отражает развитие классовых отношений: рост и активизацию капиталистических элементов с одной стороны и рост планового охвата мелкотоварных хозяйств—с другой.

Неверно было бы утверждение, что план персонифицируется только в пролетариате, а закон стимости в мелко-товарном (бедняцком и середняцком) крестьянстве и, следовательно, если у нас налицо союз рабочего класса с крестьянством, отражает сожительство, гармоническое сочетание плана и закона стоимости.

Правильно было бы сказать, что осуществление народно-хозяйственного плана, как регулятора, означает осуществление союза рабочего класса с мелко-товарным крестьянством под руководством пролетариата, означает процесс постепенной социальной реконструкции деревни, социалистической трансформации. Господство закона стоимости означает победу противоположных тенденций, при которой—нет места социалистическому переустройству деревни. Следовательно, если отрицать ведущую роль народно-хозяйственного плана, то остается либо признать в той или иной форме стихийный путь развития хозяйства, либо признать наличие двух регулятивных начал. Здесь однако опять-таки возникает трудность: приходится либо стать на неправильный путь отрицания враждебного характера обоих начал, либо, если признать враждебность этих начал, стать на неверную точку зрения борьбы «двух регуляторов», наиболее логично развитую Преображенским.

Конечно, процесс индустриализации проходит при рыночном стимулировании крестьянских хозяйств, не говоря уже, конечно, об общем совпадении интересов пролетариата и основных масс крестьянства, но это отнюдь не означает «соглашение с законом стоимости». Здесь смешивается стимулирование частных интересов основных масс деревни (сочетание частного интереса с общественным) с действием закона ценности; так же как изживание стоимостных пропорций не означает тем самым установления невыгодных для основных масс крестьянства соотношений цен. Тенденция к эквивалентности обмена в наших условиях сводится к тому, что трудовые затраты должны распределяться в основном согласно потребностям народно-хозяйственного плана (переходной экономики), а не согласно стихийным требованиям неорганизованного хозяйства. Эта трансформация принципа эквивалентности не противоречит, а соответствует основным интересам мелких товаропроизводителей. Абсолютно неверно утверждение, что по мере изживания «ножниц» все больше осуществляется закон ценности. Это по существу не марксистская, а механистическая трактовка стоимости (смешение стоимости с степенью эквивалентности «обмена веществ» в обществе). Результат планирующей и регулирующей деятельности пролетарского государства преломляется в сознании мелких товаропроизводителей, зачастую как колебания рыночной кон'юнктуры, большая или меньшая выгодность рыночной реализации динамики цен стимулируют их деятельность. Но, ведь, не суб'ективное восприятие тех или иных явлений является определяющим началом закона ценности. Он представляет собой об'ективную закономерность, заключающуюся в определенном способе распределения производительных сил в процессе воспроизводства. Если в основе этого распределения положен народно-хозяйственный принцип, а не стихийное сочетание индивидуальных хозяйственных актов, это означает уже отсутствие

закона стоимости, как регулятора хозяйства, даже в измененной форме. Иначе мы вступили бы на путь фетишизации рыночной внешней формы.

Таким образом, голая формула «борьба плана со стихией» ни на иоту не подвигает разрешения вопроса о регуляторе советской экономики, поскольку все многочисленные точки зрения, несмотря на их резкое различие, ею покрываются.

По существу же мы имеем три группы точек зрения, по-разному толкующих взаимоотношения плана и стихии: в основе первой лежит признание гегемонии стихийного начала, в основе второй—господства обоих начал планового и стихийного, в основе третьей—гегемонии плана. Строго говоря и вторая точка зрения (сюда относится теория двух регуляторов, двуединого регулятора, двух основных кругов воспроизводства и т. д.) признает господство стихийного начала. Поскольку план не является единым регулятором, а лишь одним из элементов стихийно складывающейся равнодействующей, которая тем самым не может совпадать с планом (поскольку она возникает под влиянием и другого фактора) — хозяйство по существу управляется стихией, что не может не вызвать социальной деградации. Лишь при плановом регуляторе устраняется гегемония стихийного начала, стихийный путь развития хозяйства, исключающий построение социализма.

Плановый регулятор является единственно возможной формой успешного социалистического строительства. Борьба плана и стихии проявляется в двух моментах. Во-первых в процессе составления плана, когда учет стихийных тенденций, не лишая плана ведущей роли, заставляет отказаться от полного применения принципа народно-хозяйственного оптимума. Во-вторых, при осуществлении плана, когда стихия «стремится к добавочным уступкам» к плану.

Эти коррективы, однако, благодаря социальной структуре СССР не могут изменить направление развития.

Оба эти момента, составляя отличную черту планового регулятора советской экономики от планового регулятора социалистического общества, тем не менее не лишают народно-хозяйственный план его роли регулятора.

Итак плановое регулирование хозяйства может иметь четыре основные формы.

1. Либо план только предвосхищает стихийные тенденции, внося лишь свои коррективы — тогда он является формой проявления стихии, а отнюдь не народно хозяйственным планом, что несовместимо с переходной к социализму экономикой.

2. Либо план, не являясь единым регулятором, результатом хозяйства разделяет свою руководящую роль с законом ценности. Закон ценности стремится установить свою систему равновесия, народно-хозяйственный план—свою.

При одновременном действии обоих этих регуляторов резкое перманентное нарушение равновесия, вытекающее из столкновения этих двух начал, явилось бы неизбежным спутником переходной экономики. Этот вывод неизбежно вытекает из отрицания ведущей роли какого-нибудь одного из этих двух начал. Успешное социалистическое строительство перестает быть об'ективно обусловленным.

Разделение между регуляторами «сфер влияния» с особыми системами равновесия неправильно.

В отдельном секторе не может установиться никакого обособленного равновесия. В основном мы имеем единый круг воспроизводства народно-хозяйственного целого. Правда, резко выявляется стихийная тенденция капиталистических элементов к созданию особого замкнутого круга воспроизводства. Об этом говорят исследования и о частном капитале в условиях СССР,

в частности работа Ю. Ларина. Яркое подтверждение этому дает ход хлебозаготовок 1928/29 года с характерным «раздвоением рынка» на «вольно-спекулятивный» и планово-обобществленный. В каждом из этих рынков имел место товарообмен (промтовары — хлеб) с резко различным ценовым выражением. Ведущим началом в первом процессе был кулак и частник, во втором — кооперация. Однако, несмотря на наличие подобных тенденций, ни в коей мере неверно было бы утверждать о наличии двух сколько-нибудь равноправных кругах воспроизводства: капиталистическом и социалистическом (в основном эта установка не отличается от теории «двух регуляторов»). Достаточно ознакомиться хотя бы с основным статистическим материалом, чтобы притти к отрицанию этой точки зрения. В основном продукция различных отраслей народного хозяйства, связанных цепной рыночной связью, включается на различных этапах в единый круг воспроизводства, регулируемый в целом народно-хозяйственным планом, хотя влияния его на различных этапах этого процесса неодинаково. Не отрицая необходимости анализировать проявление действия регулятора на отдельных участках народного хозяйства, следует подчеркнуть и необходимость такого синтеза, который дал бы монистическую теорию регулятора.

Ошибка Преображенского, как известно, заключалась в том, что он строил абстрактную схему социалистического плана, затем абстрактную схему развития частного сектора и, наконец, выводил механически (это было неизбежно) равнодействующую обоих элементов. Этой ошибки не могут избегнуть все отрицающие ведущую роль одного начала. Между тем ведущая роль народно-хозяйственного плана проявляется и исчерпывается процессом превращения переходной экономики в социалистическую, процессом вытеснения капиталистических и переделкой мелко-товарных форм.

Развитие последних уже включено в этот процесс, оно взято на буксир народно-хозяйственным планом. Нелепо, конечно, отрицать наличие стоимостных тенденций по линии внутридеревенского оборота, но это еще отнюдь не означает, что стоимость хотя бы в измененном виде или как равноправное с планом начало определяет пути развития хозяйства.

3. Таким образом, третья форма планового регулирования заключается в том, что в основном, но не полностью, принцип народного хозяйственного оптимума осуществляется и народно-хозяйственный план тем самым уже является единым регулятором.

Если бы этот принцип в основном не осуществлялся, мы имели бы господство стихийного начала и невозможность перехода к социализму.

Если бы он осуществлялся полностью, тогда мы бы уже имели социализм (четвертую форму планового регулирования хозяйства).

Таким образом только третья форма планового руководства свойственна переходной к социализму экономике.

* * *

Диспропорции в нашем хозяйстве вытекают не из наличия двух борющихся регулятивных начал в нашей экономике социалистического и товарно-капиталистического. Они являются следствием противоречия между социальной формой СССР (классовые отношения, распределение дохода, накопление и т. д.) и отстающим от нее унаследованным от царизма уровнем производительных сил. Следовательно, в самой советской системе хозяйства, позволяющей осуществлять быстрый темп индустриализации, заложена возможность их изживания.

Таким образом, основные причины хозяйственных затруднений текущей кон'юнктуры не суб'ективного порядка; они носят глубокий, об'ективный, структурный, а не кон'юнктурный характер, будучи связаны с унаследованным низким уровнем индустриализации. Из такого об'яснения трудностей следует, что основной выход из затруднений—борьба с основными структурными их причинами, отсюда — быстрый темп индустриализации, как предпосылка обобществления и быстрый темп обобществления, как условие индустриализации, намеченный пятилетним планом.

Иная установка у правых, — структурные причины затруднений, вытекающие из противоречия между социальной формой и низким унаследованным уровнем производительных сил, ими значительно преуменьшаются, затруднения текущей кон'юнктуры об'ясняются в основном суб'ективными причинами (соответствующими политическим ошибкам), неправильной политикой, т.-е. осуществлением плана чрезмерно игнорирующего рыночную стихию, создаются новые структурные причины якобы надвигающегося всеобщего кризиса; продолжение взятой линии должно, по их мнению, углубить кризис и вызвать деградацию всего хозяйства. Отсюда в качестве выхода намечается изменение курса политики с ударением на уступки рыночной стихии, дополнительное рыночное стимулирование индивидуальных хозяйств и т. д. Пятилетний план, естественно, при такой установке представляется не связанным с текущей кон'юнктурой, не дающим перспектив для изживания затруднений. Какова же оценка плана правыми и троцкистами? В известном смысле переоценка планового начала характерна для тех и других. Однако, речь идет о различном содержании, которое вкладывается в понятие плана.

У первых имеет место переоценка суб'ективных возможностей устранения хозяйственых затруднений, достижения рыночного равновесия.

Это об'ясняется отрицанием или преуменьшением структурных причин затруднений, недооценкой противоречия социалистических и несоциалистических форм.

Отсюда идеализация такого плана, такой политики, которая в значительной степени пассивно приспособляется к рыночной стихии. Они полагают, что продвижение вперед и изживание трудностей обеспечивается бесперебойным осуществлением такого плана, между тем как результатом его явилась бы социальная деградация и резкое обострение затруднений при попытках борьбы с ней. Недостаточное осуществление такого плана и является, по их мнению, основной суб'ективной причиной этих трудностей. Наоборот, они недооценивают возможностей директивного народно-хозяйственного плана, активно видоизменяющего рыночные тенденции, т.-е. по существу плана, содержанием которого является быстрый темп индустриализации и обобществления.

Троцкисты, преувеличивающие противоречия социалистического сектора и товарного хозяйства, преувеличивающие удельный вес и значение капиталистических элементов, выдвигают иной план, рассчитанный не на построение социализма (что немыслимо при существующем, по их мнению, сопротивлении товарных хозяйств), а на удержании позиций до прихода помощи извне, путем ожесточенной борьбы с товарным хозяйством. Такой план неизбежно приобретает «авантюристический» характер.

Из оценки природы советского хозяйства, из оценки природы плана правыми и троцкистыми следует, что развертывающееся наступление на капиталистические элементы несовместимо с сохранением необходимого для построения социализма союза с середняком, что проводимый быстрый темп индустриализации должен привести к колоссальному развитию противоречий между социалистическим и товарным хозяйством, которые (противоречия) являются препятствием к успешному социалистическому строительству. Однако, выводы, которые делаются из этих положений теми и другими, конечно, различны.

Точка зрения, высказанная выше, признавая наличие народно-хозяйственного плана, как регулятора, вместе с тем отрицает за ним возможность

немедленного устранения наличных диспропорций. Однако, осуществление этого плана идет по пути их изживания к построению социалистического общества.

* * *

Подведем некоторые итоги всему вышесказанному. Вопросы экономической политики, темпа индустриализации, обобществления, регулирования рынка, степени интенсивности классовой борьбы о б о б щ а ю т с я в вопросе о природе нашего плана.

Огромное значение планирования в наших условиях, естественно, не оспаривается никем. Весь вопрос заключается в том, что лежит в его основе. Иными словами, является ли он регулятором воспроизводства, реконструкции, в процессе которой вносятся известные коррективы стихией, или план осуществляет с т и х и й н ы е тенденции, внося лишь те или иные коррективы или, наконец, участвуя, как одна из сторон, в регулировании хозяйственной жизни.

Мы считаем, что закон ценности, хотя бы и измененный, «перерастающий» и т. д. не является регулятором советского хозяйства, не может являться даже одним из о п р е д е л я ю щ и х начал развития советской системы.

Наш план опирается на социальную структуру нашего хозяйства, требующую и вместе с тем предоставляющую возможность установления уже иных пропорций на основе народно-хозяйственного принципа. Но по мере дальнейшей социальной перестройки советской экономики мы будем иметь перерастание нынешнего народно-хозяйственного плана в социалистический. Включение стихии в план будет играть не меньшую роль. Коррективы стихии будут все суживаться. Таким образом, у нас имеет место процесс эволюции народно-хозяйственного плана, а не закона стоимости, как регулятора хозяйства.

Отрицание господства (хотя бы измененного) закона ценности означает не отрицание стимулов к производству для мелких товаропроизводителей, а о с о б о г о капиталистического пути их развития. Лишь при развертывании социально-экономических мероприятий реконструктивного периода полностью выявляются существенные черты регулятора советской экономики.

Признание народно-хозяйственного плана регулятором (новой формой проявления закона пропорциональности трудовых затрат) советской экономики, естественно, несовместимо как с троцкистской, так и с установкой правых. Для первой оно неприемлемо поскольку предпосылкой его является соответствующая оценка взаимоотношений социалистического сектора и мелкотоварного и отрицание диспропорций и кризисных явлений как неизбежного спутника нашей социальной системы.

Для установки правых неприемлемо о с о б о е противопоставление народно-хозяйственного плана стихийному регулятору и то ударение, которое делается на вопросе о возможности и необходимости иных пропорций. Отсюда различие в оценке хозяйственного положения и перспектив, возможного и необходимого для нашей хозяйственной системы, возможностей ограничения рыночной стихии в оценке значения баланса рыночного спроса и предложения для нашей политики капитальных вложений и т. д. Словом, вопросы темпа индустриализации, обобществления, регулирования товарооборота и т. д. имеют теснейшее отношение к проблеме регулятора.

Необходимость тщательного изучения в теоретическом разрезе (на основе анализа конкретного материала реконструктивного периода) вопросов о регуляторе советского хозяйства ощущается сейчас особенно сильно. В задачу данной статьи входила лишь постановка некоторых вопросов из этой огромной области.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Победа марксистского краеведения.

(Первая краевая советская энциклопедия).

В издании Сибкрайиздата вышел из печати первый том Сибирской советской энциклопедии (ССЭ). Он обнимает словник от А и до К включительно и заключает в себе разработку 1.800 словных обозначений.

И з д а н и е п е р в о й к р а е в о й м а р к с и с т с к о й э н ц и к л о п е д и и является выдающимся явлением мирового характера и величайшим достижением нашей культурно-общественной жизни. Факт издания такой энциклопедии может быть об'ясним только наличием у нас Советской власти и господством марксистско-ленинской методологии и единой идеологии класса-гегемона — рабочего класса.

В самом деле, где кроме как в СССР, имеется еще такой смелый опыт? Нигде! Старая культура капиталистического мира в деле изучения своих окраин в лучшем случае несет свои «ирбуки», т.-е. сводные справочники описательно-прикладного характера, не идущие в классификации своей тематики дальше элементарного индекса обиходных слов (комплексные статьи с алфавитным выделением в них наиболее значимых тем). Таковыми являются индийский и китайский «ирбуки» англичан, корейский — японцев и т. д. Этому легко найти об'яснение; ведя политику колониальной экспансии, буржуазия капиталистических стран-метрополий, не может себе позволить роскоши иметь периферийные энциклопедические издания, трактующие общие вопросы истории, политики, философии и экономики, ибо не имеет общего языка не только с трудящимися массами своих периферий (колоний), но не всегда даже находит этот язык и с широкими кругами их туземной буржуазии (средней и мелкой). В этом отношении не безынтересно вспомнить наше собственное недавнее прошлое — попытку, предпринятую в 1909—1910 г. сибирскими областниками (Потанин, Андрианов и др.) издания общесибирского справочника по типу приближающемуся к энциклопедии. Неудачи этого издания начались с того, что лица, раньше обещавшие финансировать его, отказались от этого, при чем в основе этого отказа лежало противоречие интересов представителей групп сибирской буржуазии, ведущих экспортные операции на внутреннем (российском) и внешнем (заграничном) рынках и интересов т.-наз. туземного купечества, работавшего на местном рынке, томского, по преимуществу. Дело дошло тогда до того, что, вследствие отказа от финансирования, со стороны сильнейшей западно-сибирской (экспортной) буржуазии, предпринятое областниками издание было скомкано и выпущено в свет, как справочник узко-районного характера. Следствием этого же разногласия интересов явился тогда почти одновременный, параллельный выпуск ряда солидных справочных изданий (уральского, западно-сибирского, восточно-сибирского и т. д.), через которые красной нитью прошла борьба разных конкурирующих торгово-буржуазных клик Сибири за влияние в деле железно-дорожного строительства (спор о направлении Омско-Тюменской или Курган-Шадринской ж. д., спор о направлении и выходе южно-сибирской магистрали и ее алтайском варианте, о направлении северо-восточной сибирской магистрали на Томск—Енисейск, или Канск—Енисейск и т. д. и т. п.).

В свете этих фактов не будет преувеличением, если мы скажем, что издание Сибирской советской энциклопедиии является завершением [illegible]ого этапа культурного строительства нашей страны, выражением роста ее районов, колоссальнейшей победой на фронте социалистической культуры. И это тем более так, если мы примем во внимание, что на примере данного издания мы имеем не простую счастливую случайность, не отдельное изолированное начинание удачливых составителей и издателей, а п о и с т и н е в а ж н е й ш и й к у л ь т у р н о - н а у ч н ы й п о ч и н м а с с о в о г о х а р а к т е р а (при тираже в 10 тыс. экз. только одна предварительная подписка достигла 7 тыс. экз.), за которым и по проторенным путям которого тянутся теперь проектируемые издания других краевых энциклопедий: Закавказской, Средне-Азиатской и пр.

Однако, мы бы совершили величайшую ошибку, если упустили из виду отдельные, подчас весьма важные недочеты первого тома ССЭ. А недочеты эти проявляются в нем не только в недостаточной полноте обиходных словных обозначений, о чем речь будет итти ниже, не только в недостаточной увязке

(комплексировании) статей, очерков и заметок по смежным темам, что также имеет место, но зачастую и в неправильности их методологической обработки ряда тем.

В этой связи раньше всего бросаются в глаза непропорциональность словных обозначений по отдельным отделам (отраслям знания) энциклопедии, при чем явно выпирают обозначения слов узко справочного характера по географии, антропологии, этнографии, археологии, за счет неполноты слов по истории классовой борьбы и экономики Сибири. Потому эта диспропорция носит не количественный, а **качественный** (методологический) характер. О том же самом свидетельствует и неполнота персоналей (биографий) виднейших участников рабочего движения и партийных организаций Сибири. Под неполнотой персоналей надо разуметь отсутствие в первом томе ССЭ биографий: Авдеева, Бабайлова, Бронштейна, Буртмана, Гершевича, Гольдсобеля, Гордеева, Гусельникова, Джорова, Дмитриевского, Дымова и других виднейших деятелей пролетарской революции в Сибири.

Другая серия недочетов методологического характера касается содержания отдельных статей, очерков и заметок первого тома ССЭ. Наиболее важными из них являются:

1. В заметке «Буфер» происхождение этой переходной (временной) формы организации власти на Дальнем Востоке и борьба за приоритет **советских** форм «Буфера» (В.-Удинск, Чита),— об'ясняется автором междуусобной борьбой приморской и забайкальской группировок партийцев. Забыто, что идея «Буфера» вытекала из учения Ленина о передышке, что самая организация последнего была осуществлением одного из гениальных маневров Ленина по отношению к империалистам ДВ, что самая организация «Буфера» и борьба за приоритет В.-Удинска, а позже и Читы, производилась по прямым директивам большевистского центра. Поэтому нельзя не признать, что авторы этой заметки явно неправильно ориентируют читателя на счет истории «Буфера» и этого его значения в деле борьбы пролетарской революции с интервенцией.

2. В заметке «Анархисты» авантюристический характер деятельности анархистов об'яснен не причинами классового характера, а тем, что анархисты «жили несколько обособленно от других ссыльных (!!)».

3. В статье «Бурят-монгольская Автон. Советская Социалистическая Республика» самоопределение бурят-монгольских трудящихся масс об'ясняется как «культурно-национальное самоопределение» (?). Политического значения разрешения национального вопроса, а тем более его классового разреза, в статье совершенно не дано.

4. В заметке «Даурское правительство» указывается, что образование этого правительства является попыткой «панмонголистов образовать фантастическое (?) государство с территорией от Байкала до Тибета и от Манчжурии до Туркестана». Давая такое определение, автор и редакция ССЭ упускают из вида основное положение марксизма, что государства образовываются людьми в процессе борьбы классов и то, что еще столь недавно казалось рядовому обывателю фантастическим, на наших глазах становится реальностью, например, образование СССР. Кто, например, может оспорить положение, что если бы, к примеру говоря, на русском ДВ утвердилась власть буржуазии в образе ли меркуловщины или эсеровско-меньшевистской медведевщины, — не приобрела ли бы тогда панмонголистская фантастика вполне реальных очертаний.

5. В заметке о восстании казаков («киргиз») в 1916 г. взята и узаконяется одна из наиболее спорных в отношении марксистской методологии характеристик этого восстания. А между тем мы имеем теперь значительное количество марксистских работ по этому вопросу, которых автор не указал даже и в перечне литературы.

6. В статье «Востоковедение» дается не правильное об'яснение понятия **востоковедения**, как отрасли знаний. Об'яснение это исходит из вульгарных определений «экономического материализма» и видит «базу» этой отрасли только в пронкновении торгового капитала на Восток. При этом автор совершенно не замечает всего комплекса отношений к этой проблеме ни со стороны современного капитализма (империализма), ни тем более со сторны марксизма эпохи империалистических войн и пролетарских революций (ленинизма), избирающего «базой» востоковедения, как предмет изучения, взаимоотношения капиталистической метрополии и их колоний с одной стороны, советского центра со своими национальными окраинами — с другой. Автор рецензируемой статьи не видит и **различия** «баз» изучения Востока нами и нашими антагонистами. По крайней мере, в статье мы не находим прямого указания, что в противоположность изучению империалистами отсталых стран Востока в целях их порабощения (автаркии), марксистско-ленинское изучение колониальных проблем исходит из необходимости нахождения путей, ускоряющих и облегчающих ход колониальных революций, а по отношению к Востоку Советскому — путей скорейшей ликвидации остатков хозяйственно-культурного неравенства национальных республик и областей на основе максимальной помощи им со стороны центра, самого тесного их сотрудничества с ним и социалистического разделения труда этих районов в пределах общего плана народного хозяйства СССР.

Вполне понятно, почему при таком подходе автора к трактовке темы из его очерка выпали наиболее красочные факты о востоковедении, как о классовой борьбе, проявляемой в научной форме по отношению к явлениям истории, философии, этнологии и экономики колониальных и полуколониальных стран, например, сведения об обоих снаряженных в 1908—10 гг. в Сибири монгольских экспедициях: профессоров Соболева и Боголепова и москвичей, способствовавших «научному» обоснованию «необходимости» усиления колониальной экспансии русского торгового капитала в Монголию и полной анексии Урянхая (Танна-Тувы).

7. В заметке «Бодайбо» дается довольно подробное описание этого города и значительный перечень литературы о нем. Не находится в ней места хотя бы только для краткого указания **на историческую** роль этого «населенного пункта», как театра величайшей классовой битвы до октябрьского периода (ленская забастовка 1912 г.). Ведь география революции не менее почетная отрасль знания, чем, скажем, география физическая, или экономическая!

8. В заметке «Авксентьев» совершенно непонятная, исторически и политически обеляющая этого социал-белогвардейца, характеристика, указывающая будто бы он после разгона Колчаком «директории» и после своей высылки за границу вел там борьбу с Советской властью только «в печати» (?!).

9. В очерке «Железнодорожники» нет исторического разреза формирования ж.-д. пролетариата Сибири и не даны яркие, в классовом отношении наиболее значимые, факты истории борьбы ж.-д. рабочих за приоритет рабочей части железнодорожников, например, а) борьбы за созыв сибирских ж.-д. с'ездов в центрах сосредоточения главной массы ж.-д. пролетариата Сибири — в Красноярске, Омске и Чите в противовес созыву их в центре нахождения чиновничьих управлений ж.-д. сетью Сибири—Томске и Иркутске; б) всеобщей сибирской ж.-д. забастовки в августе 1905 г., сопровождавшейся ожесточенным полицейским террором: убийством Чальникова в Красноярске и массовыми арестами); в) наконец, борьбы ж.-д. рабочих Средней и Восточной Сибири за перенос управления Сибирской ж.-д. из чиновнического Томска в рабочий Красноярск.

Отсутствие в данном очерке названных фактов лишает его необходимой полноты и насыщенности классовым анализом фактов.

10. В заметке «Ефремов» не дано, одного из ярких проявлений классовой борьбы в революционном движении Сибири, в то же время являющегося и наиболеее яркой характеристикой этого местного буржуазно-радикального публициста. Речь идет о той ожесточенной борьбе, которую он вел в своей иркутской газете с подпольной с.-д. организацией во время выборов во 2-ую государственную думу и во время восстания иркутских понтонеров, приведшую к расконспирированию и провалу ряда ее работников и «профессионалов» (А. Сухорукова и др.).

11. В заметке «Григорьев, В. Ю.» дается какая-то стыдливая ссылка на его работу в качестве комиссара по делам Урянхайского края, в то **время как о содержании этой работы не сказано ни одного слова**. А ведь она-то изобиловала наибольшим количеством наглядных моментов империалистической политики русского царизма и капитализма в Танна-Туве. Не умаляя достоинства названного деятеля, как ученого исследователя, автор был обязан отметить вышеназванные черты его боевой империалистической деятельности. Не сделав этого, автор заметки, а вместе с ним редакция ССЭ, взяли на себя неблагодарную и не однажды повторяемую и в других заметках роль ретушера негативных черт биографий (Андрианов, И. С., Гольдберг и др.).

Не мало в вышедшем томе ССЭ и погрешностей чисто технического характера. Некоторые из них носят черты простой неряшливости. Например, в заметке «Далемба» указывается, что эта материя поступает в Сибирь из Монголии и ни слова не говрится о политической роли этого фабриката в деле империалистического соревнования русского, американского и японского капиталов в Монголии. Ведь в результате этой борьбы московские текстильные фабриканты в конце минувшего столетия начали вырабатывать далембу **у себя** (одно время почти совершенно уничтожив ее кустарное производство в Монголии), а американцы и японцы — у себя. Как видите, в этой заметке, следствием фактической неточности, упущен еще и важнейший социально-экономический момент.

В заметке «Гоштовт» ошибочно указано, будто этот старейший сибирский большевик работал «в последнее время в Моске»; тогда как на самом деле он до последних дней своей жизни работал в Сибири (Красноярске) и лишь умер в Москве, находясь здесь проездом по пути на курорт Сочи—Мацеста.

В статье «Газеты Сибири в годы революции и гражданской войны» указано будто в состав редакции «Сибирской Правды» входил и тов. А. Рогов, чего на самом деле не было, ибо он в это время вел другую ответственно-руководящую работу.

Нельзя пройти мимо и другой серии недочетов рецензируемого издания. Так, в нем совершенно отсутствует значительное количество весьма важных для познания истории, экономики и других отраслей изучения Сибири словных обозначений, а именно: Амурская речная флотилия, Азеф, Академисты, Амурская экспедиция, Алтайская духовная миссия, Архиерейский бунт, Авдеев Н, Артемьев, «Абакан»—акц. о-во, Булацель, Биржи труда (до рев.), Букейханов, Булыгин, Бабайлов И, Благовещенская трагедия (потопление китайцев), Брестский мир, Бойкот, Брюль и Тенгерсен. Восстания: иркутских понтонеров 1906 г., Владивосток. 1906 и 1907 гг. и ряд других, Военно-промышленные комитеты, Военно-революционные организации 1906—1917 г., Вайнштейн И, Гонготская конференция, Гондатти Н. Л., Гей-др. Гинс Г. К., Группа федералистов» (Читы 1906 г.), Гершевич К, Грибанов Н, Грацианов, Дальне-Восточный Секретариат Коминтерна, Демонстрации, Доброхотов, Добровольский, Джоров Ст, Дутов от Дальбюро ЦК РКП, Дмитриевский В, Дже-Лама, Дацков А, «Досуги Заамурца», Епископ Макарий Алтайский, Егерские полки и Желтый труд.

Несмотря на внешние кажущиеся разнообразия и разноценность этих отсутствующих в рецензируемом нами томе словных обозначений, все они идут по одной линии — по линии придания всему изданию более выпуклого классового разреза на конкретном краевом материале — по линии углубления марксистско-ленинского изучения Сибири.

Без включения перечисленных слов в ССЭ она будет не полной по содержанию. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы редакция в последнем томе своего издания отвела бы им специальное место.

Касаясь формы изложения даваемого первым томом ССЭ материала, надлежит указать, что в основной своей части она является доступной для того круга пользователей, на который рассчитано данное издание, при чем нельзя также не отметить, что популярность этого изложения в подавляющем большинстве случаев не сбивается на путь вульгарного упрощенства.

В заключение нельзя не отметить выдающейся техники издания первого тома ССЭ (печатано в типографии «Правда»). Даже перевод значительного количества площади его набора на ослепляющую нонпарель, а печатание — тому же содействующую глянцевую бумагу, искупается высокой техникой ярко броского набора, оригинальностью верстки, богатством и великолепием иллюстрационного и графического материала. Роскошный переплет вполне заслуженно дает изданию соответствующую внешнюю оболочку.

В интересах борьбы за качество продукции, нельзя лишь не отметить следующего дефекта техники издания — небрежной приправки и фальцовки, в результате чего косят поля страниц и колонн-цифры.

БОРИС ШУМЯЦКИЙ.

Почта Отдела консультации.

25/X послан ответ почтой т. Волкову, И. (г. Вознесенск).